

АРНАЛЬД ИНДРИДАСОН

**ТЬМА
ЗНАЕТ**

ИНДРИДАСОН —
БЕСПОРНЫЙ КОРОЛЬ
ИСЛАНДСКОГО НУАРА.
THE GUARDIAN

18+

АРНАЛЬД ИНДРИДАСОН

ТЬМА ЗНАЕТ

ИНДРИДАСОН —
БЕССПОРНЫЙ КОРОЛЬ
ИСЛАНДСКОГО НУАРА.
THE GUARDIAN

Тъма знает

(Детектив Конрауд - 1 , Триллер по-скандинавски)

Арнальдур Индридасон

В безмерных глубинах ледника Лангйёкютль находят замороженное тело бизнесмена, бесследно исчезнувшего тридцать лет назад. Преступление тогда так и осталось нераскрытым.

Полиции ничего не остается, как вновь арестовать тяжелобольного подозреваемого Хьяльталина, которого в свое время так и не удалось упрятать за решетку.

Конрауд, полицейский в отставке, возобновляет собственное расследование этого дела, которое десятилетиями не давало ему покоя. Перед смертью Хьяльталин просит Конрауда найти настоящего убийцу и отомстить за все страдания, терзающие его душу.

Когда ночью к Конрауду приходит пьяная женщина со странной пугающей информацией, полученной от ее трагически погибшего брата, наконец-то появляется новая зацепка, которая может привести к настоящему преступнику.

Но хватит ли сил Конрауду раскрыть страшные секреты, копившиеся десятилетиями, и жестокую правду, способную разрушить множество жизней?

Арнальд Индридасон

Тьма знает

Arnaldur Indriðason
MYRKRIÐ VEIT

Published by agreement with Forlagið, www.forlagid.is and
BANKE, GOUMEN & SMIRNOVA Literary Agency, Sweden

© Arnaldur Indriðason, 2017

© Маркелова О., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Арнальд Индридасон – признанный автор исландского нуара. Его романы неоднократно удостоивались престижных литературных премий. Два года подряд Индридасон получал премию Nordic Crime Novel Press. Он также является лауреатом престижной и всемирно известной премии CWA Gold Dagger Award за лучший криминальный роман года на английском языке.

Триллеры Индридасон проданы по всему миру суммарным тиражом свыше 14 миллионов экземпляров и переведены на 40 языков.

** * **

Это произведение – художественный роман. Имена, персонажи и события полностью являются вымыслом автора.

Тяжко сердцу от тоски
(тьма так много знает).
Так и зелень у реки
глушат черные пески;
лед на склоне трещины пронзают.

– Йоуханн Сигюрйоунссон [Ш](#)

1

День выдался необыкновенно погожий. Она некоторое время посидела вместе со всеми, наслаждаясь солнцем и отдыхая от ходьбы, порылась в своем рюкзаке в поисках свертка с едой, полюбовалась ледником, – и тут ее взгляд упал на наст, и она увидела: из него выглядывает человеческое лицо.

Через миг она осознала: да, именно так и есть! Едва до нее дошло это, как она вскочила, и тишину над ледником пререзал ее пронзительный крик.

Туристы-немцы вздрогнули. Они сидели повсюду вплотную друг к другу – и не поняли, что стряслось, когда их гид – взрослая исландка, обычно такая уравновешенная и неробкая, вдруг нарушила тишину.

Накануне они поднимались на Эйяфьятлайёкютль. Этот ледник стал популярен у туристов после знаменитого извержения, случившегося несколько лет назад – тогда вулканический пепел из кратера под ледником парализовал авиасообщение во всей Европе. Сейчас толстый слой пепла, в ту пору покрывший окрестности, в основном уже исчез: его сдуло или смыло. Склоны гор вновь приобрели свой естественный цвет, и земля пришла в себя после стихийного бедствия.

Поездка должна была занять десять дней, и за то время было запланировано восхождение на четыре ледника. Примерно неделю назад они выехали из Рейкьявика на специально оборудованных

машинах, которые могут въезжать на ледник. Ночевали в хороших гостиницах Южной Исландии. Туристы ни на что не жаловались. Они все были друзьями из немецкого автопромышленного города Вольфсбурга, и денег у них хватало. На ледниках подавали роскошные обеды, а по вечерам, после спуска с гор, устраивали застолья. Проводились достаточно длинные походы по льду с привалами и перекусами. Группе особенно повезло с погодой. В том сентябре каждый день в небесах сияло солнце, и туристы постоянно спрашивали гида о глобальном потеплении и о том, как на Исландию повлияет парниковый эффект. Пару десятилетий назад она несколько лет изучала литературу в Гейдельберге и свободно говорила по-немецки, и в этой поездке звучала только немецкая речь – кроме этих самых двух английских слов: «global warming».

Она рассказала им, как в последние годы менялся климат. Что лето становилось теплее, солнечных часов замерялось больше, но на это никто не жаловался: в Исландии летом погода может быть очень непостоянной, порой тепла не дождешься несколько дней, а то и недель подряд. И что зимы стали мягче, снегу выпадало меньше, хотя зимняя темнота никуда не делась. Но наиболее заметным изменением в ландшафте были ледники: они быстро уменьшались – в качестве яркого примера она привела Снайфельсйёкютль: от его бывшего величия осталось лишь воспоминание.

Последним ледником, который они осмотрели во время поездки, был Лангйёкютль – и его состояние тоже оставляло желать лучшего. Она рассказала группе, что в тысяча девятьсот девяносто седьмом и тысяча девятьсот девяносто восьмом годах у него убавилось целых три метра. За последние годы ледник уменьшился на целых три с половиной процента. В школе гидов ее учили всегда держать наготове подобные цифры. Она рассказала немцам, что ледники покрывают одиннадцать процентов площади Исландии и что запас воды в них равен сумме осадков за двадцать пять лет.

Ночевали они в Хусафетле, а восхождение на ледник начали примерно в одиннадцать часов. Группа подобралась удачная: большинство в ней было в хорошей форме и с отличным снаряжением, в альпинистских ботинках и защитной одежде. Сложных случаев не возникло, никто не заболел, никто не жаловался и не портил другим настроение, все, как могли, наслаждались поездкой. Они долго шагали

вдоль кромки ледника, но вот ступили на лед и начали восхождение. Под ногами скрипел снег, на поверхность то тут, то там просачивались большие и малые ручейки. Она шла впереди и чувствовала, как навстречу поднимается прохлада ледника и овеивает лицо. Они заметили, как по ледяному простору мчатся люди на джипах и снегоскутерах. Немцы спросили, насколько такой вид спорта популярен в Исландии, а она не смогла ответить ни утвердительно, ни отрицательно. Они часто задавали вопросы, которые заставляли ее врасплох, даже если она хорошо подготавливалась. Один такой прозвучал сегодня за завтраком: в Исландии производят сыры?

Она записалась на курсы гидов уже после того, как туризм в Исландии набрал силу. А до того восемь месяцев была безработной. Во время кризиса она лишилась квартиры, потому что больше не смогла выплачивать ипотеку. Ее возлюбленный переехал в Норвегию: он был плотником, и там для него было много работы. Он заявил, что больше не вернется в эту поганую страну, которую полнейшие идиоты довели до разорения. Кто-то сказал ей, что скоро расцветет турбизнес. Крона упала – ниже некуда, для туристов все было невероятно дешево. Когда эти прогнозы подтвердились, она пошла учиться на гида – и выучила, что приезжающие сюда туристы любят Исландию, ее пейзажи, чистый воздух и тишину.

Но про трупы, вмёрзшие в ледник, она там ничего не учила.

Туристы-немцы сгрудились вокруг нее и следили за ее взглядом, обращенным туда, где виднелась человеческая голова, как будто пытающаяся вырваться из-под льда.

– Что это? – спросила одна женщина из группы, подходя ближе.

– Это человек во льду? – задала вопрос другая женщина, рядом с ней.

Лицо было почти все скрыто тонким слоем снега, но все же можно было различить нос, глазницы и большую часть лба. Других частей головы было не видно, и очертаний тела подо льдом не угадывалось.

– Что с ним случилось? – задумчиво произнес третий турист. Она знала, что он – врач на пенсии.

– Он там долго пролежал? – спросил кто-то еще.

– По-моему, да, – ответил врач, опускаясь на колени над лицом. – Он явно не вчера замерз.

Он осторожно расчистил снег голыми руками, и лицо под ледяной коркой стало видно лучше.

– Не надо было ничего трогать, – назидательно произнесла его жена.

– Все в порядке. Я больше ничего делать и не буду, – ответил врач.

Он поднялся. Взорам остальных предстало лицо, как будто осторожно вылепленное на блестяще-белой корке тончайшего фарфора, могущей треснуть от малейшего прикосновения. Было сложно сказать, как долго этот человек пролежал на леднике, – но лед обошелся с ним бережно, сохранил его и защитил от тления и гниения. Им показалось, что, когда несчастного постигла его участь, ему было около тридцати лет. Лицо у него было широковатое, рот большой, зубы крепкие, глаза глубоко посажены над симпатичным носом. Волосы на голове были густые и светлые.

– Ты ведь уведомишь полицию, душечка? – спросила жена врача, повернувшись к gidу.

– Да, конечно, – рассеянно ответила та, не сводя глаз с лица. – Конечно. Сейчас же.

Она вынула телефон, зная, что в этой части ледника сотовая связь есть: специально проверяла. Она всегда старалась быть в зоне действия сотовой связи или радиосвязи: мало ли что может случиться. В службе спасения на «горячей линии» ей тотчас ответили, и она описала находку.

– Мы недалеко от ледника Гейтландсйёкютль, – добавила она, объяснив ситуацию, и посмотрела на обрывистую скалу, по которой и получила имя юго-западная часть ледника.

Ледник уменьшался постоянно. Готовясь к поездке, она где-то прочитала, что, если так будет продолжаться, к началу следующего столетия он и вовсе исчезнет.

2

Когда он наконец вышел вон, в метель, он был изрядно пьян. Он уже долгое время не мог найти в баре своего друга и подумал, что тот ушел домой. Они оба, как обычно, довольно рано зашли в этот спорт-бар, и матч был очень интересный, а потом он разговорился с какими-то незнакомыми парнями, а Инги стал молчалив. Такое часто бывало, когда тот пил: ни слова из него не вытянешь.

Он втянул голову в плечи, поплотнее обернул свое худощавое тело курткой и двинулся навстречу метели. На одежду начал налипать снег, и ему стало ужасно холодно, и он ругался, что не надел зимний комбинезон, который носил на работе: плотный, теплый, подходящий для любой непогоды. Зимой часто бывало трудно заставить себя по утрам вылезать из теплой бытовки на стройплощадку. Две чашки кофе, сигарета и синий зимний комбинезон очень помогали в этом. Это было не сложно. Это были простые вещи, но наслаждаться ими нужно было уметь. Футбол и холодное пиво из-под крана. Кофе и сигарета. И теплый комбинезон зимой.

Он ускорил шаг по тротуару, и мысли у него были такими же путанными, как и его следы на снегу.

Он никак не мог забыть того человека. Пока они сидели у стойки бара и разговаривали, тот казался ему знакомым, но он далеко не сразу понял, кто это: там было темно, а тот человек был в кепке с козырьком, сидел, наклонив голову, и не поднимал лица. Они немного пообсуждали матч, и выяснилось, что оба болеют за одну и ту же команду. В конце концов он не утерпел и начал говорить о холме Эскьюхлид^[2] и прямо спросил того человека, не встречались ли они с ним там. Не помнит ли он его.

– Нет, – ответил тот и посмотрел из-под козырька, и тут больше не осталось сомнений в том, кто он.

– Ведь это ты был, да? – обрадовался он. – Это же ты был! Ты меня помнишь? Просто не верится! А лёгги^[3] с тобой когда-нибудь говорили?

Тот человек ничего не ответил, но наклонил голову еще ниже. Но он не сдавался и сказал, что несколько лет назад рассказывал об этом полиции, но только она не приняла его в расчет. Ведь полиция таких сообщений получает целый миллион, а он, когда это произошло, был еще мальчишкой, и может быть...

– Отстань от меня, – сказал тот человек.

– Что?

– Понятия не имею, о чем ты болтаешь. Отстань! – рассердился тот человек, встал и решительно вышел из бара.

А он остался сидеть в одиночестве и все еще не верил, что это именно тот самый человек, когда сам на неверных ногах покинул заведение. Он перебежал улицу Линдоргата, думая, что надо как

можно скорее сообщить в полицию, – а видимость между уличными фонарями была почти нулевая. Он уже подходил к противоположному тротуару, как вдруг у него возникло ощущение, что он в смертельной опасности. Вся окрестность озарилась светом, и сквозь вой метели он услышал стремительно приближающийся рокот мотора. И вдруг его подбросило в воздух, он ощутил во всем теле жуткую боль и ударился головой о голый асфальт в том месте, где с него был соскоблен снег.

Шум автомобиля отдалился, и все вновь стало тихо, если не считать воя бури: вьюга бушевала над ним, вокруг него. Забиралась под куртку. Он не мог пошевелиться, у него болело все. Но больше всего голова.

Он попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука.

Он не знал, сколько времени прошло. Вскоре он потерял чувствительность. Ему уже не было холодно. Алкоголь притуплял ощущения. Он думал о цистернах с горячей водой на Эскьюхлид, о том, как весело было там играть, и о том, чему он стал свидетелем в детстве.

Он был уверен: они раньше встречались.

Это был тот самый человек.

Абсолютно точно: он.

3

Когда мобильник начал звонить, Конрауд открыл глаза. Ему так и не удалось заснуть. Как обычно. Таблетки. Красное вино. Медитация без какого-либо определенного направления. Ничто из этого не могло победить бессонницу.

Он не мог вспомнить, куда дел телефон. Иногда тот лежал на ночном столике. Иногда – в кармане каких-нибудь брюк. Однажды он несколько дней не мог отыскать телефон, а в конце концов обнаружил его в багажнике машины. Он вышел из спальни в гостиную, пошел на звук в кухне – там-то на столе и лежал гаджет. За окном стыла темным-темная осенняя ночь.

– Прости, Конрауд, я тебя наверняка разбудила, – прошептал женский голос в динамике.

– Нет.

– Кажется, тебе нужно подъехать к нам в морг.

– А почему шепотом?

– А разве я шепчу?

Женщина откашлялась. Ее звали Сванхильд, и она была патологоанатомом в Центральной больнице.

– Ты новости слышал? – спросила она.

– Нет, – ответил Конрауд, стряхивая с себя апатию. Он копошился в старых бумагах своего отца, и бессонница на этот раз случилась у него частично из-за этого.

– Они привезли его к нам часов в восемь, – сказала Сванхильд. – Они его нашли.

– Нашли? Кого? Кто?

– Немецкие туристы. На леднике Лангйёкютль. Он был подо льдом.

– На леднике?

– Это Сигюрвин, Конрауд. Сигюрвин нашелся. Они обнаружили его труп.

– Сигюрвин?

– Да.

– Сигюрвин? Нет, разве... о чем ты?

– Через столько лет, Конрауд. Просто невероятно. Я решила спросить, не захочешь ли ты взглянуть на него.

– Ты не выдумываешь?!

– Знаю, это невероятно – однако это он! Сомнений нет.

Конрауд опешил. Слова Сванхильд звучали издалека, словно из глубин странного забытого сна. Эти слова он не чаял услышать. Никогда. Слишком уж много времени прошло. Однако он как будто всегда ждал подобного звонка, этих вестей из далекого прошлого, которое, тем не менее, не прошло, а всюду продолжало следовать за ним как тень. И когда эти вести наконец пришли, они выбили его из седла.

– Конрауд?

– Просто не верится, – сказал он. – Сигюрвин? Сигюрвина нашли?

Конрауд опустил на стул у кухонного стола.

– Да. Это Сигюрвин.

– Немецкие туристы?

– Да. На леднике Лангйёкютль. Какие-то ученые заявляют, что с тех пор, как пропал Сигюрвин, ледник значительно уменьшился в размере. Ты вообще новости слушаешь? Это из-за парникового

эффекта. Я решила: наверное, тебе захочется его увидеть до того, как у нас тут завтра с утра все завертится. Он хорошо сохранился во льду.

Конрауд совсем растерялся.

– Конрауд?

– Да.

– Ты не поверишь: он так отлично выглядит!

Конрауд рассеянно оделся. Перед тем, как выйти к машине, он посмотрел на часы. Было почти три. Он покатил по пустым улицам из Аурбайра^[4]. Сванхильд больше тридцати лет проработала в Центральной больнице. Они знали друг друга очень давно. И он был благодарен ей за эту новость. По дороге он думал о леднике, о Сигюрвине и о том, сколько времени прошло с его исчезновения. Его искали в портах и на берегу, в расщелинах и канавах, в домах и машинах, – но про ледник никому и в голову не пришло. Он думал обо всех тех, с кем тогда говорила полиция на эту тему, но куда не видел никакой связи с поездками к леднику.

Он въехал на проспект Миклабрёйт, не встретив ни одной машины. В начале девяностых они с Эртной переехали в небольшой таунхаус в Аурбайре, и там он всегда чувствовал себя неуютно. Он был истым уроженцем центрального района, вырос в Теневом квартале^[5]. А вот Эртна была довольна, и их сын тоже: он ходил в отличную школу в том районе, у него были друзья, и он создавал себе сказочные миры между горкой в Ауртуне и реками Этлидараур. Конрауду казалось, что эта местность – какая-то абсолютная окраина, он считал, что она не имеет ни с чем в столице никакой связи, а напоминает остров, населенный недотепами, которым не на чем оттуда уплыть. Ему не нравилось, что средоточиями общественной жизни в этом районе были маленькие продуктовые магазинчики, – но при этом он называл их единственными оплотами культуры в той местности. Он утверждал, что если судить по мусору на улицах, то в «Lion Bar» едят больше всего в стране. Когда Эртне надоедало его ворчание, он нехотя соглашался, что красивая природа близ рек Этлидараур все-таки скрашивает впечатление от этого кошмарного шоссе на Ауртунской горке с вечным шумом машин и выхлопными газами.

Он припарковался у морга и запер машину. Сванхильд ждала у дверей. Она открыла ему и провела внутрь, молчаливая и серьезная. На ней был медицинский халат и белый фартук, а на голове какой-то

убор из сетки и картонки, делавший ее похожей на сотрудника пекарни. Она имела отношения к различным делам, которыми занимался Конрауд, когда еще работал в полиции в отделе расследований.

– Они вырезали лед вокруг него и так привезли в морг, – сказала она, подходя к одному из железных столов.

Всю его длину занимала быстро тающая глыба льда. Из нее торчало тело, настолько хорошо сохранившееся, как будто тот человек отдал Богу душу только вчера, – если не считать, что его кожа имела необычайно твердую и блестяще-белую фактуру. Руки лежали по швам, голова слегка опустилась на грудь. На полу образовалась лужа от тающего льда, и вода сочилась в сток под столом.

– Ты его будешь исследовать? – спросил Конрауд.

– Да, – ответила Сванхильд. – Меня попросили сделать это, когда лед вокруг него растает и сам он оттаяет. Тогда я его вскрою. Я полагаю, внутри он так же хорошо сохранился, как и снаружи. Наверное, у тебя странное ощущение, когда он вот так прямо перед глазами.

– Его на вертолете привезли? – спросил Конрауд.

– Нет, на машине, – ответила Сванхильд. – А потом они провели поиски вокруг того места, где его нашли, и в ближайшие дни продолжат. Никто из полиции с тобой не связывался?

– Пока нет. Но наверняка они это сделают завтра утром. Спасибо, что позвонила мне.

– Это же тот самый твой человек, – сказала Сванхильд. – Без сомнений.

– Да, это Сигюрвин. Странно – столько времени прошло, а он вдруг появился как ни в чем не бывало.

– Мы за это время постарели, – заметила Сванхильд, – а он как будто с каждым днем как бы молодел.

– Охрененно, – тихонько произнес Конрауд, словно про себя. – А как, по-твоему, отчего он умер?

– Мне кажется, от удара по голове, – Сванхильд указала на голову трупа. На ней лед в основном уже оттаял, на затылке были видны повреждения.

– Его убили на леднике?

– Надеюсь, мы это выясним.

– И он прямо так и лежал там на спине?

– Да.

– Это не странно?

– Это вообще странное дело, – ответила Сванхильд. – Ты сам должен бы лучше всех это знать.

– Одет он был явно не для похода на ледник.

– Это точно. Что ты будешь делать?

– В каком смысле?

– Будешь им помогать или не станешь вмешиваться?

– Они сами разберутся, – ответил Конрауд. – Я же уволился. Да и тебе бы не мешало.

– Мне скучно, – сказала Сванхильд. Она была разведена и порой признавалась, что боится, что ей придется оставить работу. – А как ты себя чувствуешь?

– Отлично. Если б я еще заснуть мог.

Они замолчали и некоторое время смотрели, как вокруг трупа тает лед.

– Ты когда-нибудь слышал об экспедиции англичанина Франклина? – ни с того ни с сего спросила Сванхильд.

– Франклина?

– В девятнадцатом веке англичане предпринимали много неудачных экспедиций по поиску морских путей на запад через льды на севере Канады. Самая известная из них – экспедиция Франклина. Ты о ней не слышал?

– Нет.

Сванхильд было интересно вспомнить эту историю. Франклин был капитаном британского военно-морского флота и отправился в эту экспедицию на двух кораблях, которые пропали во льдах со всем экипажем. До того трое членов экипажа умерли на борту, их зарыли на галечной косе в вечной мерзлоте, а остальные участники экспедиции поплыли дальше. Могилы тех троих погибших нашлись тридцать лет спустя, а когда их вскрыли, оказалось, что мертвые тела прекрасно сохранились и содержали ценные сведения о жизни моряков девятнадцатого века. Исследование тел всех троих подтвердили некоторые гипотезы об основных сложностях, которые были сопряжены с дальними плаваниями в старину – и экспедиция Франклина здесь не была исключением. Было известно, что члены

экипажей в плаваниях, длившихся порой больше двух или трех лет, часто становились слабыми и вялыми, и в конце концов просто угасали и умирали, и причину этого было невозможно понять. Существовало великое множество тщательно запротоколированных примеров, но о причинах этой загадочной слабости мнения расходились. Выдвигались различные теории, в частности – догадка, что речь идет об отравлении свинцом. И тела, извлеченные из вечной мерзлоты, подтвердили ее. Вскрытие показало симптомы серьезного отравления свинцом. Это совпадало с тем, что в девятнадцатом веке начал завоевывать популярность новый способ сохранения продуктов: консервирование в железных банках.

Закончив свой рассказ, Сванхильд посмотрела на труп.

– Это одна из этих занимательных историй из области патологической анатомии, – сказала она. – Эти корабли были битком набиты консервами, но они все были отравлены, потому что из крышек свинец проник в пищу.

– Зачем ты это все мне рассказываешь?

– Мне вспомнилась экспедиция Франклина, когда они привезли Сигюрвина с ледника. Он напомнил мне этих матросов, которых обнаружили замерзшими в земле. Он как будто только вчера умер.

Конрауд подошел к трупу и долго смотрел на него, удивляясь способности ледника все сохранять.

– Наверное, надо начать хоронить людей на леднике, – сказала Сванхильд. – Перенести кладбища туда, если нам противна мысль о том, что мертвые тела едят черви.

– Но ведь ледники постепенно тают?

– А вот это уже хуже, – ответила Сванхильд, и в тот же миг большой кусок льда рухнул на пол и разбился на тысячу осколков.

Конрауд приехал обратно домой в черной, как смола, ночи и устало лег в постель – но сон не спешил сжаться над ним. Пока он лежал и маялся, в его памяти всплыла вся тяжесть этого расследования. Мысль о Сигюрвине во льду ошеломляла его. Замерзшее лицо так и стояло перед его внутренним взором.

Конрауд поежился.

Он ясно видел: на губах Сигюрвина, лежащего на столе в морге, застыла странная усмешка. Они покоробились, как старая кожа, так

что стали видны зубы. Казалось, он смеется прямо в лицо Конрауду, напоминая ему, какое фиаско он потерпел, пытаясь раскрыть это дело.

4

Два дня спустя поздним вечером зазвонил телефон. При обычных обстоятельствах его владелец испугался бы: с тех пор, как он вышел на пенсию, ему больше никто не звонил, ни по ночам, ни рано утром. Это была самая большая перемена в его жизни с тех пор, как он оставил работу, – если не считать тишины. А сейчас телефон все никак не мог угомониться. На этот раз звонила его приятельница, с которой они вместе работали в отделе расследований. Конрауд как раз ждал, что она с ним свяжется.

– Он хочет с тобой поговорить, – сказала женщина. Ее звали Марта, и она возглавляла отдел расследований полиции Рейкьявика.

– Он ведь не собирается сознаваться? – спросил Конрауд, недавно прочитавший в Интернете, что после обнаружения трупа на леднике был задержан человек. Он не удивился, что это Хьяльталин. Опять начинался этот цирк, – но на этот раз Конрауд решил держаться от него в стороне. Журналисты пытались выведать у Конрауда его мнение о находке трупа, но он сказал, что пока не собирается высказываться о Сигюрвине. Ведь он уже не работает в полиции. Ему на смену пришли другие.

– Он сказал, что хочет встретиться с тобой, – заявила Марта. – С нами он разговаривать не хочет.

– А ты ему сказала, что я здесь больше не работаю?

– Хьяльталин знает. И все-таки хочет поговорить именно с тобой.

– Что он утверждает?

– По-прежнему: что невиновен.

– У него был мощный джип.

– Да.

– На котором можно было бы въехать на ледник.

– Да.

– Вы к нему пускаете? Он не в камере предварительного заключения?

– Мы могли сделать исключение, – ответила Марта, – если бы ты работал у нас на разовом задании. В качестве консультанта.

– Марта, мне не интересно снова в это все погружаться. Не сейчас. Давай, мы попозже поговорим?

– У нас мало времени.

– Да, конечно.

– Я не верила, что через столько лет Сигюрвин отыщется.

– Тридцать лет – это долгий срок.

– Ты не хочешь взглянуть на труп?

– Я уже на него поглядел, – ответил Конрауд. – Он как будто умер только вчера.

– Да, конечно, Сванхильд же тебе звонила. А с задержанным ты повидаться хочешь?

– Я же здесь больше не работаю.

– Да, не надо это без конца повторять.

– Мы еще поговорим, – сказал Конрауд и попрощался.

Сигюрвин и поездка в морг к Сванхильд не шли у него из головы, но он ничем не хотел выдавать, что ему хоть чем-то интересны бывшие коллеги, связывавшиеся с ним. Он твердил им, что он здесь больше не работает и возвращаться не собирается ни при каких обстоятельствах. Поиск Сигюрвина они начали более тридцати лет назад. Допросили множество народу. Обвинен не был ни один. Расследование вскоре сосредоточилось на конкретном человеке по имени Хьяльталин, но насчет него ничего не удалось доказать. Хьяльталин упорно отрицал, что нанес Сигюрвину телесные повреждения, – и его отпустили. Тела так и не нашли. Сигюрвин буквально испарился.

И вот сейчас он лежит в морге, как будто отлучался всего лишь на пару дней. Сванхильд не соврала, сказав, что тело хорошо сохранилось. Труп еще не начинали исследовать. Сигюрвин был в той одежде, в которой встретил свою участь: в кедах, джинсах, рубашке и пиджаке. Причиной его смерти явно стал тяжелый удар по затылку тупым орудием. Рана открылась. На задней части головы и одежде была обнаружена кровь.

Конрауд подумал о том, сколько лет прошло с тех пор, как этот человек простился с жизнью. Он и раньше фантазировал, каким будет этот момент и какие чувства будут обуревать его, если Сигюрвин найдется. Он уже давно прекратил розыски, но ему не удалось выкинуть это дело из головы, и он всегда ожидал, что в один

прекрасный день телефонный звонок принесет ему долгожданную новость. Когда ему наконец сообщили, что Сигюрвина обнаружили на леднике, в это было невозможно поверить. Десятки лет никто не знал, что с ним – а сейчас это выяснилось. Никто не знал ни причины его смерти, ни того, погиб ли он вообще, – а сейчас стало известно, когда и как он погиб. Они точно не знали, во что он был одет, – а сейчас это было ясно видно. Этот труп должен был дать тем, кто расследовал дело, различные важные сведения. Они наконец могли составить представление об орудии убийства. Пазл, в котором раньше не хватало деталей, наконец сошелся.

Конрауд сидел на кухне с бокалом красного вина и прикуривал сигару. Иногда, когда он считал это необходимым, он курил небольшие сигариллы, хотя в целом не был заядлым курильщиком. Снова зазвонил телефон: на этот раз это была его сестра, Элисабет, и она расспрашивала, как у него дела.

– Дела нормально, – сказал он, затягиваясь. Телефон не унимался.

– Опять это дело проклятое всплыло? – спросила Элисабет, которую обычно называли не иначе, как Бета. Она, как и многие другие, следила за новостями об обнаруженном мертвом теле.

– По-моему, Хьяльталиин хочет меня в это втянуть, – сказал Конрауд. – Они на несколько дней посадили его в КПЗ, и он хочет со мной встретиться. Ему сказали, что я там больше не работаю, но он и слушать не хочет.

– А разве такое дело вообще можно бросить?

– Это как раз тот вопрос, над которым я в последнее время много думал.

– Тебе не интересно, что он хочет сообщить?

– Я прекрасно знаю, что он хочет сообщить, Бета. Он, мол, невиновен. И тот факт, что тело нашли, ничего не меняет. Мы целых тридцать лет не могли обнаружить улики против него, и сейчас тоже не обнаружим, потому что он невиновен. Вот что он скажет. Не знаю, почему он хочет напеть мне это в очередной раз.

Бета помолчала в трубку. Брат и сестра были не очень близки, они росли отдельно друг от друга после развода родителей, и потом все время пытались наверстать это, каждый на свой лад. Получалось не всегда так, как им хотелось.

– Ты же тогда был не до конца убежден, что это именно он, – сказала она потом.

– Не так сильно, как другие. И все же на его счет вероятность самая большая.

Бета, как и другие, знала, что Хьяльталин – единственный подозреваемый в убийстве Сигюрвина в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году и что он сидел в КПЗ, но так ни в чем и не сознался. Полиции не удалось найти неопровержимых доказательств его причастности к исчезновению Сигюрвина. Он был последним, кто видел его, и в дни, предшествующие исчезновению Сигюрвина, они крепко поссорились. Также было очевидно, что Хьяльталин ему угрожал.

– Они попросили тебя помочь? – просила Бета.

– Нет.

– Но они хотят, чтоб ты встретился с Хьяльталином?

– Они думают, что, наверное, мне он скажет что-нибудь, чего не хочет говорить им. С ними он не разговаривает.

– Тридцать лет – это большой срок.

– Ему удалось хорошо спрятать Сигюрвина. Он избежал обвинения потому, что тела мы тогда не нашли. Вопрос, удастся ли ему и в этот раз так легко ускользнуть.

– Но у вас против него не было никаких улик.

– Кое-что у нас было. Просто этого оказалось недостаточно. В итоге прокурор просто не решился предоставлять это судье.

– Не лезь снова в это дело. Ты же с ними уже не работаешь.

– Да, уже не работаю.

– Мы еще созвонимся.

– Да. Пока.

Все СМИ были просто наводнены репортажами об обнаружении трупа. Сванхильд в подробностях рассказала Конрауду о том, что произошло. Четверо сотрудников технического отделения отдела расследований с самого момента обнаружения трупа находились на леднике, обследуя местность. После того, как немецкие туристы позвонили на горячую линию, первой на место прибыла полиция города Боргарнеса. Полицейские, одетые неподходящим образом для похода на ледник, вскарабкались на Лаунгйёкютль и предупредили боргарнесскую Службу спасения. Затем журналисты быстро

разнюхали, что на леднике что-то произошло. Сотрудники полиции подтвердили, что там обнаружен труп мужчины, примерно тридцати лет, явно долго пролежавший во льду. Их попросили ничего не трогать, не приближаться к трупу и держать туристов подальше от него. Техническому отделу в Рейкьявике было послано предупреждение. Сотрудники Службы спасения на специально оборудованных джипах к тому времени уже подъехали к кромке ледника. Они сопроводили группу немецких туристов и их гида, женщину по имени Адальхейдюр, разменявшую шестой десяток (она, по ее словам, и нашла труп), вниз с горы в Хусафетль, откуда к вечеру группа отправилась в Рейкьявик. Полиция тщательно допросила женщину, а также – с ее помощью – и немцев. Пожилой немец из группы, который говорил, что он врач, сообщил, что счистил снег и лед с лица покойника, а больше ничего не трогал.

К трупу решили по возможности не прикасаться, поэтому из ледника выпилили глыбу льда, в которую он был заключен, весом без малого двести килограммов, и погрузили на машину Службы спасения, у которой была грузовая платформа. Сотрудник Технического отдела повез эту глыбу в Рейкьявик и тщательно исследовал то, что вытаяло из нее. Позже тем же вечером группа полицейских и сотрудников службы спасения поехала в Хусафетль, где и заночевала, а некоторые остались дежурить на леднике, чтоб никто посторонний не приближался к месту происшествия.

На радио было взято интервью у одного из ведущих гляциологов страны, и он немедленно указал на то, что с тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, когда, вероятно, Сигюрвин попал на ледник, ледяной щит уменьшился на семь с лишним кубических километров, и сейчас его толщина – шестьсот метров. Считается, что за следующие двадцать пять лет ледник уменьшится еще на двадцать процентов, что можно отнести на счет изменения климата в стране, уменьшения количества осадков и увеличения количества солнечных часов.

– Но многие сомневаются в том, что парниковый эффект вызван антропогенными факторами, – услышал Конрауд выступление этого гляциолога в утренней передаче по радио.

– Значит, труп положили на ледник или каким-то образом поместили в лед? – спросил радиоведущий.

– Сложно сказать. Вероятно, его поместили в трещину в леднике. Пропал он в феврале. В эту пору рыть ямы во льду непросто. Можно предположить, что его просто сильно замело снегом. Или что образовалась трещина, а он провалился в нее и скрылся под слоем льда, а потом снова поднялся к поверхности.

– Значит, с тех пор слой льда над ним попросту растаял?

– Разумеется, здесь нужно провести исследование, но мне это кажется вполне вероятным. Это самое простое объяснение того, почему сейчас он нашелся. Ведь ледники мало-помалу тают. И это всем известно.

И вновь тишину в Аурбайре нарушил звонок мобильного телефона. Звонила Сванхильд, которая хотела узнать, что он будет делать. Она слышала, что Хьяльталин хочет его видеть.

– Не знаю, – ответил Конрауд. – Думаю, ничего страшного, если я с ним поговорю. Послушаю, что он скажет.

– Кажется, ты умираешь от любопытства. Это же Сигюрвин! Наверно, это тебя заинтересует.

– Хьяльталину еще не было и тридцати, когда мы задержали его, – сказал Конрауд.

– Да, помню.

– А сейчас ему скоро будет шестьдесят. Я его уже столько лет не видел.

– Как ты думаешь, он сильно изменился?

– Я думаю, он остался таким же придурком.

– Вы с ним не очень-то ладили.

– Нет, – согласился Конрауд. – А вот он думал, что как раз ладили. Не знаю, о чем он хочет со мной поговорить. Я не стал бы верить Хьяльталину ни в чем. Его бы и не посадили в КПЗ, если б не сочли, что он собирается сбежать. Когда его задержали, он выезжал из страны. Это было в тот день, когда опознали Сигюрвина. Он сказал, что это просто совпадение.

– Ты стал лучше спать?

– Не особо.

– Ты ведь знаешь: мне можно звонить, если тебя что-то беспокоит, – сказала Сванхильд. – Если захочешь поболтать.

– Ну, у меня все нормально, – поспешил ответить Конрауд.

– Ну, ладно, – Сванхильд уже собиралась было попрощаться, но тут ей как будто пришла в голову запоздалая мысль. – Ты так давно не звонил, – произнесла она.

– Нет, я... – Конрауд не знал, что ответить.

– Ты давай позванивай, если...

Он не стал соглашаться, и они распрощались. Конрауд отпил глоток вина и закурил следующую сигару. Они с Эртной иногда обсуждали, что им не мешало бы купить жилище поменьше и переехать из Аурбайра. И не в какой-нибудь филиал дома престарелых, а в уютную квартирку где-нибудь близко к центру. «Только не в Тингхольт^[6], там слишком много всякого молодого интересного народу», – говорила Эртна. Лучше уж в Западный район. Но из этой затеи ничего не вышло. Именно там, на кухне, они много обсуждали дело Сигюрвина, и, как всегда, она поддерживала его в различных трудностях.

На столе в гостиной лежали бумаги, принадлежавшие отцу Конрауда, которые он смотрел в тот вечер, когда позвонила Сванхильд и рассказала о Сигюрвине. Он десятилетиями не заглядывал в них, а держал в коробке в чулане. После того, как его втянули в старое дело времен Второй мировой, в котором фигурировали фальшивые медиумы, у него вновь пробудился давно дремавший интерес к поступкам отца: того нашли вечером в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году на улице Скулагата перед зданием Скотобоев Южной Исландии заколотым насмерть. Несмотря на тщательное расследование, убийцу так и не нашли. Конрауд пренебрегал этим делом все те годы, что работал в отделе расследований. Его отец был злым неприятным человеком и нажил себе врагов повсюду. Иногда он оказывался в тюрьме за контрабанду, кражи и финансовые махинации. К тому же в годы войны он наживался при помощи по крайней мере одного фальшивого медиума, а может, и нескольких. Мать Конрауда в конце концов сбежала от этого человека, забрав с собой дочь, а сына он ей не отдал, и тот остался с отцом в Теневом квартале.

Конрауд листал пожелтевшие бумаги. Его внимание привлекло несколько газетных вырезок, сохраненных отцом: о работе медиумов и потустороннем мире. Среди них была одна статья о фальшивых медиумах и интервью в давно закрывшемся еженедельнике, где свою работу описывал исландский медиум. Одна вырезка была из журнала Общества психических исследований, и речь в ней шла о жизни после

смерти в так называемом эфирном мире. Она датировалась двумя годами до гибели отца Конрауда близ здания Скотобойни, и Конрауд часто задумывался: а вдруг отец, перед тем как встретить свою ужасную участь, снова принялся за старое: выманивать у людей деньги за вранье, которое выдавал за сведения, полученные на спиритических сеансах.

5

Конрауд был недоволен, что в свое время КПЗ перенесли из Рейкьявика на Литла-Хрёйн. Ему надоедало ездить из столицы через пустошь Хетлискейди, потом через Теснину, по мосту на Оусэйри, а потом на восток в сторону городов Стокксэйри и Эйрарбакки^[7]. Другие были совсем не против для разнообразия поехать по этой дороге, уехать от городского шума, от суеты полицейского участка. В одну зиму машина Конрауда дважды застряла в снегу. Правда, иногда в дороге он все же немного развлекался, расслаблялся, проезжал через города Кверагерди и Сельфосс и покупал мороженое. КПЗ много лет находилась на улице Сидюмули, на очень удобном расстоянии от полицейского участка. Хьяльталин когда-то сидел там. А теперь другие времена, думал Конрауд, катя по Южноисландскому шоссе мимо Маленькой кофейни и горы Вивильсфетль.

Он наконец надумал навестить Хьяльталину. Не потому что Хьяльталин настаивал на том и не желал говорить ни с кем другим, а потому что давным-давно потратил много времени на расследование этого дела и, в сущности, так и не прекратил поиски разгадок. Он истово трудился над этим вместе с другими сотрудниками отдела расследований, однако безрезультатно. Особенность того дела заключалось в том, что раскрыть его было не просто – в отличие от многих других громких преступлений: там дела обычно закрывались за пару дней. Расследование быстро пошло по всем возможным направлениям, ему до обидного не хватало ясного курса, труп так и не был найден, и хотя основным подозреваемым был Хьяльталин, еще большое множество народу было допрошено и получило статус подозреваемых. Обнаружение трупа на леднике вновь открыло это дело.

У Конрауда душа не лежала к тому, чтоб продолжать это расследование. Когда-то Хьяльталину втемяшилось в голову, что

Конрауду можно доверять больше, чем другим полицейским, и сложилось так, что общался с ним в основном он. Он решил, что именно в этом кроется причина желания Хьяльталины говорить только с ним, а не с другими. Полиция уступила требованиям задержанного, да и Конрауд тоже. Участвовать в этом еще каким-нибудь образом он не собирался. Он привык к удобствам на пенсии, к свободному времени, к тому, что он сам себе хозяин и ему как раз не надо ни для кого стараться, ни за что отвечать. Он свой долг выполнил. Теперь черед других. Если в ходе его встречи с Хьяльталином выяснится что-нибудь полезное для полиции – прекрасно. А в остальном Конрауд не желал вмешиваться в ход расследования.

Когда он узнал об обнаружении трупа, ему позвонил сын, отлично знавший дело, которое его отцу не удалось раскрыть, и он хотел узнать, о чем Конрауд думает сейчас, когда тело Сигюрвина наконец нашлось. Конрауд сказал, что рад вновь полученным новым сведениям, а думает в основном о семье Сигюрвина, которая долго мучилась неизвестностью о его судьбе.

Конрауд в последнее время испытывал трудности со сном, и это усугублялось тем, что его голова была занята мыслями о Хьяльталине и Сигюрвине и этом старом деле, и о том, как его расследовали, и можно ли было где-нибудь постараться лучше. Он уже не в первый раз мучился без сна, одолеваемый этими мыслями. За тридцать с лишним лет многое изменилось. В те годы в стране еще существовал суровый запрет на продажу пива. Было только одно Гостелерадио, выпускавшее один телеканал. Алюминиевых заводов было меньше. Самой большой гидроэлектростанции Европы, близ горы Каурахнюк^[8], еще и в проекте не было. Тогда зимой в столице регулярно выпадал снег. Не было засилия Интернета и мобильных телефонов. Домашних компьютеров и то почти не было. Приватизация банков, неразбериха в финансах, заносчивое поглупение власть имущих и движителей экономики, экономический кризис – все это еще только ждало своего часа в следующем столетии. А двухтысячный год находился в немыслимой дали и был чем-то из области научной фантастики.

Студеным февральским днем в отделении полиции на улице Квервисгата раздался телефонный звонок. Уже сгущались сумерки, по улицам мели холодные ветра. Женщина в телефоне собиралась подать заявление об исчезновении мужчины тридцати с небольшим лет,

своего брата по имени Сигюрвин. В последний раз она говорила с ним по телефону два дня назад. Они договорились встретиться, а он так и не объявился. Она попыталась разыскать его, звонила ему домой, но все напрасно. Он руководил фирмой, и там ей сказали, что ее брат уже два дня не приходил на работу. Она приезжала к его дому, стучалась, в конце концов велела слесарю вскрыть замок: она боялась, что Сигюрвин лежит больной, не в состоянии снять трубку, или отключил телефон. Она обыскала весь дом, звала его – но его не было. Она не знала, чтобы он куда-нибудь уехал. Обычно, когда он собирался за границу, то предупреждал ее. А его паспорт она нашла в ящике шкафа в гостиной. Жил он один, недавно развелся, и у него была дочь.

В полиции посчитали, что он еще найдется, ведь с тех пор, как поступили последние сведения о его передвижениях, прошло мало времени. Однако там записали его словесный портрет, взяли у сестры его фотографию и известили прессу и полицейские участки по всей стране. Судя по тому, что паспорт остался дома, если Сигюрвин и вылетел за границу, то только под фальшивым паспортом или каким-нибудь образом проскочив паспортный контроль. Когда с сестрой поделились соображениями о такой возможности, они отрицала ее: зачем ему фальшивый паспорт?

Через некоторое время вызвали службу спасения и приступили к исполнению плана, обычно применяющегося в подобных случаях. Прочесали все взморье в окрестностях Рейкьявика. Этим заинтересовались газеты: они постоянно писали о пропавшем человеке. Граждан просили сообщать, если они что-нибудь знают о его местонахождении, даже если эти сведения и кажутся незначительными, – и вскоре его джип был обнаружен на холме Эскьюхлид возле цистерн. Рейкьявикская полиция опубликовала номер для связи – и отовсюду начали стекаться наблюдения, среди которых попадались и более-менее ценные. Их все пытались принимать в расчет. Однажды позвонила женщина, которая не представилась, взволнованно тараторила и повесила трубку, как только высказала все, что считала нужным. Она слышала, как на площадке перед зданием фирмы бывший клиент угрожал убить его.

Эти сведения были переданы Конрауду, и он установил, что человек по имени Хьяльталиин какое-то время угрожал Сигюрвину. Считая, что тот украл у него не один миллион крон. Они тогда сообща

владели тремя судами и рыболовецким предприятием. Все дела вел Сигюрвин, а Хьяльталин был всего лишь совладельцем, к ежедневной рутине не приближался, а сам держал магазин одежды в Рейкьявике и фирму по импорту, владел акциями еще в одном-двух предприятиях и хвастался тем, что ни разу не выходил в море. Познакомились они в Коммерческом училище, и Сигюрвин убедил Хьяльталина вместе с ним купить лодку. Вскоре лодок стало две, а потом и три, и они вместе возглавили рыболовецкое предприятие: молодые, нетерпеливые, дерзкие. Сигюрвин подал Хьяльталину идею продать свою долю, тот согласился, они составили и подписали договор. Но через короткое время Хьяльталин принялся обвинять Сигюрвина в том, что он его облапошил: мол, предприятие представляло бóльшую ценность, чем показывал Сигюрвин, а со временем, если действовать умно, ценность обещала увеличиться: тогда только что ввели систему квот на рыболовный промысел, призванную ограничить доступ к рыбным банкам и тем самым поднять ценность уже существующих предприятий еще выше. Узнав больше об этом нововведении, Хьяльталин призадумался и посоветовался со специалистами, которые показали ему совсем другую картину будущего развития, чем та, что нарисовал ему Сигюрвин. Хьяльталин заявил, что он доверял другу, а Сигюрвин отрицал, что облапошил его: мол, бизнес есть бизнес, мол, Хьяльталин сам подписал договор, никто его к этому не принуждал, а значит, тема закрыта.

Свидетели, опрошенные полицией, утверждали, что с тех пор отношения между друзьями стали натянутыми. Хьяльталин не раз приходил к Сигюрвину на работу и скандалил с ним, хлопал дверьми, угрожал и даже караулил его в машине перед зданием.

– Берегись! – кричал Хьяльталин, когда приходил в последний раз. – Берегись, гад ты эдакий! Я этого так не оставлю!

Это произошло за три недели до исчезновения Сигюрвина. В последний раз его видели вечером того дня, когда он говорил с сестрой по телефону. Один из сотрудников Сигюрвина заметил, как тот стоит у своей машины на автостоянке фирмы и разговаривает с человеком, которого тот же сотрудник позднее опознал как Хьяльталина. Конрауд разыскал свидетеля, который пожелал остаться неизвестным, по той причине, что был «давнишним другом» полиции, сидел в тюрьме за кражи и другие преступления и стремился поменьше иметь дело с

«лёггами». Зато о том, что он слышал, он нашептал своим друзьям, и кто-то из них позвонил в полицию и сообщил, что бывший клиент угрожал убить Сигюрвина.

Тот сотрудник плохо расслышал их разговор – кроме того момента, когда Хьяльталин повысил голос, показал Сигюрвину кулак и убежал прочь со словами:

– ...Слышал... Убью тебя, гад!..

6

Конрауда пропустили в синие ворота. Свой джип он припарковал перед зданием тюрьмы Литла-Хрёйн, вышел и окинул взглядом живописное здание в стиле старинных исландских хуторских построек с несколькими остроконечными крышами в ряд. Оно было выкрашено белым – как сама невинность.

Директор тюрьмы был его знакомым, он сел в его кабинете и стал пить кофе. Они стали обсуждать это неслыханное дело: что тело Сигюрвина через столько лет нашлось, а также разговаривать о том, и как ледники из года в год тают, и не кроются ли подо льдом и другие такие тайны.

– Это еще выяснится, – сказал директор тюрьмы, провожая Конрауда к небольшому крылу здания, где размещалась КПЗ. – Не факт, что Хьяльталин долго здесь пробудет: в Верховном суде приговор о его задержании пересматривают. Они считают, что его отпустят.

– Да, я удивился, что его вообще отправили сюда. Ведь на теле Сигюрвина не было обнаружено следов, доказывающих, что виновен именно он.

– Он собирался бежать из страны. В смысле, Хьяльталин.

– Да, это точно.

– А ты знал, что он болен?

– Кто?

– Хьяльталин. И когда его поместили сюда, его состояние сильно ухудшилось.

– Нет, не знал. А чем он болен?

– Он только что закончил курс медикаментозной терапии по причине раковой опухоли в горле. Так что это еще вопрос о милосердии. С тех пор, как его привезли сюда, он все время лежит, и ему вредно напрягаться. Он попросил разрешения поговорить с тобой

в своей камере, чтоб не сидеть в помещении для допросов. И для него делали исключение. Наверно, Марта и другие тебе уже об этом рассказали.

– Нет, – ответил Конрауд. – Я не знал. А что, у него это очень серьезно? Он вылечится?

– Не знаю.

Они расстались перед входом в коридор, и надзиратель провел Конрауда в камеру Хьяльталина. За ними наблюдали двое сотрудников отдела расследований, но они не стали входить. Адвоката Хьяльталина нигде не было. С формальной точки зрения, Конрауд был привлечен для временной работы по расследованию этого дела. Вообще говоря, о его встрече с Хьяльталином должно было знать как можно меньше народу.

Надзиратель открыл дверь камеры, пригласил Конрауда войти и тщательно запер за ним. Его шаги удалились по коридору.

Хьяльталин лежал, вытянувшись, на бетонных нарах, выраставших из пола вдоль длинной стены. Глазам представали стул, маленький письменный стол, умывальник и унитаз. Из зарешеченного окна над нарами падал белесый свет. На столе лежала Библия. В воздухе стоял слабый запах моющих средств.

– Я слышал о твоей болезни, – сказал Конрауд. – Не надо было тебя сюда сажать.

Хьяльталин улыбнулся. Он не поднялся на постели, а так и продолжил лежать на спине, подложив одну руку под голову, смотря на Конрауда из-под полузакрытых век, как будто гость был ему не очень интересен. Однако он ждал этой встречи. Точнее, требовал ее. Они не виделись несколько десятков лет, если не считать одного эпизода, о котором Конрауд хотел бы забыть. Он не сразу сообразил, что и как. Хьяльталин постарел и сильно осунулся. Конрауд решил, что это, наверно, от болезни. Из-за терапии он облысел, и сейчас стало еще лучше видно, какой длинный у него подбородок и как вытаращены голубые глаза на худощавом бесцветном лице. Голова была почти белоснежной. Как будто Хьяльталин превратился в пожилого альбиноса.

– Их это не касается, – тихо ответил Хьяльталин. И голос его был хриплым и грубым. – А ты хорошо выглядишь.

– Они считали, будто ты собирался сбежать.

– А они это записывают? То, что мы с тобой говорим? – поинтересовался Хьяльталин.

– Нет, – ответил Конрауд. – Во всяком случае, мне об этом не известно.

Он пододвинул стул и сел. Библия на столе была собственностью тюрьмы: потрепанная, корешок обшарпанный, обложка истертая.

– Я знал, что они до меня доберутся, – сказал Хьяльталин. – Я хотел убраться.

– По-моему, в Таиланд, – сказал Конрауд.

– Великолепное местечко, – заметил Хьяльталин, смотря в потолок. – Мне не хотелось снова в такую камеру.

– Не думаю, что нас подслушивают, но потом меня наверняка спросят, что ты мне сказал. По-моему, ты ведь ни с кем не разговаривал. Даже со своим адвокатом.

– Как только я услышал, кого нашли, что это Сигюрвин – я тотчас выехал в аэропорт. Купил билет до Лондона, а оттуда прямо до Таиланда. Но они ужасно быстро сообразили. Я ведь уже в самолет вошел. Ты знал?

– Нет, – ответил Конрауд.

– Они решили, что я пустился в бега, потому что виновен, – продолжал Хьяльталин. – А если б я был невиновен, то и не стал бы. Но я бежал как раз потому, что был невиновен. От вот этого всего бежал. От такой вот камеры. От всей этой мутотени. Мне хотелось спокойно умереть. Вот так... и больше ничего.

– Ты сказал сотрудникам полиции, что это совпадение: ты собрался в Таиланд как раз тогда, когда нашли Сигюрвина. Тебе самому это кажется правдоподобным?

Хьяльталин закрыл глаза.

– Я тебе не вру, Конрауд. Я тебе об этом деле никогда не врал.

– Да, конечно.

Сотрудники полиции, тридцать лет назад расследовавшие это дело, обнаружили, что Хьяльталину на удивление легко удавалось говорить им неправду и что он вообще патологический лгун. Он всячески изворачивался, и его неоднократно ловили на лжи. Часто он намекал на одно, а через некоторое время утверждал совсем другое и противоречил сам себе. Судя по всему, он не придавал своему вранью

особенно серьезного значения, а лгал, чтобы затянуть и запутать расследование об исчезновении Сигюрвина.

– Сочувствую, что ты так болен, – сказал Конрауд.

– Спасибо.

– А по-твоему, разумно в таком состоянии тащиться в Азию?

– Я хотел посмотреть их нетрадиционную медицину. Нашел врача, который... да ты ведь мне не веришь, да?

– А почему же ты тогда хотел со мной встретиться?

– Ты меня понимаешь.

– Я не... по-моему, никто не может понять...

– А ты знаешь, Конрауд, каково это – быть в таком положении – как у меня? Знаешь, каково? Представляешь?

– Нет, – сказал Конрауд. – Я такого никогда не испытывал.

– Оно все время преследовало меня, это дело. С самой моей молодости. Потому что я когда-то якобы угрожал Сигюрвину. Потому что я когда-то якобы что-то такое крикнул ему на стоянке, а кто-то из ваших знакомых что-то там такое услышал.

– Да.

Хьяльталиин не сводил глаз с потолка.

– Врачи считают, что мне вредно много разговаривать. Они говорят, что мне как можно реже надо пользоваться голосом. Раковая опухоль уже распространилась. Они думали, этого не случится – а оно взяло и случилось.

– По-твоему, не лучше ли сейчас воспользоваться возможностью и облегчить свою совесть? На случай, если потом будет совсем уж плохо?

– Облегчить совесть? Как? Я же ничего не сделал. И ты мне поверил, я знаю. Ты был единственным, кто усомнился. Все время сомневался.

Свидетель, «давнишний друг» полиции, описал человека на стоянке, и это описание подходило к Хьяльталину. Полиция нагрянула к нему домой, но он заявил, что не был там с Сигюрвином и никому не угрожал. Его спросили, не хочет ли он доказать, что его не могло быть на той стоянке, придя на очную ставку: встать в ряд вместе с другими и посмотреть, на кого из них укажет свидетель. Он без колебаний ответил: «Ну, разумеется».

– Это он, – сказал «давнишний друг» полиции, едва завидев Хьяльталину.

– Вы уверены? – переспросили его.

– Да.

– Может, взглянете еще раз? Времени у нас много.

– Нет, это он, – настаивал свидетель.

Домой Хьяльталину не отпустили. Его завели в камеру и позволили позвонить адвокату. Он протестовал против такого обращения, уверял, что пришел добровольно и что это недоразумение. Свидетель был уверенным и назвал точное время, в которое произошла ссора тех двоих. Хьяльталину тотчас попросили назвать, где он был в это время. Он ответил, что не помнит. Когда через некоторое время его снова спросили об этом и осведомились, кто может подтвердить это, он назвал девушку, с которой у него был роман, и сказал, что они с ней были у него дома. Полиция тотчас связалась с девушкой. Хьяльталину поговорил с ней в полицейском управлении. Она работала в принадлежащем ему магазине одежды и некоторое время находилась с ним в «отношениях». Она подтвердила слова своего возлюбленного, но Конрауд ощутил у нее какую-то неуверенность. Она явно была не готова к тому, что ее будут допрашивать в полиции на улице Квервисгата в связи с исчезновением человека или даже убийством, к которому проявляла неиссякающий интерес пресса. К тому же она раньше никогда не имела дела с полицией, и по ней было заметно, что она совершенно растерялась. Но было еще кое-что. Резинка, которую она постоянно вертела в пальцах. То, как она не смотрела в глаза, но постоянно поглядывала на закрытую дверь и спрашивала: «Уже все?» Сконфуженная улыбка. Через два часа Конрауд добился от нее, что она была у Хьяльталину дома и ушла одновременно с ним. А куда он пошел после того, она не знала. Время совпадало с разговором на стоянке. Затем он позвонил ей и попросил сказать, что она весь вечер была у него, если ее спросят – что он считал маловероятным.

– Когда? – спросил Конрауд и посмотрел на резинку, которую теребила девушка.

– Что?

– Когда он позвонил и попросил об этом?

– Нууу, эдак через несколько дней.

– После того, как начались поиски Сигюрвина?

- Да.
- Вы уверены? Именно после начала поисков? Это очень важно.
- Да. После того, как все бросились его искать.
- А он сказал, куда пойдет? – спросил Конрауд. – Куда Хьяльталин собирался идти в тот вечер?
- Он сказал что-то насчет встречи с другом и каких-то вин.
- Конрауд уставился на нее.
- Вин?
- Да.
- А может, он сказал «Сигюрвин»?
- Не знаю. Что-то там насчет вин.
- Я вас не понимаю: куда и зачем Хьяльталин в итоге ходил?
- Да не знаю я. Я не расслышала.

Адвокат Хьяльталина, потребовавший, чтоб задержанного отпустили, догадался, почему он попросил девушку соврать о нем после того, как начались поиски Сигюрвина. Его логика была такова: Хьяльталин подозревал, что в исчезновении Сигюрвина обвинят именно его, так как у них был совместный бизнес и они поссорились, – так что ему захотелось защитить себя. Конечно, получилось у него нелепо, по-дурацки, зато все было весьма понятно и по-человечески. Если б он попросил девушку солгать до того, как было заявлено об исчезновении Сигюрвина, все выглядело бы совсем по-другому. Тогда можно было бы предположить, что он что-то знал о его судьбе.

Время, которое назвала девушка, было довольно-таки точным, и если верить ей, то Хьяльталин вполне мог прийти прямо в фирму к Сигюрвину и застать его там. И тут Хьяльталин изменил свой рассказ. Сейчас он вдруг вспомнил, что поговорил с Сигюрвином на стоянке, а оттуда пошел к женщине, называть которую он не хотел, потому что она была замужем.

Конрауд посмотрел на Библию в тюремной камере и задумался, читал ли ее Хьяльталин, известны ли ему слова из Евангелия от Луки: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом».

– Я ее каждый день читаю, – сказал Хьяльталин, заметив, что Конрауд не сводит глаз с книги. – Она мне очень помогает.

Скорее всего, Хьяльталин заснул. Он закрыл глаза, дыхание стало размереннее. Конрауд молча сидел у его постели и думал, что ему, вероятно, недолго осталось. Вид у него был очень усталый и бледный, почти белый, как известь, цвет явно свидетельствовал о том, что болезнь побеждает его.

– Ты прошлое вспоминаешь? – раздался хриплый голос Хьяльталина, все еще лежащего с закрытыми глазами. – Я вот часто вспоминаю. Нехорошее было время.

– Да вроде ты нормально его пережил, – сказал Конрауд. – Им хочется узнать, как ты его на ледник затащил. Тебя задержали две недели спустя после исчезновения Сигюрвина, так что у тебя было достаточно времени, чтобы спрятать тело.

Хьяльталин открыл глаз и долго смотрел в потолок. Затем он не спеша поднялся и сел на край нар, закрыл лицо руками, тяжело простонал, провел рукой по лысой голове и посмотрел на Конрауда.

– Я на тот ледник и шагу не делал, – прошептал он слабым голосом. – Конрауд, ты это прекращай. Мне ведь уже недолго осталось.

– В то время у тебя был джип.

– У всех были джипы. Не надо со мной так. Конрауд, ты должен был раскрыть это дело. Только посмотри, что ты со мной сделал. Ты меня просто убил. Ведь то, что у меня было – это не жизнь. На меня все смотрят как на убийцу. Все думают, что это я его уколошил. На меня все пялятся, и... вот как ты думаешь, Конрауд, каково это? Как, по-твоему, жить с этим? В этом аду? Ты должен был найти того, кто сделал это. А ты этого не сделал – слабак несчастный! И все вы слабаки. Все до одного! Придурки никчемные!

Конрауд почувствовал, насколько обессилел Хьяльталин, и молча сидел, слушая этот шквал обвинений. Ему было жаль своего собеседника, он понимал, что тому пришлось хлебнуть в жизни горя, начиная с первого раза, когда его задержали по подозрению в убийстве.

– А женщина, у которой ты, по твоим словам, был. Замужняя, которую ты не хотел называть...

– Она не имеет значения.

– Потому что ее и не существовало, – сказал Конрауд. – Почему ты до сих пор придуриваешься? Ты поскандалил с Сигюрвином, угрожал ему, следовал за ним по пятам, выслеживал его, ждал подходящего момента, а потом напал на него у цистерн на Эскьюхлид.

Хьяльталин бросил на него взгляд.

– Ты же сказал, что веришь мне.

Конрауд встал. Он больше не видел смысла в этом разговоре.

– Я сказал, что не уверен до конца. Мне не надо было этого говорить. Тебе не надо было принимать это во внимание. Ты до сих пор единственный подозреваемый. Это не изменилось. И то загадочное бегство тоже не улучшает твоего положения.

– Но ведь ты говорил...

Хьяльталин неоднократно требовал от Конрауда, чтоб полиция обратила взоры в другую сторону. Полиция считала, что сделала в том смысле достаточно. Все указывало на Хьяльталина. Когда-то после долгого дня Конрауд был усталым и в плохом настроении и высказался так, чтоб Хьяльталин услышал, что, наверно, он невиновен, и, может, полиция просто недостаточно рассмотрела другие возможности. Хьяльталин ухватился за эту фразу.

– Для чего ты позвал меня? – спросил Конрауд. – Тебе же нечего мне сказать. Ты по-прежнему твердишь все одно и то же, как раньше.

– Ты единственный человек, с которым я могу поговорить. Я тебя знаю. Иногда мы беседовали и о других вещах кроме этого проклятого Сигюрвина.

– Это было давно.

– Я думал, мы друзья.

– Это ты неправильно думал.

– Да ну?

– Увы, это так. Никакие мы не друзья, и тебе это известно. Не знаю, что ты пытаешься, но...

Тут он увидел, что Хьяльталин разозлился. Конрауду удалось его задеть.

– Ты... По-твоему, ты чем-то лучше меня? Простейшего дела раскрыть не можешь!

– Давай прекратим. Надеюсь, тебе не слишком плохо, ты поправишься, и... мне очень жаль видеть тебя в таком состоянии, но помочь тебе я ничем не могу, увы. Так что...

– А тот придурок, Лео, в полиции все еще работает?

– Лео? Да, а что?

– Сволочь он, вот что. Он меня сломать пытался. Все талдычил, что я вру. И что я виновен.

– Ты про многих из нас говорил то же самое.

– Про тебя не говорил.

Хьяльталин долго смотрел на Конрауда своими ясными голубыми глазами, похожими на оазисы на высохшем лице.

– Перед твоим приходом я думал о твоем папаше, – произнес он.

– Ты опять за старое? – спросил Конрауд.

– Они мне сказали, что он вовсе не ангел. Помнишь? Сказали, что он просто прощельга.

Конрауд улыбнулся. Во время допросов на Сидюмули Хьяльталин порой переводил разговор на его отца. Кто-то проболтался ему о нем, и Хьяльталин не переставал доводить этим Конрауда.

– Забавно, что ты так сильно мною интересуешься, – сказал он.

– Тебе, наверное, не по себе стало, когда это произошло? – спросил Хьяльталин. – Наверное, это тяжело. Вы с ним были в хороших отношениях? Или он был распоследним негодяем, как они сказали? Лёгги с Сидюмули. Твои коллеги. Твои дружки. Они сказали, что он мамашу твою лупил. Это правда? Стоял и на это смотрел?

Конрауд не ответил ему.

– Они говорили, что он проходимец.

– Не волнуйся так о нем, – сказал Конрауд.

– Они сказали, что, наверное, его за дело зарезали у Скотобойни. Как, по-твоему, за дело ведь? Из-за твоей мамы?

– Что ты от меня хочешь, Хьяльталин?

– Я надеялся, что ты не как он. Я надеялся, что ты не такая же сволочь.

– Успокойся, – сказал Конрауд, собираясь уходить. – Я больше так не хочу.

– Что ты на это скажешь? Кто-нибудь может от такого человека уйти невредимым? От таких обстоятельств? В тебе ведь что-то от него есть? В тебе сидит какой-то бесенок?

– До свидания.

– Ты же так и не узнал, что случилось, когда его зарезали, да? – спросил Хьяльталин, не желая так легко отпустить Конрауда. –

Наверное, тебе не терпелось узнать. В самом начале. А что потом? Когда ответов так и не нашлось? Тебе стало неинтересно? Это больше было неважно? Он того не стоил? Ведь он все равно сволочь и прощельга?

Конрауд не дал ему выбить себя из седла.

– Дело было в этом? – продолжал Хьяльталин. – В том, что он того не стоил?

– Мне пора, – сказал Конрауд. – Ты, как всегда, начал пороть какую-то горячку.

– Ты мне друг, Конрауд. Знаю, ты сам это отрицаешь, не хочешь им быть, всячески отмахиваешься, но ты – мой единственный друг среди всей этой мутотени. И всегда был другом. Ты понимаешь таких, как я. Как я и твой папаша. Я это признаю. Я не идеален. Но Сигюрвина я не убивал. Это сделал не я!

Хьяльталин снова лег.

– Хочу попросить у тебя кое-что, – сказал он. – Если я долго не протяну. Прошу тебя: найди того, кто это сделал.

– Они считают, что уже нашли его.

– Но это же не я, – возразил Хьяльталин. – Я бы, Конрауд, на ледник ни за что не полез. Кого угодно спроси. Никогда.

– Но ты мог бы попросить кого-нибудь подняться за тебя на ледник, – ответил Конрауд. – Кого-нибудь, кого ты впутал в это дело.

Хьяльталин не ответил. Было по-прежнему невозможно определить, встретил ли Сигюрвин свою смерть на леднике или его перевезли туда уже потом. Первая версия представлялась менее вероятной. Сигюрвин не отличался любовью к походам, тем более – на ледник. Среди его имущества не нашлось вещей, которые свидетельствовали бы о подобных увлечениях. У него, как и у многих жителей Рейкьявика, были лыжи, но катался на них он только в горах Блауфьётль^[9]. Джип у него был, но без специального оборудования, и снегоскутера у него никогда не было. Вторая версия была более правдоподобной: что Сигюрвина привезли на ледник уже мертвого.

– Но почему именно ледник? – спросил Конрауд. – Если уж тебе хотелось избавиться от тела, ты мог бы найти более удачное место. Ледники не уничтожают улики. Напротив, они их сохраняют. И сейчас он сохранил труп. Я видел Сигюрвина: он как будто только вчера умер.

Ледник его не уничтожил, а совсем наоборот: как будто и не было этих тридцати лет.

Хьяльталин слабо улыбнулся:

– Ты для меня это сделаешь?

– Я больше в полиции не работаю, – сказал Конрауд. – Я приехал только потому, что ты на том так настаивал, а еще мне было немного любопытно, изменился ли ты в чем-нибудь. Да только вот проездил я впустую.

– Я хочу, чтоб ты очистил меня от этого раз и навсегда, – еле слышно проговорил Хьяльталин. Голос начинал подводить его. – Ты меня видишь? Смотри на меня! Я хочу, чтоб ты меня от этого очистил. Понимаешь, очистил! Я ему ничего не сделал. И вы не могли на меня ничего повесить, да и сейчас не можете. Я его на ледник не увозил. Это кто-то другой. Но не я!

Хьяльталин поднялся и уставился на Конрауда.

– Это не я!

– До свидания.

– Если ты его когда-нибудь разыщешь, отыграйся на нем хорошенько, – проговорил Хьяльталин и вновь сник. – Сделаешь это ради меня? Отыграешься на нем за то, что он устроил мне...

Конрауд был рад выйти под открытое небо. В камере его охватило неприятное чувство, а белое больное лицо Хьяльталина только усугубляло его. Он отчитался об их встрече и не спеша двинул домой, решил поехать через Сельфосс. В Эльвюсе погода была ясная, и он сам не успел заметить, как уже въехал на Хетлисхейди, проехал мимо вечных столбов пара на термальной электростанции и увидел вдалеке у голубого залива столицу. Посещение тюрьмы все никак не шло у него из головы: слабый голос, лицо Хьяльталина, отмеченное печатью смерти, слова надзирателя, которого Конрауд спросил, читает ли Хьяльталин Библию:

– Я никогда не видел, чтоб он ее открывал, – сказал надзиратель, опровергая слова самого Хьяльталина. – Он говорил, что ему она не поможет.

Когда, уже за полночь, Конрауд лежал в своей кровати, а на улице хлынул дождь как из ведра, – он все еще думал об этом своем визите. Он не знал, кто проболтался Хьяльталину о судьбе его отца тогда,

тридцать лет назад. Во время своего предварительного заключения он начал расспрашивать Конрауда о нем во всякое подходящее и неподходящее время, сначала нерешительно, а потом все более и более дерзко, и в конце концов не одна их встреча уже не обходилась без упоминаний об отце Конрауда. Хьяльталин нащупал у своего тюремщика слабое место.

– А как ты думаешь, почему его убили? – спрашивал он. – Когда ты начал работать в полиции, ты никогда не пытался выяснить причину? Как вы вообще ладили? Он был хорошим отцом или как? Он с тобой лучше обращался, чем с твоей матерью?

Конрауд пытался игнорировать такие вопросы, но в конце концов сдался и подробно рассказал Хьяльталину о том, как убили его отца, надеясь: а вдруг это развяжет заключенному язык. Во время этого убийства Конрауду было восемнадцать лет. Он сказал Хьяльталину, что его отца дважды пырнули ножом и потом не нашли ни убийцу, ни орудие убийства. В свое время подробности этого убийства обсуждались в прессе, и Конрауд просто пересказывал ее материалы. Когда Хьяльталину захотелось узнать больше: как он себя чувствовал, да почему его родители разошлись к моменту убийства, – Конрауд отказался говорить с ним дальше. Тут предварительное заключение подошло к концу.

– И вот – ты теперь и сам полицейский, – сказал Хьяльталин, когда его выпускали. – Сын того человека. Странно, да? Тут вообще все сходится?

Конрауд ворочался в постели, пытаясь направить свои мысли в другое русло. Когда он наконец задремал, сон не принес ему утешения. Ему снился Хьяльталин с известково-белым лицом и водянисто-голубыми глазами, – и он вскочил среди ночи, весь в поту, с неприятным ощущением.

Через некоторое время после их встречи в Литла-Хрёйн пришло решение Верховного суда о том, что нет основания для содержания Хьяльталина под стражей.

Через две недели Конрауду сообщили, что он скончался в онкологическом отделении Центральной больницы.

Хьяльталин до самой смерти отрицал свою причастность к гибели Сигюрвина.

Началась пора глубоких осенних циклонов: они выстраивались чередой над океаном и проходили над островом, неся дожди, бури и похолодание. Конрауд, выйдя на пенсию, заметил, что сутки как будто удлинились вдвое – даже в это время года. Жизнь приняла особый оттенок безвременья. Минуты превратились в часы, и время тянулось, как ему заблагорассудится, освобожденное от оков рутины: дежурства – обеденные перерывы – сверхурочные – ужин – собрания – перерывы на кофе – рабочие дни – отгулы – выходные. Все это исчезло и превратилось в одну бесконечную субботу. Жизнь стала бесконечным выходным.

Порой он ходил на обед к сыну и засиживался у него до вечера. Он читал газеты и книги, лазил по Интернету, ходил в музеи, в кино, в театр, торчал в букинистических лавках, – словом, делал все то, что, как он считал, у него не было времени сделать, пока он исполнял свою функцию в обществе. Он ощущал себя туристом в этом городе и порой не успевал опомниться, как оказывалось, что он примкнул к какой-нибудь тургруппе где-нибудь в музее или на прогулке по Скоулавёрдуюхольту^[10]. Внезапно вокруг него начинал звучать один лишь шведский. В очереди в ресторане к нему дважды обращались по-французски. Все это происходило из-за того, что он шатался по городу в то время, когда обычные люди были на работе.

В основном время измерялось сезонами. Лучше всего Конрауд чувствовал себя весной, когда день прибывал, растительность пробуждалась от зимнего сна, перелетные птицы возвращались в страну, а город оживал после зимы. Они с Эртной всегда много ездили по стране во время летнего отпуска, и у них были свои любимые места. Одно из них – ущелье Такгиль близ ледника Мирдальсйёкютль недалеко от Катлы. Они старались выбираться туда каждое лето. Он не любил осень, когда день убывал, а ветер гонял сухую листву по улицам. А зима была периодом покоя, ожидания, когда день вновь начнет прибывать.

Когда над страной прокатился еще один осенний циклон, неся бури и осадки, Конрауд зашел к Марте в отделение полиции на улице Квервисгата и спросил ее о последних минутах Хьяльталина на этом свете. Он предварительно позвонил ей после некоторого раздумья и спросил, могут ли они встретиться ненадолго. Это было несложно.

Уйдя на пенсию, Конрауд редко заходил в полицейское управление и не знал новых сотрудников, – а старые сердечно приветствовали его, жали руку, спрашивали, как дела, говорили, что в этой стране все катится к чертям, да только это уже не новость.

Марте было немного за сорок, она была пухлая, большеголовая, необычно смуглая. Вкус в одежде у нее был скверный: широкие штаны да кофты, волосы, как правило, растрепанные. Она совсем не красила губ и не пользовалась духами. Когда-то она долго жила с женщиной с островов Вестманнаэйар, но потом они расстались, и она стала жить одна. Коллеги называли ее не иначе как «Марта не без фарта».

– Их похоронили с разницей всего в неделю, – сказала Марта, подавая ему кофе в пластиковом стаканчике. – Хьяльталины и Сигюрвина. Необычно, правда? Причем один из них скончался только что, а другой тридцать лет назад.

– Мне не сказали, что Хьяльталин был болен, – заметил Конрауд.

– Нет, наверное, мне надо было сказать. По-твоему, так хуже вышло?

– Он неважно выглядел.

– Мы не знали, что он так мало протянет.

– Вы нашли на леднике что-нибудь, что может пригодиться?

– Нет. Ничего. По-моему, это расследование пора закрыть полностью и окончательно.

– Хьяльталин так и не сознался?

– Нет.

– А почему тогда вы собираетесь закрывать дело?

– Это не я так решила. Тем, кто сидит наверху, показалось, что уже хватит.

– Он попросил меня найти убийцу.

– Он упорный. А ты ему что сказал?

– Что я уже не работаю.

Сванхильд в кулуарах обмолвилась, что причиной смерти Сигюрвина, как она сразу определила, стала черепно-мозговая травма. Два удара по затылку размозжили череп и привели к гибели. На руках Сигюрвина не было ни малейшего признака того, чтоб он защищался. Ногти были чистыми, тщательно подстриженными. Он недавно побывал в парикмахерской. Чтобы исследовать его внутренние органы, им сначала надо было дать оттаять. При вскрытии у Сванхильд так

замерзли пальцы, что ей пришлось держать подле себя миску с теплой водой, чтоб время от времени согреть их. Содержимое желудка Сигюрвина говорил о том, что незадолго до гибели он поел: гамбургер и картошку фри, очевидно, в какой-нибудь забегаловке. В карманах у него ничего не обнаружилось кроме ключей от дома и кошелька. Все считали, что после работы и скандала на стоянке он ненадолго зашел домой и сменил деловой костюм на более удобную одежду, а потом снова сел в машину, купил фастфуда и поехал к цистернам с горячей водой на Эскьюхлид. В ту пору, когда его розыски были в самом разгаре, специально проверяли, не видели ли его в ресторанах быстрого питания или в закусочных на бензоколонках, но никто не мог этого подтвердить.

В свое время расследование не выявило в жизни Сигюрвина никаких вредных привычек или связи с преступным миром: ни с наркоторггерцами, ни с рэкетирцами или ворцами, – и уж подавно ни с какими более закоренелыми преступниками. Он исправно руководил своей фирмой, и у него работало множество людей, которые хорошо отзывались о владельце – своем начальнике. Что Сигюрвину могло понадобиться у цистерн, – неизвестно. В то время они стояли пустые, запущенные, а раньше из них поступала горячая вода с Эскьюхлид в город под действием силы тяготения. Когда пропал Сигюрвин, среди этих цистерн только играли дети. Они писали на их стенках, забирались внутрь, а некоторые даже отваживались залезать на самый верх – что конечно же было смертельно опасно.

– Значит, Сигюрвин встретил у старых цистерн на Эскьюхлид какого-то человека или людей и уже с ними поехал на ледник – если убили его все-таки там? – спросил Конрауд.

– Да, но он не был в теплом комбинезоне или другой походной одежде, – сказала Марта. – Тогда тот, с кем он поехал, должен был дать ему свою такую одежду, а потом снять ее с него, – а это получается маловероятная ситуация.

– Сигюрвин пропал в феврале, а одет не так, чтобы очень тепло: рубашка и легкая куртка. Он не собирался долго пробыть на улице.

– Нет, – согласилась Марта. – А еще он в кедах. В общем, он и из машины-то выходить не собирался. В последний вечер, когда его видели, у нас в Рейкьявике погода была отличная. С начала года нападало много снега, а потом потеплело, но после этого снова

подморозило. Когда Сигюрвин пропал, на улицах было пустынно. Ты это наверняка помнишь.

– А может, его силой заставили ехать на ледник? Он садится в свой джип – и вдруг оказывается, что он едет к леднику? Там доходит до драки, и он получает удар по голове? Или он туда по своей воле поехал?

– Вскрытие показало, что его отвезли туда уже после смерти. Он начал коченеть, и ткани стали разлагаться.

– Но почему ледник? Что там на вершине Лангйёкютля? Почему он отвез Сигюрвина именно туда?

– Хьяльталин? Не знаю.

Конрауд пожал плечами, признавая свое поражение. Он помнил, как они нашли машину Сигюрвина. Ее объявили в розыск, и вскоре поступили сведения, что на вершине Эскьюхлид обнаружен красный джип «Чероки». Конрауд часто думал об этом джипе, потому что ему и самому хотелось такую машину: он считал, что она красивой формы и вполне вместительная, и интерьер интересный, и рычаг переключения скоростей на руле. Но если б у него были средства на такую машину, он не стал бы брать красную, лучше уж белую... К цистернам для горячей воды вела грунтовка, а в ее конце стоял джип – один, брошенный. Сигюрвина тщательно искали на Эскьюхлид и в его окрестностях, со служебными собаками – но безрезультатно. На грунтовке и возле цистерн было множество следов от колес, и с тех, что были ближе всего к джипу, были сделаны слепки. Было невозможно сказать, чтоб вокруг джипа происходила какая-то борьба. Человеческих следов на твердом грунте видно не было. Вершина Эскьюхлид была любимым местом для игр детей и смотровой площадкой, откуда открывался вид на город во все стороны, до самого залива Факсафлоуи и на запад до ледника Снайфетльсйёкютль, на Хетлисхейди, горы Блауфьётль, Эсью^[11] и полуостров Рейкьянес.

– Вы навещали Хьяльталина в больнице? – спросил Конрауд, допивая из чашки. С тех пор, как он работал в этом месте, кофе здесь лучше не стал.

– Нет, – ответила Марта. – В тюрьме ему стало хуже, и после того, как его выпустили, он отправился напрямиком в Центральную больницу. Его врач не ожидал, что все произойдет так быстро.

– Наверное, он испытал шок, когда Сигюрвин через столько лет нашелся, – заметил Конрауд.

– Да уж, можно представить.

– Но он ничем себя не выдал, когда я с ним виделся. Лежал на своей постели, спокойный, сдержанный. Конечно, в таком состоянии у него были совсем другие заботы.

– И он не сообщил ничего нового?

– Нет. Все твердил, что невиновен.

– Ты собираешься с этим что-то делать?

– Я не могу «с этим что-то сделать», – ответил Конрауд. – У меня возможности нет.

– Он просил тебя помочь ему.

– Да.

– И?

– Никаких «и»! Ты его спрашивал про ключи от машины Сигюрвина?

– Он про них ничего не знал, – ответила Марта. – А ты его о них спрашивал?

– Я не знал, что их недосчитались. Когда я встречался с Хьяльталином, Сванхильд все еще исследовала тело. У Сигюрвина в кармане были ключи от дома и кошелек, а ключей от джипа не было. Согласись, это ведь странно? У кого же тогда его ключи?

Марта пожала плечами, как будто он мог с таким же успехом ждать ответа от ветра.

– Как-то это все халтурно выглядит, – сказал Конрауд. – Как будто работу до конца не доделали.

– В жизни не встречала такого отъявленного упрямца, как Хьяльталин, – заметила Марта, немного помолчав. – Он ведь знал, к чему все идет, когда мы его выпустили, знал, что ему осталось недолго.

– И ведь утверждал, что он Сигюрвина пальцем не трогал, – сказал Конрауд. – Хотя ему было нечего терять. Он же все равно был при смерти.

– И он продолжал все полностью отрицать, – произнесла Марта, смяла стаканчик из-под кофе и выкинула в мусорное ведро.

Сына Конрауда звали Хугоу, он работал в Центральной больнице и был специалистом по реабилитации инвалидов. Он постоянно ездил на конференции по всему миру вместе с женой – владелицей магазина в торговом центре «Крингла». Их дети часто гостили у Конрауда и Эртны, пока супруги были в разъездах, – двое бойких мальчишек, обожавших бабушку с дедушкой. Этим близнецам исполнилось двенадцать лет, и хотя они уверяли, что могут сами позаботиться о себе, о том, чтоб оставить их одних, не могло быть и речи. Конрауд взял их на несколько дней к себе и пообещал сводить их в кино. Они выбрали фильм – очень плохой боевик, абсолютно незнакомый Конрауду, с какой-то дутой голливудской звездой, рубившей полчища противников в капусту.

Он радовался, что внуки гостят у него, и он пытался их развлекать, хотя и подозревал, что родители вконец избаловали их. Вмешиваться в воспитание детей он не собирался. Больше всего его удивляло, как много у бедных ребят нагрузки: всю неделю их посылают туда-сюда, во всякие спортивные секции, музыкальные школы, курсы искусств и прочее, чего и не упомнишь.

– У этой публики амбиций выше крыши, – сказала как-то сестра Бета, когда однажды разговор зашел об этом.

Конрауд отвез мальчиков в школу утром, после школы повез на урок игры на гитаре, а потом они отправились в кино. Их гитары лежали в багажнике джипа, и когда вечером все вернулись домой, Конрауд попросил внуков показать, как они научились играть. Но те отказались, сказали только, что, мол, хватит с них и скуки на этих занятиях. Затем они оккупировали телевизор в гостиной, притащив туда свою игровую приставку, и пока не пришла пора спать, витали где-то в другом мире. Это было в пятницу, дальше предстояли выходные, так что Конрауд позволил им долго не ложиться. В полночь позвонил из Гётеборга его сын и велел ему отправить мальчиков спать. Он послушался.

В доме внуков явно были какие-то разговоры о трупe на леднике.

– Дедушка, – спросил один, укладываясь на подушку, – а ты знал того мертвеца, которого нашли на леднике?

– Нет, – ответил Конрауд.

– А папа говорит, что знал, – сказал другой, у которого после серии убийств в компьютерной игре глаза все еще были налиты кровью.

– Я с ним был не знаком, но я знаю, кто он.

– Папа говорит, что ты его много-много лет искал. Когда еще в полиции работал.

– Это правда.

– Но так и не нашел.

– Нет.

– А почему?

– Потому что он был спрятан на леднике. А фильм, на который вы меня затащили, просто никуда не годился.

– Не-е, он классный, – возразили близнецы. – Нормальный фильмец!

– Дурашки вы, – сказал Конрауд, улыбаясь про себя, а потом закрыл дверь.

Из кухни, где он прибирался перед отходом ко сну, ему было слышно хихиканье братьев, а когда они умолкли, раздался тихий стук в дверь. Сначала ему показалось, что это осенний ветер хлопает крышкой почтовой щели на входной двери, – но вот он услышал, как снова постучали, но этот раз сильнее. Он никого не ждал. Бета могла нагрянуть в любое время суток, но она врывается прямо в дом, вооружившись ключом, и никогда тихонько не стучалась в дверь. Торговцы вряд ли стали бы ходить по домам в такой поздний час. Конрауд имел обыкновение покупать у бродячих продавцов сушеную рыбу и омаров, но они никогда не позволили бы себе потревожить его так поздно.

Конрауд подошел к входной двери, открыл и увидел на крыльце женщину неопределенного возраста.

– Я видела, у вас свет горит, – сказала она. – Можно поговорить с вами на минуточку?

Она робела и смущалась. Больше всего для ее описания подошло бы слово «застенчивая». Конрауд думал, что она хочет ему что-нибудь продать, всучить газету или лотерейный билет, и собрался было прогнать ее, но в выражении ее лица было что-то жалобное, что не позволило ему обходиться с ней неласково. Одета она была бедно: в потертые джинсы, коричневую куртку из кожзаменителя и фиолетовый свитер. На голове у нее была черная повязка, закрывающая уши, волосы светлые, густые, сама она была худощавая, с симпатичным лицом, но возраст и жизненный опыт прочертили на ее

лице неяркие морщины, заставили губы поджаться, добавили мешки под глазами.

– Извините, что так поздно беспокою, – сказала она.

– А что вы продаете? – спросил Конрауд. – Ведь час уже поздний, и вы это сами понимаете.

Он выглянул во двор, чтоб проверить, одна ли она. Несколько раз бывало, что люди, с которыми Конрауду приходилось общаться по долгу службы, не только говорили ему всякий вздор по телефону, но и поджидали его на улице после работы, желая что-нибудь выяснить. Но никаких проблем из-за этого не возникало. В те разы во всем был явно замешан Бахус. Конрауд успокаивал визитера, если он злился, или выслушивал поток болтовни, если на того находил такой стих, и после этого ему удавалось спровадить его по-хорошему.

– Нет, ничего я не продаю, – сказала женщина. – Я вам хотела кое-что рассказать про моего брата. Можно, я на минуточку зайду?

– Брата? Я с ним знаком?

– Нет, – ответила женщина. – Не думаю.

– А я должен его знать?

– Нет.

– Почему же вы тогда хотите рассказать мне о своем брате?

– Потому что он видел кое-что в детстве. Под цистернами на Эскьюхлид.

10

Последние слова незнакомка произнесла таким тихим шепотом, что Конрауд едва расслышал их. Он пристально посмотрел на нее и сразу понял, о чем она говорит, когда она упомянула цистерны на Эскьюхлид, – те самые цистерны, возле которых обнаружили брошенный джип Сигюрвина. Под его взглядом женщина опустила глаза, словно сказала что-то стыдное. На некоторое время повисло молчание, нарушаемое лишь громким шумом проезжающей мимо дома машины. Конрауд точно знал, что видит эту женщину в первый раз: в расследовании дела об исчезновении Сигюрвина она нигде не фигурировала.

– Я полагаю, вы имели в виду дело Сигюрвина? – осторожно спросил он. – Когда сказали про цистерны?

– Простите, я в такое дурацкое время пришла.

– Ничего страшного.

– А войти можно? – спросила женщина.

– Прощу, – сказал Конрауд, открыл дверь пошире и впустил ее в прихожую. – Я не собирался вас на улице держать. Я не привык принимать гостей так поздно вечером. То есть ночью.

Он посмотрел на свои наручные часы. Было двенадцать часов ночи. Женщина тихонько прошла в гостиную, все такая же робкая и нерешительная, окинула ее взглядом, посмотрела на картины на стенах и книжные шкафы.

– Садитесь, – предложил Конрауд. – Кофе хотите? Или что-нибудь другое?

– Против кофе я не возражаю, – ответила женщина. – Меня зовут Хердис, – добавила она, подавая ему руку. – А можно мне в кофе что-нибудь налить, а то я замерзла. Тут ветер задул с севера.

– Сделаем, – ответил Конрауд.

Женщина уселась на стул в гостиной и продолжила осматриваться вокруг, а Конрауд тем временем сварил кофе и вынул бутылку водки, которую держал в одном из кухонных шкафов вместе с джином и ромом. Пил он умеренно и обычно одно лишь красное вино. Он налил в другую чашку щедрую дозу алкоголя, удивляясь этому неожиданному ночному визиту. Он недоумевал, почему она пришла к нему домой в такое время суток, а не стала говорить с полицией. Про себя он решил, что она, наверно, думает, что он до сих пор расследует дело об исчезновении Сигюрвина. В свое время его имя часто мелькало в прессе, порой ему приходилось брать на себя роль посредника между полицией и общественностью. Возвращаясь в гостиную, он заглянул к внукам, но они крепко спали, и он снова закрыл дверь в их комнату.

– Да, сейчас идет похолодание, – произнес он, усаживаясь рядом с женщиной и подавая ей чашку с кофе.

Кофе был не горячий, она взяла чашку, залпом осушила ее и отдала обратно.

– Хотите вторую? – спросил он.

Она кивнула. Конрауд снова сходил на кухню, принес кофейник и бутылку и поставил перед женщиной. Она налила в чашку немножко кофе, остаток долила водкой и выпила половину. Затем она допила. Конрауд терпеливо ждал.

– Ему было всего девять лет, – начала она, когда наконец согрелась. – Мы были очень бедными. Ютились в подвале в районе Хлидар^[12] и целыми днями играли на улице. Шлялись по тротуарам, гоняли в футбол на Кламбратуне^[13] и часто ходили играть на Эскьюхлид. Для нас, детей, там было очень интересно. Ну, понятно: остатки британских укреплений времен войны, каменоломня и лес. Все это... и на вершине холма цистерны... это был прямо-таки сказочный мир.

– Я их хорошо помню, – ответил Конрауд. – Они были выкрашены в белый цвет. И под конец они не очень-то улучшали вид города. Да они никогда его и не улучшали.

– Нет, и как раз в то время их и снесли, а потом возвели новые, а наверху соорудили Пертлу^[14].

Говорила она очень тихим голосом и как будто старалась произвести хорошее впечатление, хотя была не в силах скрыть, что ей хочется водки. Конрауд определил, что ей где-то около сорока, хотя на вид она казалась даже старше, ее худые пальцы цепко держали чашку, ногти были неопрятные, и под ними было черно.

– Ему было всего девять лет, – повторила она.

– А что же такое он увидел?

– Он не понял, что это может быть важно. Тогда – еще не понял. Он ничего не знал про это дело. Ни про Сигюрвина, ни про то, что вы расследуете. Совсем ничегошеньки. Он был еще ребенок. И лишь через много-много лет он услышал об этом и понял, что видел что-то, что с этим связано. Он начал собирать информацию об этом деле, читать. Тогда ему должно было исполниться тридцать, с тех пор, как он играл у цистерн, времени прошло уже много. Так много, что ему начало казаться, что это все фантазия или сон.

– А чем ваш брат занимается, в смысле, где работает?

– Он на стройке в основном. Рабочий. А иногда вообще нигде не работал. Он такой... Любит пропустить рюмашку. Отличный парень – Вилли его зовут.

Хердис поморщилась, словно отгоняя неприятную мысль.

– А вы младше него? – спросил Конрауд.

– Да, у нас два года разницы.

Она начала рассказывать ему о себе и о брате: тихо, робко. Рассказала о квартире в подвале в Хлидар, где они жили с матерью,

которая работала в магазине и мало зарабатывала. Их родители развелись, отец уехал в деревню, и они редко его видели. Их было двое: брат и сестра. У обоих не ладилось с учебой, и, отходив положенное количество лет в школу, они не стали учиться дальше. Она рано начала жить с мужчиной на съемной квартире на улице Квервисгата, а ее брат нанялся на судно, но ходить в море ему не понравилось, и он нашел работу на суше. Он жил один и часто запивал.

Он сам толком не помнил, когда впервые услышал об исчезновении Сигюрвина, но по-настоящему заинтересовался этим, когда посмотрел по телевизору передачу о реальных исландских детективных историях, и там подчеркивалось, что машина Сигюрвина, красный джип, была обнаружена именно у цистерн на Эскьюхлид. В той передаче был один постановочный эпизод, в котором красный джип добавили на фотографию цистерн, сделанную еще до постройки Пертлы.

– И у него в голове что-то щелкнуло, – сказала Хердис. – Воспоминания о событиях, которые он раньше не связывал друг с другом. Лет примерно двадцать спустя.

– Это очень долгий срок, – сказал Конрауд, – для такого свидетельства.

– Он только и знал, что говорил об этом. И мне об этом рассказывал, и многим другим. И все же он считал, что оказаться замешанным в такую старую детективную историю – это как-то стыдно или глупо, он даже не был уверен, что правильно связал одно с другим. Я ему советовала рассказать полиции, он туда пошел, с кем-то из ваших поговорил, но тот ему заявил, что это все очень сомнительно, воспоминание слишком смутное или вроде того, так что поднимать из-за этого шум не стоит, что, мол, в полицию поступают сотни свидетельств, которые никуда не ведут, – и Вилли решил, что и его рассказ тоже попадет в эту кучу. Вот как-то так все было.

– А вы знаете, с кем в полиции он говорил?

– Понятия не имею.

– А что же такое он увидел?

Хердис уставилась на пустую чашку, словно пыталась решить, выпить ли ей еще. Конрауд наблюдал, как она некоторое время боролась со своей совестью, но наконец решилась и налила в чашку

водки, на этот раз не притронувшись к кофе. Чашку она выпила залпом.

– Простите, что я к вам так свалилась на голову, – извиняющимся тоном произнесла она, ставя чашку на стол. – Я не собиралась так поздно... я просто... за воротник залила.

– Вы хотите сказать: чтоб сюда прийти, вам пришлось выпить для храбрости?

– Если честно, то да, – ответила Хердис.

– А почему брат с вами не пришел?

– Я увидела эти новости про ледник и почувствовала, что мне надо с кем-нибудь поговорить. С тех пор я много думала о брате. Кто-то сказал, что вы больше всех знаете об этом деле.

– Вы, конечно, не знаете, но я уже не работаю в полиции, – сказал Конрауд. – Я вышел на пенсию. Я мог бы направить вас к тем, кто сейчас ведет это дело. Они бы вас хорошо приняли.

– Но вы так и не нашли того, кто это сделал.

– Нам казалось, мы знаем, кто это был, – ответил Конрауд. – Но он все отрицал.

– Это тот Хьяльталин?

– А ваш брат не с вами?

– Нет.

– Они наверняка захотят снова поговорить с ним, – сказал Конрауд. – Полиция. На этот раз я могу сопроводить его.

– Да, – протянула Хердис. – Только уже поздно.

– Поздно.

– Никуда вы его не поведете.

– А почему?

– Вилли умер, – ответила она. – Погиб в ДТП.

Конрауд почувствовал, что ей до сих пор тяжело из-за этого.

– А ему было всего тридцать три года. Он... в этом году ему исполнилось бы сорок.

– Я вам сочувствую, – сказал Конрауд: он желал бы, если б мог, как-нибудь проявить к ней еще больше сострадания. – Автокатастрофы – это ужасно.

– Когда на леднике нашли тот труп, я все и вспомнила, – сказала Хердис. – Рассказ Вилли про человека, которого он видел у цистерн на Эскьюхлид и который угрожал его убить.

Мальчики в ту зиму часто играли на Эскьюхлид. Они смотрели, как строится новый кегельбан, выходящий фасадом на футбольное поле команды «Валюр», использовали недостроенное здание как крепость, сражались на мечах со щитами среди арматуры и серых бетонных стен. А сейчас кегельбан уже сдали, и мальчишки болтались там, смотрели, как люди играют в кегли, и, если у кого-нибудь из них были деньги, они шли к игральным автоматам или покупали себе картошку фри с кетчупом. Когда им надоедало там болтаться, они шли в старую каменоломню или выбегали на пляж в Нейтхоульсвике^[15], где порой люди гребли на каяках, а какой-нибудь чудака занимался плаванием в холодном море.

В тот февральский вечер Вилли шатался по Эскьюхлид один. Он заглянул в кегельбан, поглядел на людей. Сам он этим видом спорта не интересовался, так что там он пробыл недолго. Мама велела ему приходить поскорее, потому что детям его возраста нельзя находиться на улице после восьми часов, а когда он выходил из дому, час уже был гораздо более поздний. Он рассеянно бродил по холму, безучастный ко всему: гандбольная команда «Валюр», за которую он болел, проиграла важный матч. Одет он был тепло: куртка, шапка, варежки. Он увидел цистерны для горячей воды, озаряемые лунным светом, и направился туда. Ничего, что он тут совсем один. У него есть верные друзья, с ними весело играть, но одиночество он тоже любит и умеет быть самодостаточным в своих затеях.

Цистерны вздымались к небесам, словно опустевшие замки на вершине холма: пузатые, никчемные. Они шли под снос, потому что построили новую систему водоснабжения с новыми цистернами. А старые стояли кругом: восемь штук, а между ними проходы. Посередине была бетонная плита и разный металлолом: вот обломки велосипеда, который когда-то был украден, а теперь пришел в негодность... На каждой цистерне была приварена лестница, ведущая на крышу, а самая низкая ступенька находилась в двух метрах от земли, так что для того, чтоб на нее залезть, требовалась другая лестница. Мальчики забирались туда с помощью всяких хитростей, и некоторые влезали на самую крышу. Он однажды долез до верха, но ужасно испугался высоты и больше не стал: крыша была с уклоном, и ему все время казалось, что он с нее скатывается. А другие мальчишки

не боялись высоты, они расхаживали по крыше, вышагивали по самому краю, сидели, свесив ноги. Некоторые перепрыгивали с цистерны на цистерну, но он сам ни в жизнь бы не рискнул.

Некоторые применяли на чистых холстах – стенках цистерн – баллончики с краской, но их мазня была грязной и похабной. На одну цистерну нанесли малоудачное изображение фаллоса, и оно всегда вызывало у мальчишек приступы веселья.

Вилли вошел внутрь круга, образованного цистернами, лег на спину посередине и стал смотреть в небо. Он увидел в просвете между цистернами луну и стал наблюдать, как она постепенно уползает, скрываясь из виду. Он смотрел, как то появляется, то исчезает свет большого прожектора, крутящегося на верху одной из цистерн. Мама объясняла ему, что это такой маяк, указывающий направление самолетам на аэродроме в Васмири^[16]. Темноту над городом по очереди прорезал то зеленый, то желтый луч в равномерном спокойном ритме круг за кругом, словно слегка спешащая секундная стрелка в часовом механизме, в остальном безупречном.

Так он некоторое время лежал – и вдруг подумал, что, наверное, мама волнуется и уже пошла искать его. Ей уже несколько раз приходилось так делать, и она говорила, что он неадекватен и вообще совершенная амеба. Он этих слов не понял. Он знал, что учитель жаловался маме, что он невнимателен на уроках. Мама прилагала все силы, помогая ему готовить уроки, да и сам он старался, как только мог, да только в школе ему было скучно, и он не понимал, почему ему приходится все время учить что-нибудь, чем он ни капельки не интересуется.

В такие мысли он был погружен, когда услышал совсем рядом шаги. Он вскочил. Человек, которого он никогда не видел, с длинными волосами и маленьким колечком в одном ухе, стоял перед ним и злобно смотрел на него.

– Ты чего здесь шляешься, пацан? – довольно неприветливо произнес тот человек, словно сердился на Вилли, хотя тот ничего ему не сделал.

– Да ничего, – сказал Вилли.

– Иди-ка ты прочь отсюда, – приказал тот человек. – Вали!

– Ладно, – сказал Вилли, стараясь не злить человека. И все же он был уверен, что имеет точно такое же право находиться здесь.

Вдруг тот человек схватил его за грудки:

– Скажешь кому-нибудь, что я здесь был – найду и убью, понял?

Вилли не смел ответить.

– Слышал?!

Вилли кивнул.

– А теперь катись, – сказал тот человек и отпустил его.

Вилли не на шутку испугался и поспешил прочь от того человека. Пробегая между цистернами, он увидел его машину: какой-то внедорожник, спрятанный за каменной развалюхой, в которой одно время размещалось управление системой горячего водоснабжения. Наверно, тот человек приехал сюда раньше Вилли, иначе тот услышал бы шум мотора.

Он быстрым шагом пошел прочь, поминутно оглядываясь, до смерти боясь, что тот человек погонится за ним. Последнее, что он видел перед тем, как бросился со всех ног домой – фары другой машины, подъезжающей к цистернам: они на миг сверкнули, осветив цистерны, и скрылись за развалюхой.

* * *

Хердис завершила свой рассказ. Конрауд наклонился к ней, потому что говорила она очень тихо, и ему приходилось тщательно вслушиваться. Тем более, слух у него ухудшался, а обзаводиться слуховым аппаратом ему очень не хотелось. Немного помолчав, он спросил, может ли она сообщить что-то еще, но она помотала головой.

– Мне не надо было приходить так поздно, – сказала она.

– Не переживайте, – ответил Конрауд. – Все нормально.

– Я не привыкла ничего подобного делать.

– Конечно.

– Я так много об этом думала после того, как на леднике обнаружили этот труп.

– Я понимаю.

– Мне кажется, я это делаю в память о Вилли. Я была его младшей сестренкой, а он ко мне так хорошо относился. Наш Вилли был уникальным. Уникальный брат. Когда он угодил в аварию, он пытался бросить пить. Это было среди зимы, и видимость плохая, и гололед, и как-то Вилли угодил под машину. А этот так и не признался. То есть

водитель. Скрылся, и все. И свидетелей никаких. Мы так и не узнали, кто это был.

– Это тот... Его часом звали не Вильмар? – спросил Конрауд, поняв, что знал этого человека. – Он помнил тот наезд, скончавшуюся жертву и поиски водителя, скрывшегося с места ДТП. Это был особенный случай, а произошел он на улице Линдаргата. Конрауд знал те места: он жил там в детстве.

– Ужасно, как с ним вышло, он же такой хороший мальчик, – сказала Хердис. – Просто ужас.

– А он еще кому-нибудь это рассказывал? – спросил Конрауд. – Когда наконец вспомнил?

– Да, после той передачи он понял, что все, что он увидел, может иметь важное значение, и рассказывал всем, кто только соглашался слушать.

– А что это был за человек на Эскьюхлид?

– Он так и не узнал. Вилли тогда было всего девять лет, и, как я уже говорила, эта криминальная история прошла совершенно мимо него. Ему и в голову не пришло, что это как-то связано с исчезновением Сигюрвина. Но воспоминание о человеке, который его так напугал, сильно врезалось ему в память. И когда он начал размышлять над этим, он вспомнил матч, проводившийся в тот вечер, и кто играл, и заглянул в старые турнирные таблицы «Валюра». Оказалось, что он проводился в тот вечер, когда пропал Сигюрвин.

– Понимаю.

– И я... – Хердис умолкла.

– Что?

– Ко мне иногда закрадываются мысли, что, может, гибель Вилли – не случайность. Почему этот водитель не стал ему помогать? Почему он не остановился?

– Видимость была очень плохая, – сказал Конрауд, – непогода. Вероятно, он подумал, что хотя и задел его своей машиной, то серьезных травм не было. Такая версия выдвигалась.

– Чем больше я об этом думаю, тем очевиднее мне кажется, что он хотел убить Вилли.

– И, по-вашему, это как-то связано с Сигюрвином?

Хердис кивнула.

– Я хочу знать, можете ли вы найти того, кто сбил Вилли, – сказала она. – Это ваше дело снова открылось, и мне кажется, что Вилли как-то вошел в него.

Конрауд не нашелся с ответом, а Хердис вдруг поднялась с места.

– Я вас так долго задерживала, – произнесла она.

– Может, полиция все-таки захочет с вами поговорить, – Конрауд тоже встал.

– Хорошо, но только пусть это будет быстро, мне не очень-то хочется, чтоб из-за этого началась буча.

– Я думаю, вам не стоит об этом беспокоиться. Ваш брат мог еще что-нибудь сказать про того человека?

– Только что у того были длинные волосы и сережка в ухе – такое колечко, а еще – что вид у него был страшный и угрожающий, – добавила Хердис.

– А Вилли знал, кто такой Хьяльталиин?

– Да, потом узнал: когда начал связывать эти события друг с другом.

– Это был он?

– Нет: какой-то другой человек.

– Вы уверены?

– Он был уверен.

– А Сигюрвин? Это был он?

– Нет, и не он, – ответила Хердис. – Вилли был уверен, что убить его не угрожал ни один из них двоих.

Она долго стояла и молчала, опустив взгляд.

– Мне это все показалось настолько ужасным, – проговорила она наконец, – что я решила спросить вас, не поможете ли вы мне. Можно ли разыскать этого лихача, и... узнать, как все было: это несчастный случай, или он и впрямь... хотел убить его.

12

На следующий день Конрауд встретился с Мартой. Он пригласил ее в торговый центр «Подкова» попробовать таиландской кухни: ему было удобнее видеться с ней так, чем постоянно ездить в полицейское управление, словно он все еще там работал. Пока они ели, он изложил ей рассказ Хердис о брате, о том, что он видел у цистерн на Эскьюхлид, и о наезде.

– Это мало, – сказала она, пытаясь остудить обожженный рот рисом и глотком воды. Конрауд знал, что ей было не привыкать к острым азиатским блюдам и что иногда она этим хвасталась. И сейчас она заказала самое острое кушанье во всем меню, и на лбу у нее жемчужинами выступили капли пота.

– А, по-моему, это существенно, – возразил Конрауд. – Этот рассказ может быть связан с исчезновением Сигюрвина.

– Мы не можем допросить свидетелей.

– Конечно нет.

– А что это за люди?

– Просто обычные люди, – ответил Конрауд. – Хорошие. Сестра произвела на меня замечательное впечатление, она сообразительная и точно знала, что хочет сказать. Она это все делала ради брата: она по нему скучает.

– А вдруг она это все выдумала?

– По-моему, это маловероятно.

В ресторане, популярном благодаря вкусной еде, было много народу, и они старались разговаривать вполголоса. Марта нравилась Конрауду как человек – с тех самых пор, как в юности пришла работать в отдел расследований. Работать с ней было одно удовольствие: она никогда не входила в раж, а рассматривала каждое дело сдержанно, не спеша, и редко делала ошибки. Стоило ей ознакомиться с подробностями – ей уже было легко отделять зерна от плевел, и сбить ее с толку было непросто.

– И что в этом нового? Мы всегда подозревали, что кто-то, то есть Хьяльталин, забрал Сигюрвина от цистерн на своей машине. Мужчина с длинными волосами? Это как?

– Мне помнится, когда-то мы считали, что Сигюрвин приехал на Эскьюхлид погулять, подышать свежим воздухом, собраться с мыслями. И что он гулял по холму, и на него кто-то напал – один или несколько человек. Если брать рассказ этого мальчика в расчет, то, может, тот человек как раз ждал Сигюрвина, а потом взял его с собой. И у него была машина, которую мальчик назвал внедорожником.

– Но Сигюрвина мальчик не видел, – возразила Марта.

– Нет, а тот, кого он встретил, был не Хьяльталин.

Марта отправляла себе в рот куски еды один за другим.

– У Хьяльталина волосы были очень пышные, – сказал Конрауд. – Когда мы в первый раз задержали его, у него была густая грива, свешивающаяся на спину.

– На спину? Как некрасиво!

– Ну, да.

– Как и многое другое, что было в те времена, – сказала Марта.

– Мальчик сказал, что это не он.

– А может, он все выдумал? Ты же знаешь, как такие дела обрастают всякими рассказами. Им просто числа нет. И что такое, с точки зрения девятилетнего мальчишки, внедорожник? Разве не все джипы предназначены для езды по бездорожью?

Марта вытерла пот со лба салфеткой: от острых специй ее лицо припухло.

– Было вкусно, – сказала она.

– Признайся, что для тебя это все-таки островато.

– Это? Да это просто ерунда.

– А мне кажется, ничего он не выдумал, – сказал Конрауд. Он решил больше не подтрунивать над подругой, которая все равно ни за что не призналась бы, что блюдо оказалось для нее чересчур острым. – Когда мальчик вырастет, он заметит, что то, что с ним случилось, связано с исчезновением Сигюрвина, и решит, что стал свидетелем чего-то важного.

– О'кей, поняла, но все это в лучшем случае слабовато. Я по-прежнему склоняюсь к версии насчет Хьяльталина.

– Значит, ты с этим ничего не будешь делать?

– Узнать это неплохо, но.... – Марта пожала плечами.

– У нас же появился новый свидетель, – заметил Конрауд. – Это уже кое-что.

– Это не так, Конрауд, и ты сам это понимаешь. Тот свидетель мертв, и, может, он не был надежным. Что такое мальчишка, девяти лет от роду? Да еще ведь столько лет прошло.

Конрауд поморщился. Он понимал, что утверждения Марты небезосновательны. Сам он спрашивал Хердис, запомнил ли ее брат, какого цвета была машина на Эскьюхлид, но ее облик в его памяти был нечеток, подернут туманом забвения.

– Иногда мне кажется, что в этом всем мы совершили какую-то глобальную ошибку, – сказал Конрауд.

– У Хьяльталины был «Форд Бронко» и еще одна машина, «Ниссан Санни», насколько я помню, – заметила Марта.

Конрауд промолчал, глядя на подругу.

– Если верить мальчику, то в тот вечер, когда пропал Сигюрвин, у цистерн был не Хьяльталин, а кто-то другой, – наконец ответил он. – По-моему, мы не... ты не можешь игнорировать это. Во всяком случае, про это не нужно забывать.

– Мне это не очень интересно, Конрауд, но так уж и быть, я поговорю с той женщиной, которая к тебе заходила. Это не сложно. Как ни странно, к нам все еще продолжают поступать различные сообщения о Сигюрвине.

– Она даже думает, точнее, подозревает, что гибель ее брата под колесами машины тоже как-то связана с этим делом.

– Я с ней поговорю.

– А вкус этого блюда ты чувствуешь? – поинтересовался Конрауд.

– Да, очень вкусно, но лучше бы, оно было поострее, – сказала Марта, вытирая каплю пота, ползущую по переносице.

После встречи с Мартой Конрауд поехал на Сельтьяртарнес^[17] немного покататься на машине. Он остановился на дороге, сворачивающей к полю для гольфа, и долго сидел в машине, смотрел на каменную кладку вдоль взморья, высившуюся перед ним, и вспоминал, как ездил сюда с Эртной. Сейчас лунного затмения не было. Печка в машине слегка посвистывала. На улице был жуткий холод. Он смотрел в сторону старого маяка на Гроутте, который уже не один десяток лет указывал морякам путь в темноте.

Марта не проявила особого энтузиазма, и в принципе Конрауд мог ее понять. Это свидетельство мало что прибавляло к их догадкам, – однако в нем было что-то новое, свежее, интересное, взвихрявшее пыль в старом чулане сознания. Конечно, с тех пор, как Вилли припомнил то событие, прошло много времени, – но все-таки это новый свидетель в загадочном деле, с которым Конрауд больше надеялся не сталкиваться.

Хьяльталин ошибался, когда считал Конрауда единственным из сотрудников, расследовавших дело, кто не стал думать как все и поверил ему. В те недели, месяцы и годы, когда расследование дела было в разгаре, его рассматривали со всех возможных сторон, но

прочнее связать исчезновение Сигюрвина именно с Хьяльталином не удавалось. Улик было ничтожно мало. Орудия убийства не нашлось. Труса не было. Обыск дома и на работе у Хьяльталинина ничего не выявил. Конечно, их ссора с Сигюрвином и могла быть тем самым мотивом, который искала полиция, причиной предполагаемого убийства, – но то, что Хьяльталин, несмотря на длительное содержание в камере, упорно отрицал свою вину, обесценивало эту версию.

Хьяльталин, судя по всему, отлично переносил заключение. Для многих изоляция оказывалась невыносимой. Бывали даже случаи, когда после этого люди за пару дней «ломались», но Хьяльталину пребывание за решеткой оказалось нипочем. Он всегда оставался непоколебим и утверждал, что его совесть чиста.

Единственное, что произошло за то время, пока он сидел в КПЗ – он попытался подружиться с Конраудом, сделать его своим приятелем. Дошло даже до того, что он отказывался разговаривать с другими сотрудниками полиции. Конрауду это не нравилось, он испытывал к нему отвращение и не желал уделять ему времени больше, чем было необходимо. Вдобавок он был против того, чтоб задержанный таким образом брал инициативу в свои руки.

Что верно, то верно: со временем Конрауд стал сомневаться в показаниях против Хьяльталинина, но свои мысли предпочитал держать при себе. Когда Хьяльталин попал в центр внимания полиции, масштаб расследований начал постепенно уменьшаться, и акцент по большей части перенесли на него. Считалось совершенно определенным, что Сигюрвина прикончили именно в тот вечер, когда он поругался с Хьяльталином, потому что с тех пор его не видели.

Конрауд не сводил глаз с маяка, словно тот мог указать ему правильное направление, как заблудившимся мореходам. Затем он тронулся с места и поехал на край мыса – навстречу своему последнему воспоминанию об Эртне.

13

Бывшая невеста Хьяльталинина до сих пор работала продавщицей в магазине одежды, – но сейчас она сама владела собственным магазином на пару с сестрой. Они довольно сносно пережили кризис, долгов у них было мало, и они арендовали в торговом центре

«Смауралинд» хорошее место, когда подвернулась выгодная возможность. Они купили комиссионный магазин у человека, который с треском обанкротился и пошел ко дну вместе со своим особняком на четыреста квадратных метров, тремя джипами и невыплаченными займами под акции, купленные в банках и на предприятиях олигархов.

Звали эту женщину Салоуме, ей было под пятьдесят, и возраст несильно сказался на ней. Конрауд давно не видел ее, но тотчас узнал. Она разговаривала с покупателем, на ней были черные брюки и белая кофта, на шее жемчужная нить, волосы темные, густые, до плеч. Когда-то она была в балетной труппе и сохранила очарование танцовщицы. В магазине еще двое покупателей ждали своей очереди.

Конрауд не спешил. Он рассматривал товары и наблюдал за Салоуме, обслуживающей клиента – женщину, которая искала качественную, но не слишком дорогую одежду. Они обе украдкой косились на него, очевидно, думая, что он ищет что-нибудь для своей жены, – а может, любовницы. Наконец все покупатели ушли, и Салоуме подошла к нему. Она его узнала: помнила его еще с тех времен, когда расследование было в самом разгаре.

– Вы со мной уже разговаривали, – сказала она. – Теперь что?

– Полиция? – уточнил он.

– Конечно, а кто же еще!

– Вы ведь меня помните, – сказал он.

– Конрауд. Да. Я все помню. Я-то думала, это все давно закончилось, – как вдруг они находят труп на леднике! От этого дела просто никак не отвязаться!

– Я больше в полиции не работаю, – сказал Конрауд.

– Да ну, – удивилась Салоуме, – тогда что же вы тут делаете?

– Да я так, по привычке, – он попытался свести все к шутке, но этот путь оказался тернистым.

– Пойдите-ка: если вы там больше не работаете, разве вас это еще касается?

– Как вы сами говорите, от этого дела просто так не отвязаться.

– Да знаю я, правда, это просто... мне надо будет с вами поговорить?

Она замолчала, бросая на него вопросительный взгляд. Ему показалось: она бы ничего не имела против, если б Сигюрвина так и не нашли, а дело не подняли вновь, и больше всего ей хотелось бы просто жить дальше, и чтоб ее не тревожили из-за событий, так долго сильнейшим образом влиявших на ее жизнь.

– Я даже не поняла, о чем они говорили, – продолжала Салоуме. – И вы снова про все то же самое будете спрашивать?

Конрауд помотал головой. С возрастом она стала более уверенной в себе и уже мало походила на молодую женину, тридцать лет назад сидевшую в его кабинете на Квервисгате, вертевшую в пальцах резинку и твердившую, что в тот вечер, когда свидетель увидел ссору Хьяльталина с Сигюрвином на стоянке. Хьяльталин на самом деле был с ней.

– Я знаю, что вы не больно-то цените меня как свидетеля, – сказала она.

– Вы говорили, что Хьяльталин пробыл с вами весь вечер.

– Да, знаете, мне неохота все это снова вспоминать. Я уже в полиции об этом наговорилась.

В магазин зашла покупательница, и Салоуме направилась к ней – женщине, которой нужно было пальто и, наверное, брюки. Салоуме ненавязчиво обслуживала ее, но покупательница не нашла ничего подходящего и ушла.

– А еще вы сказали, что ничего не знаете про ту женщину, к которой Хьяльталин, как он утверждает, тогда ходил. Он не предоставил о ней никаких сведений, и мы считаем, что он нам наврал.

– Ничего я про нее не знаю, – ответила Салоуме. – Я всегда сомневалась, что она вообще есть. Хьяльталин всегда врал. Это первое, чем сталкиваешься при общении с ним. По его мнению, правда – это просто ерунда какая-то, и он всегда придумывал то, что ему удобнее. Не по поводу Сигюрвина, а вообще всегда. Мне постоянно

врал. Это у него просто свойство такое. А потом и я начала за него врать.

– А потом вы расстались?

Салоуме посмотрела на него, словно прикидывая, стоит ли отвечать. Конрауд был не так противен ей, как многие полицейские, постоянно задававшие одни и те же вопросы.

– У нас это расставание как-то само собой вышло после того, как он начал говорить про ту женщину, у которой был, – ответила она. – Мне хотелось отделаться от него и от всей этой мутотени: и вранья, и расследования. Когда это произошло, мы не так долго пробыли вместе. Он был... он не был подонком, как раз напротив. Он мог быть очень чутким, любящим, добрым несмотря ни на что. Просто... это его стремление всегда быть «крутым» так надоедало. Но мне всегда казалось, что он вряд ли способен причинить кому-то вред.

– Когда-то вы сказали мне, что он был вспыльчив, не умел себя контролировать, однако ни разу не поднял на вас руку.

– Ни разу! Бывало, он жутко сердился – но, наверно, не больше других.

– С тех пор, как все закончилось, он с вами когда-нибудь связывался? Скажем, в последние годы?

– Нет, – ответила Салоуме. – Никогда. И я с ним не связывалась. Только иногда думала о нем, жалела – но мы не общались.

Из маленьких колонок под потолком доносилась тихая музыка по радио.

На этаже, где были расположены магазины, царил суевен: люди делали покупки или просто разглядывали витрины и мечтали.

– А какая у вас в те годы была машина?

Салоуме задумалась.

– Японская какая-то колымага. Вообще-то принадлежала она моей маме, но ездила на ней всегда я.

Конрауд заметил, что в магазин вошла новая покупательница – молодая женщина. Салоуме не стала уделять ей внимания.

– Когда Сигюрвина нашли на леднике, люди говорили полиции всякое-разное, и в частности, выяснилось, что для поездки на ледник Сигюрвин, вероятно, пересел в чужую машину. Во внедорожник.

Салоуме пристально посмотрела на Конрауда.

– И что?

Конрауд пожал плечами.

– А у его водителя были пышные длинные волосы и в ухе серьга.

– Хьяльталиин не носил серьги в ухе, – ответила Салоуме.

– А вы помните, среди его знакомых был кто-нибудь, у кого был свой джип или доступ к нему?

– Нет, – не задумываясь, ответила Салоуме.

– А кто-нибудь с серьгой в ухе?

– Нет.

– Никто?

– Нет. – Салоуме помотала головой.

– Вы сказали, что в тот вечер, когда Сигюрвин пропал, были у своей матери: пошли к ней прямо от Хьяльталиина и ночевали у нее дома.

– Я тогда пока еще жила с ней, – ответила Салоуме. – Вы же все это знаете.

– Если не ошибаюсь, ваша мать умерла?

– Да, три года назад.

Молодая покупательница подошла к Салоуме.

– Вы продавец? – требовательным тоном спросила она.

Салоуме повернулась к ней.

– Секундочку, – сказала она. – Значит, мы все? – коротко осведомилась она у Конрауда.

– Да, мы все, – ответил он, а Салоуме спросила молодую покупательницу: «Вам что-нибудь подсказать?»

14

Вечером Конрауд отправился на ужин к Хугоу. Тот жил в опрятном таунхаусе в Граварвоге^[18] с женой по имени Сирри и близнецами. Они очень обрадовались дедушке: ведь когда он сидел с ними, то всегда читал им сказки и стихи, а перед сном рассказывал в меру страшные истории о привидениях. Невестке это не нравилось, потому что Конрауд иногда забывался. Недавно у нее случилась истерика: когда супруги вернулись домой, Конрауд смотрел с внуками фильм по телевизору, и мальчики были вне себя от возбуждения и страха из-за всяких неистовств, которые там показывали. Фильм назывался «Экзорцист».

– Это вообще ни в какие ворота! – услышал он строгий голос Сирри, обращавшейся к Хугоу.

Его сын был отличным поваром и приготовил великолепное испанское блюдо из свинины, которое Конрауд тотчас проглотил, так как был ужасно голоден. Близнецы рассказывали о том о сем из своей жизни, а потом им надоело сидеть за столом, и они отправились играть. У жены Хугоу был свой косметический магазин, среди ее клиентов встречались знаменитости, и она часто это упоминала. Конрауд знал лишь немногих из этих людей. Насколько он мог понять, среди постоянных клиентов там был какой-то знаменитый «лайфстайл-активист». Но гораздо хуже было, что, залив за воротник, Сирри любила унижать мужа. Действовала она очень тонко, проблем из-за этого никогда не возникало, но Конрауд и Эртна ощущали, что атмосфера становилась неудобной. Хугоу не любил, когда она выпивала, сам он не пил вина, кроме как за едой – он во всем придерживался умеренности. Конрауд затруднялся ответить, удачный ли у них брак, но Хугоу никогда не жаловался.

Сирри рассказывала, как к ней в магазин зашел тот самый «лайфстайл-активист», как он веселился, восхищаясь новой линией французской косметики, – и тут у Конрауда зазвонил мобильник. Он увидел на экране, что звонит Марта, улыбнулся супругам, встал, сказал, что ему нужно ответить, он мигом.

– А я думала, ты этим больше не занимаешься, – без предисловий выложила ему Марта по телефону.

– Что не занимаюсь?

– Ну что ты, в самом деле, – сказала Марта. – Она сюда позвонила, бывшая невеста Хьяльталины, и пожаловалась, что угодила на какой-то допрос к человеку, который уволился из полиции, и спрашивала, не придут ли к ней еще такие вот люди с улицы.

– Успокойся. Ты сама виновата.

– Я?!

– Ты же меня в это втянула, – сказал Конрауд. – Не я же первым пожелал встретиться с Хьяльталином в тюрьме. Я тебе говорил, что больше не работаю.

– Ты еще с кем-нибудь говорил?

– Нет.

– Она сообщила что-нибудь новое?

– Нет, ничего.

– Ты не можешь просто взять и начать расследовать все снова самостоятельно, – сказала Марта. – Это исключено. Надеюсь, ты понимаешь. Ты должен предоставить это нам.

Последовала долгая пауза. Конрауд ломал голову, надо ли ему делать следующий шаг. Он ждал, что Марта рано или поздно заведет такой разговор, и много думал, что ему предпринять. А сейчас, когда ему подвернулась возможность сказать последнее слово, он решил ею не пользоваться.

– Что же мне передать Хердис? – спросил он.

– Какой еще Хердис? Ты вообще о чем?

– Сестре мальчика, который был на Эскьюхлид.

– А что с ней?

– Она попросила меня помочь ей – ради брата. А я согласился.

– Что это ты еще выдумал?

– Я не выдумал. Я собираюсь сделать это ради нее. Ты ведь не запретишь мне говорить с людьми.

– Как, ты собираешься... ты хочешь быть каким-то частным детективом? Да ты шутишь?

– Частным детективом? – засмеялся Конрауд. – Я хочу оказать ей такую услугу – и все. А ты с ней говорила?

– Да, и скажу я тебе, ее догадка туманна. Ужасно туманна.

– А мне показалось, что она говорит убедительно, и я хочу ей помочь.

– Ей? Ты же этим занимаешься ради самого себя, а не других!

– Думай, как хочешь.

– Ты не можешь скрывать от нас сведения, если что-то узнаешь. Ты не можешь просто взять и заняться расследованием. Ты же вышел на пенсию!

– Если узнаю что-нибудь стоящее, я тебе сообщу, – сказал Конрауд и завершил разговор.

– Все нормально? – спросил Хугоу, когда Конрауд вернулся за стол.

– Да все хорошо, это просто Марта.

– Но все-таки, – сказала Сирри, покуда прервавшая свой рассказ о «лайфстайл-активисте», который часто заходил к ней в магазин. В руке у нее появился бокал, и она пустилась в пространное рассуждение об этой личности и о своей дружбе с ним, и о тех и этих его мнениях,

которые у них *так* совпадали. Конрауд сидел в глубокой задумчивости после разговора с Мартой, часто терял нить рассказа, кивал и пытался улыбаться, не имея ни малейшего понятия, о чем речь.

После этого отец с сыном сидели одни в гостиной и беседовали о футболе – предмете, столь же никчемном с точки зрения невестки, как лайфстайл-активист – с их точки зрения. А Сирри отошла поговорить по телефону.

– Что хотела от тебя Марта? – спросил Хугоу, когда о футболе они наговорились. Его назвали в честь дедушки с материнской стороны. Он был высокий, худощавый, с красивым лицом. Что бы ни случилось, он всегда проявлял спокойствие и бесстрашие.

– Это насчет Сигюрвина.

– Ты снова погрузился в это расследование?

– Ну, не то чтобы погрузился. Я за ним просто наблюдаю.

– Наверно, тебе стало не по себе, когда его нашли.

– Не без этого. Я такого не ждал. Я вообще не надеялся, что Сигюрвин отыщется.

– Наверно, ты как раз надеялся: что он не найдется.

Конрауд посмотрел на сына.

– Я этим делом наелся по горло. А теперь меня в него снова втягивают. Не надо мне было встречаться с Хьяльталином в тюрьме.

– Ты ведь не мог иначе.

– Да, наверное, не мог.

– И тебе так и не удалось стряхнуть это с себя.

– Было бы неплохо раз и навсегда докопаться до сути этого дела, – сказал Конрауд. – И сейчас как раз была бы самая пора.

15

Осенние циклоны стали реже, погода улучшилась. Конрауд пытался сполна насладиться ласковыми солнечными осенними днями и отправлялся на долгие прогулки по заросшей лесом долине рек Этлидараур. Он был уже не так ловок, как раньше, тело стало менее гибким и проворным, суставы, ноги и спина побаливали. А в остальном здоровье у него было отменное, он редко недомогал, только принимал в день одну таблетку для снижения холестерина в крови – и больше ничего.

Во время одной из таких прогулок он позвонил Сванхильд.

– Тебе еще что-нибудь известно о том оружии, которым был убит Сигюрвин? – спросил он. – У тебя есть какие-нибудь соображения, что это могло быть?

– Наверное, труба или арматура, какой-нибудь тяжелый предмет, может, монтировка. Что-нибудь, склонное ржаветь. В ране мы нашли фрагменты ржавчины, а сейчас исследуем следы других веществ или оставшуюся грязь. Он получил два удара. И это не несчастный случай. Он ни на что не упал. Его кто-то ударил с целью нанесения увечий. Ты Марту не расспрашивал?

– Нет, – ответил Конрауд. – Значит, оба удара пришлось по затылку?

– Можно представить, что нападение застало его врасплох. К нему кто-то незаметно подкрался. Я не нашла никаких признаков того, чтоб он хоть как-то защищался. Других повреждений на теле нет. Судя по всему, он обладал отменным здоровьем, потому что был молод.

– А есть какие-нибудь объяснения тому, почему его затащили на ледник? Какая им от этого выгода?

– Если надо что-то спрятать – чем ледник хуже других мест?

– Но мы-то про него не подумали.

– Ты от меня все время будешь бегать? – спросила Сванхильд, когда Конрауд собрался закончить разговор.

– Не знаю, – ответил он. – Но мы же с тобой разговариваем?

– Не о том, что важно.

– По-моему, я от тебя вовсе не бегаю.

– Ты так поступал с тех самых пор, как она заболела, – сказала Сванхильд. – Может, тебе пора перестать?

– Мне надо было рассказать ей все о нас.

– А чем бы ей это помогло?

– Не знаю, но мне бы точно полегчало, – ответил Конрауд. – Я должен был бы рассказать ей все-все, да так и не стал, а потом уже было поздно.

На этом разговор завершился, и Конрауд продолжил свою прогулку вдоль Этлидараур. Раньше тем же днем у него были дела в центре города, он заходил в Центральную больницу и ненадолго встретился с больничным пастором – последним человеком, с которым Хьяльталиин разговаривал перед смертью. Этого пастора Конрауд знал и считал его приятным человеком. В свое время пастор даровал им утешение, когда

усилилась болезнь Эртны. Он все знал о Конрауде и Хьяльгалине и сказал, что почти ждал, что Конрауд к нему заглянет.

– А в целом у вас как дела? – спросил пастор, пока они сидели в больничном коридоре.

– Спасибо, хорошо, – ответил Конрауд. – Стараюсь не скучать.

– Это хорошо, – ответил пастор – человек лет пятидесяти, со спокойными манерами, тихим убаюкивающим голосом, который он никогда не считал нужным повышать. – Наверное, вы хотите что-то узнать про Хьяльгалина? Или я ошибаюсь? Вряд ли вы начали верить в Бога?

Конрауд улыбнулся. Однажды они дискутировали о божественном, но дискуссия получилась довольно односторонней. Конрауд – знакомый с Библией атеист – считал идею Бога абсолютно нелепой, заявлял, что не верит в идею творения, а догмат о трех лицах (Бог – Иисус – Святой Дух) считал в лучшем случае непонятным. Кто такой этот святой дух, спрашивал он. Разве его не изобрели на каком-то церковном соборе? На конференции!? Мол, кто за троичность, поднимите руки! Конрауд начал сердиться. Пастор – малорослый, плотный, по имени Пьетюр, – не стал с ним спорить.

– Он так и не признал свою вину, – немного помолчав, сказал Конрауд. – Я думал: а вдруг он под конец что-нибудь сказал? Я виделся с ним в тюрьме за несколько недель до его смерти.

– Он мне рассказывал.

– Выглядел он скверно.

– Да, его состояние резко ухудшилось. Но он не считал, что виной этому пребывание в тюрьме. Хьяльгалин был рад, что вы к нему заглянули. Он об этом говорил.

– Я спросил: раз уж он в таком положении, не желает ли он сказать правду, ведь ему все равно нечего терять. Но толку от этого не было.

– Разумеется, содержание нашего с Хьяльгалином разговора не подлежит разглашению, – ответил пастор, – но если вы ищете что-нибудь в таком роде, то я отвечу вам: он заявлял то же, что и раньше.

– Он вообще говорил об этом деле?

Пастор задумался.

– Если честно, его мысли были сосредоточены не на нем. Мы с ним беседовали о других вещах.

– А о леднике он что-нибудь говорил? О замужней женщине? Об Эскьюхлид?

Пастор помотал головой.

– Его навещало много людей? – спросил Конрауд.

– Нет. Его родителей нет в живых. Сестра живет за границей и не успела приехать вовремя. Она побывала на похоронах, а потом снова – к себе домой. Я не видел, чтоб к нему приходило много друзей. Он был один, всеми покинутый. Не знаю, может, другие от него отвернулись из-за всей этой истории с Сигюрвином.

– Может быть, – согласился Конрауд.

– Вечером или ночью перед его кончиной... совсем из головы вылетело...

– Что?

– ...я собирался провести его, и у него сидела женщина, которой я раньше не видел. Я не разглядел ее как следует. Она сидела ко мне спиной и как будто не стремилась привлечь к себе внимание. Не поздоровалась, – а Хьяльталин подал мне знак, что хочет остаться с нею наедине. Через некоторое время, когда я снова проходил мимо, она уже ушла. Я спросил: мол, это его сестра? – а он не стал отвечать.

– Как она выглядела?

– Я плохо разглядел. Я же сказал: она сидела ко мне спиной и старалась не привлечь к себе внимания. Это точно была не его сестра: та пришла через некоторое время после того, как он умер, и жалела, что не застала его в живых. Мне стало любопытно, что это была за женщина – нам, пасторам, ничто человеческое не чуждо, – и я стал расспрашивать о ней тех, кто заботился о Хьяльталине, но ее никто не видел. Это было очень поздно вечером, а в расспросы я пустился на следующий день, и мне так ответили. Ее никто не заметил! Она совсем ненадолго заходила.

– Она была ровесница Хьяльталина?

– Вот совсем ничего не могу сказать. Я же ее видел мельком.

– Одета богато? Бедно?

– Ни то, ни другое. Совершенно обыкновенная женщина, довольно низкого роста, по-моему, в темном пальто, и волосы темные, а на них такой платок, как женщины носил в старину. Я не стал ее долго рассматривать, да и Хьяльталин хотел побыть с ней наедине, так что я удалился.

– Вы последний, кто видел Хьяльтали́на живым?

– Да.

– И он не сознался?

– Нет, просто закрыл глаза и умер. Мне показалось, он довольно мужественно встретил смерть. Разумеется, новость о том, что у него рак, его подкосила, как это обычно и бывает, но мне кажется, в момент смерти он примирился со своей участью. Во всяком случае, я заметил по нему именно это. Но он не выражал ни раскаяния, ни сожаления о чем-либо, что он сделал в жизни – если для вас это считается доказательством.

– Он был верующий?

– По сравнению с вами – да.

Конрауд остановился и посмотрел вокруг. На город и горы на севере открывался красивый вид, и он неподвижно стоял на осеннем солнце и любовался им. На Брейдхольтском проспекте движение было оживленным. Конрауд был до мозга костей столичным жителем и считал, что лучше всего на свете – в Рейкьявике в солнечную погоду.

– Ваши сотрудники выяснили, почему его отвезли на ледник? – спросил пастор, когда Конрауд собирался уходить из больницы.

– Нет. Только я больше в полиции не работаю. Не знаю, что они там считают.

– Но ведь вы не бросили это дело? – заметил пастор.

– Отнюдь.

– Тогда почему вы меня об этом спрашиваете?

– Я... я просто последние дни все думал о Хьяльталине, – ответил Конрауд. – Хотел узнать, не сказал ли он чего-нибудь. Собственно, я просто поболтать хотел, не проводить допрос. Надеюсь, у меня не получился допрос.

– Хьяльтали́н вам отпущения грехов не давал, – ответил пастор. – Если вы именно это хотели услышать.

– Нет, – ответил Конрауд. – Я его и не ожидал.

16

Когда она позвонила в полицию из-за пропажи брата, она была молодая – вся жизнь впереди, улыбчивая, дружелюбная – хотя, разумеется, взволнованная тем, что он исчез. Тогда она не ведала, что в

последующие десятилетия ее жизнь будет проходить под тенью этого исчезновения. А сейчас, когда больше половины ее жизни уже минуло, Конрауд как будто разглядел, какой сильный отпечаток оставили на ней все эти события.

Ее звали Йоурунн. Конрауд долго с ней не встречался – и увидел, что на ее лице отпечатались следы давней усталости как напоминание о трудных временах. Улыбчивость исчезла. Дружелюбие было уже не таким искренним. Она сказала, что благодарна судьбе за то, что ледник вернул ей брата, – однако не смогла уберечься от шумихи в прессе, начавшейся после этого: ажиотаж в СМИ ужасно докучал ей. В газетах регулярно возникали какие-то теории заговора, появлялись новые сплетни, всплывали старые фотографии, припоминания, пересказы. Она вскоре прекратила отвечать журналистам, и каждый раз, когда речь заходила об этом деле, ей становилось больно, так что она вообще перестала следить за тем, что об этом говорили и писали. Ей пришлось сменить номер телефона на такой, который не был записан в телефонном справочнике: она была по горло сыта звонками от подвыпивших хамливых незнакомцев, считавших, будто лучше всех знают, что именно там произошло.

Сестра и брат были очень близки друг с другом, и ей было легко отвечать на вопросы о частных делах Сигюрвина и его личной жизни в давние годы. Общение с Конраудом у нее всегда проходило хорошо. Она доверяла ему и в глубине души знала, что он прилагает все старания, чтобы раскрыть дело, и когда сейчас, после обнаружения ее брата, Конрауд захотел с ней встретиться, она охотно согласилась. До того у нее дважды побывала Марта и тщательно расспрашивала о леднике, – но Йоурунн, как и всякий другой на ее месте, только удивлялась, что ее брат нашелся именно там, – и не могла предоставить никаких новых сведений.

– Я слышала, вы уже вышли на пенсию, – сказала Йоурунн, когда пригласила его к себе домой. Она была одиночкой: незамужняя, бездетная, – и Конрауд раздумывал, не из-за брата ли так вышло.

– Так и есть. Но здесь особый случай.

– Точно. И никто в нем не разберется лучше вас.

– Наверно, вам от такой новости стало не по себе.

– Да. Это... просто сюрреализм какой-то! Когда наконец это произошло... Я уже и не ждала, что он вообще найдется, уже давно

смирилась. И с тем, что он погиб, и с тем, что мне никогда не узнать, что с ним случилось. И вдруг – вот это!

– Что первым пришло вам в голову, когда вы услышали про ледник? Самым-самым первым?

– Не знаю. А вам?

– Что нам надо было лучше стараться, – ответил Конрауд. – Что мы упустили что-то важное. Что мы уже давным-давно должны были бы его найти.

– По-моему, вы всегда старались – лучше некуда.

– Значит, недостаточно. Мы... как-то все перепутали.

– Первым делом я, конечно, очень удивилась, – ответила Йоурунн. – Зачем Сигюрвину было туда лезть? А потом я услышала, что он не сам по себе поднялся на ледник, а его туда отвезли, и я подумала: наверное, это был кто-нибудь, кому на ледник подниматься не привыкать. Туда ведь никто не пойдет, если не знает, что там и как. Марта мне рассказывала, что полиция там все осмотрела очень тщательно, но пока не нашла никаких зацепок. Конечно, на ледники много кто поднимается. По крайней мере, сейчас. Экскурсионные группы. Альпинисты. Охотники. Лыжники. Походники. Туристическое общество Исландии. Любители природы. Они вот все.

– И служба спасения.

– Вот, точно. Они же всегда кого-нибудь спасают на ледниках?

– В связи с Сигюрвином ничего не пришло в голову сразу?

– Нет. И потом я об этом думала – и тоже ничего в голову не пришло.

– Он никогда ни о чем таком не говорил?

– Никогда. По крайней мере, я не запомнила.

– У него были какие-нибудь друзья или знакомые, которых мы не знаем и которые увлекались чем-нибудь подобным? Путешествовали по высокогорью? Лазали по горам?

– Вряд ли. Сигюрвин из Рейкьявика выезжать вообще не хотел, – ответила Йоурунн. – Поездки по стране были ему неинтересны – а вот за границу он ездил часто: ему нравилось. Росли мы не в недостатке, так что, когда у Сигюрвина появились средства, он решил тратить их на развлечения – в том числе и на путешествия.

Конрауд знал, что брата и сестру воспитывала мать-одиночка, которая умерла через несколько лет после исчезновения сына. В

детстве они жили в крайней бедности, даже на еду им едва хватало. Какую-никакую помощь им оказал дядя. Он держал небольшой магазинчик и обеспечил и брату, и сестре после школы возможность учиться дальше: она отправилась в колледж, а он – в Коммерческое училище. Оба были очень старательны, а Сигюрвин очень ловко добывал им небольшие доходы, зарабатывая стрижкой лужаек и тому подобным. Он раздобыл себе водительские права, как только достиг подходящего возраста, и начал работать на этого своего дядю. Он немедленно хватался за любую возможность заработать хоть немного лишних крон. Возмужав, он, судя по всему, всегда жил в достатке. С его дядей Конрауд в свое время встречался в связи с расследованием. Тот хорошо отзывался о Сигюрвине и горевал об его исчезновении, однако описывал его как человека, у которого на уме одни лишь деньги. Эти слова Конрауд запомнил надолго, потому что они совпадали с тем, как Сигюрвина описывали другие, – правда, они были не так красноречивы, как добросердечный торговец. Сигюрвину нравилось зарабатывать деньги. Нравилось наживаться.

Йоурунн как-то сказала, что Сигюрвин хорошо заботился об их матери, да и к ней проявлял щедрость. При этом он был экономен и считал, что договоренности всегда надо соблюдать. Он не на шутку расстроился, когда Хьяльталиин стал упрекать его в нечестности, обмане и мухлеже, и чем больше кипятился Хьяльталиин, тем суровее к нему становился Сигюрвин. Йоурунн сказала, что не знает, отчего отношения между ними стали такими сложными. Сигюрвин мог быть абсолютно бескомпромиссным. Она рассказала, что как-то спросила его, почему бы им с Хьяльталином не устроить все так, чтоб в итоге оба остались довольны, но он ответил, что они договаривались о зарплате по-честному, без всякого обмана и мухлежа, а если Хьяльталину кажется, будто он забыл про договор, то это его проблемы.

– А скажите мне вот что, – спросил Конрауд, когда они уже довольно долго проговорили. – Незадолго до смерти к Хьяльталину в больницу кто-то приходил. Там видели, что у него сидела женщина. Вы об этом что-нибудь знаете?

– Нет.

– Это были не вы?

– Я?

– Вы к нему не ходили?

– Нет. А зачем? Между нами ничего недосказанного не было.

– Конечно, не было, – согласился Конрауд и замял этот вопрос. Значит, это была какая-то другая женщина.

– Сигюрвин был хороший парень, – произнесла Йоурунн после долгого молчания. – Он не заслужил такой участи. Никто такого не заслужил.

– Это уж точно, – согласился Конрауд.

– Мне он всегда казался эдаким скаутом, каким он когда-то хотел стать, – сказала Йоурунн. – Всегда готов прийти на помощь. Да и просто милый. Милейший человек, брат и сын.

– Сигюрвин был в скаутской организации? – спросил Конрауд. Он не мог припомнить, чтоб раньше это слышал.

– Наверно, нельзя так сказать. Он с большим энтузиазмом записался в скауты, но продержался там, по-моему, от силы года два.

– И все?

– Да. Ему стало скучно, и он быстро бросил.

– А сколько ему было лет?

– Где-то десять-двенадцать. Но не больше.

Йоурунн посмотрела себе в ладони.

– Хорошо, что его нашли. Эта неизвестность насчет того, где он и как он... она меня постоянно грызла. С тех самых пор, как он пропал, я каждый день думала о нем и... Вы и представить себе не можете, как... какое это облегчение, что он наконец нашелся.

17

Старик, опирающийся на ходунки, медленно ковылял к своей комнате в доме престарелых в сопровождении Конрауда. Когда Конрауд потревожил его, он сидел в столовой над вареной пикшей с картошкой. Они раньше не особенно общались. В былые времена Конрауду порой давали разбирать его дела: кражи, подделка документов, контрабанда алкоголя. Одно время он запил и пополнил собой число городских бездомных – но ему удалось это преодолеть: он вступил в христианскую организацию, ходил на их собрания, обещал самому себе исправиться. Тогда-то он и поступил на работу в фирму Сигюрвина. Он водил фургон, выполнял разные поручения и, как потом выяснил Конрауд, был на хорошем счету. После исчезновения

Сигюрвина в фирме были сделаны преобразования, а чуть позже он уволился оттуда и стал работать на муниципалитет. Его «минута славы» настала, когда он выступал в качестве главного свидетеля по делу Сигюрвина, но ему самому она не понравилась, и он потом часто говорил, что лучше бы в тот самый вечер не слышал ни звука.

Звали его Стейнар. Старость не пощадила его, здоровьем он был слаб, но он был общителен и сохранил прежнюю ясность ума. Он тотчас узнал Конрауда и понял, что тот в очередной раз пришел расспрашивать его о последней ссоре Хьяльталина с Сигюрвином на автостоянке.

– Я вас почти ждал, – сказал старик, когда они наконец добрались до его комнаты. – Раз уж его все равно пришлось доставать из этого ледника...

Он отставил ходунки и плюхнулся на кровать. Его одежда: рубашка с нечетким узором и потертые синтетические штаны, – казалась на его иссохшем теле на несколько размеров больше. Он давно не брился, и волосы, когда-то густые и пышные, теперь были тускло-серые, жидкие и с перхотью.

– А нельзя было оставить его в покое: пусть лежит, где лежал? – спросил Стейнар и провел рукой по голове, словно по старой привычке приглаживая волосы.

– Разумеется, кое-кому именно этого и хотелось бы. Я подумал: когда Сигюрвина обнаружили на леднике, не пробудило ли это у вас каких-нибудь новых воспоминаний?

– Я об этом деле уже и думать перестал, – ответил Стейнар, – так что, когда я услышал новость, что Сигюрвина нашли, мне аж не по себе стало.

– По-моему, на леднике его никто не ожидал, – сказал Конрауд.

– Нет, вы там у себя в полиции не сообразили, что так может быть, – заметил Стейнар не без радости. – Вы снова начали расследовать это дело?

– Я в полиции больше не работаю, – сказал Конрауд. – Мне просто самому любопытно стало. Если не хотите, можете не отвечать.

– Больше не работаете? Из-за возраста?

Конрауд кивнул.

– Значит, вы скоро и сюда попадете?

Конрауд порой задумывался о том, что ему предстоит закончить свои дни в доме престарелых – и такая мысль его не вдохновляла. Он заметил, что Стейнар жил в комнате для двоих. Конрауд не представлял себе, каково это – провести последние дни жизни в одном помещении с кем-то другим. Даже у арестантов на Литла-Хрёйн камеры и то были одиночные.

– Как знать, – улыбнулся Конрауд. – Я знаю, что в течение многих лет вас постоянно спрашивали об одном и том же, но сейчас поступили новые сведения, так что я решил поговорить с вами.

– А вам-то что до них, раз вы ушли на пенсию?

– Я долго работал над этим делом, – ответил Конрауд. – Наверное, это у меня хобби такое. Не знаю. Когда вы услышали об этом леднике, о чем прежде всего подумали?

– Что Хьяльталин его чертовски хорошо спрятал. Хотя ему и пришлось для этого изрядно попотеть.

– А вы не помните, на фирме у Сигюрвина говорили о ледниках? Может, там кто-нибудь увлекался поездками по ледникам, по высокогорью? У кого-нибудь был джип для таких поездок? Может, на таком джипе какой-нибудь клиент приезжал?

Стейнар задумался, почесывая в затылке.

– Нет, не могу сказать. Да и спрашивать человека через столько времени – это как-то не совсем по-честному. Я так отвечаю: никого с таким джипом в окружении Сигюрвина я не помню, да я с ним, конечно, и знаком не был, я на эту работу устроился через одного своего родственника, который знал там одного мастера. Когда это все произошло, я там был еще новичком.

– Сперва вы не хотели рассказывать о том, что знали. Об их ссоре.

– Так я же не трепло. И вообще, это было не мое дело. Вот совсем не мое.

Конрауд вспомнил, как Стейнара допрашивали в первый раз как свидетеля по этому делу. Тогда в полицию поступил анонимный звонок, где сообщалось, что в тот вечер, когда в последний раз видели Сигюрвина, слышали, как Хьяльталин и Сигюрвин ссорятся, и звучали угрозы. Выяснилось, что позвонившая в то время жила со Стейнаром, а он рассказал ей о том, чему стал очевидцем, прибавив, что не собирается сам лезть в это дело. Его сожительница пропустила его последние слова мимо ушей, однако по телефону не стала называть его

имя – впрочем, отметила, что он работает на фирме у Сигюрвина. Дальнейшие события были предсказуемы. Конрауду было знакомо темное прошлое Стейнара, и он заметил, что во время разговора тот ведет себя беспокойно, словно хочет побыстрее закончить беседу. Тогда Конрауд сказал, что полиция располагает сведениями о том, что Хьяльталин угрожал Сигюрвину, – и спросил, известно ли об этом Стейнару. Полиция получила эти сведения от лица, пожелавшего остаться неизвестным. Стейнар притворился, что ничего не знает об этом, но потом подтвердил это другому полицейскому, Лео, и рассказал все, что видел и слышал на стоянке.

Стейнар считался не очень надежным свидетелем, и даже рассматривалась версия, что он хотел сам выпутаться из переплета, свалив вину на Хьяльталина. Какое-то время он даже был в числе подозреваемых, но его сожительница сказала, что вечер и ночь исчезновения Сигюрвина он провел с ней, и вдобавок, у него не было явной причины убивать своего начальника или вообще желать ему зла. Как бы то ни было, он был последним, за исключением Хьяльталина, кто видел Сигюрвина живым, но скрыл сведения, которыми располагал – и это лишь породило подозрения.

Стейнара замучили вопросами о том, почему он не обратился в полицию тотчас, как Сигюрвин был объявлен в розыск, – а он все время отвечал, что не хотел попасть на допрос вроде того, на котором он сидит сейчас, да и к тому же из-за его прошлого его наверняка станут подозревать во всех смертных грехах. Мол, полиция все равно ему не поверит или даже решит, что он и сам поднял руку на Сигюрвина.

Его пригласили на очную ставку, и он быстро указал на Хьяльталина как на человека, ругавшегося с Сигюрвином на стоянке перед зданием. Он не колебался и ни при каких обстоятельствах не менял своей точки зрения. Стейнар утверждал, что видел Хьяльталина только один раз, в тот самый вечер, ведь он тогда устроился на эту работу совсем недавно.

– Тогда мы часто говорили о холме Эскьюхлид, – сказал Конрауд и бросил взгляд на ходунки у кровати Стейнара. Может, заставлять вспоминать через столько лет – это не совсем честно. – А вы помните, какие у тех парней были джипы?

Стейнар задумался.

– Нет, не скажу.

Конрауд покашлял.

– А у вас в те времена какая была машина?

– У меня? – переспросил Стейнар. – Вы все еще считаете, что его уколошил я? У меня машины не было. Иногда я приезжал домой на фургончике. Но кроме него я вообще никаких машин не водил.

– Я ничего не считаю, я просто спрашиваю.

– Мне не понравилось, что вы использовали мое показание, чтоб приставать к человеку, – усталым голосом произнес Стейнар. – Я так и знал: не надо было с вами вообще разговаривать. Никогда. А эта баба проклятая взяла и позвонила! Ну и сволочь она после этого.

– Не надо ее так обзывать, мы бы и сами вас нашли, – сказал Конрауд.

– Сомневаюсь, – фыркнул Стейнар. – Сильно сомневаюсь.

Они замолчали. Конрауд чувствовал, что у Стейнара осталось что-то невысказанное. Сотрудник дома престарелых в коридоре говорил, что Стейнара никто не навещает, что он все время сидит у себя и не общается с другими жильцами. А в последние недели и дни его здоровье сильно ослабло, и неясно, сколько он еще протянет.

– А этот Ле... Лео все еще работает в полиции? – спросил Стейнар после долгой паузы.

– Да, работает. А почему вы спрашиваете?

Стейнар почесал белую щетину на подбородке. Щеки у него были впалыми, сам он дряблым.

– А не знаю. Насчет этой бабы... не знаю, зачем я вообще про нее так сказал. Наверно, хватит уже врать.

– О чем вы?

– Лео вам не рассказывал?

– О чем?

– О том, как он со мной поступил.

– Что вы имеете в виду? Как он с вами поступил?

– Да ничего там не было. Ничего. Проехали.

– Так что там было?

– Да ничего, – повторил Стейнар, положив руку себе на грудь. – Ровным счетом ничего. Я устал. Мне прилечь надо.

– Стейнар...?

– Я попрошу вас уйти, – сказал Стейнар. – Я так не могу. Я больше не вынесу. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Конрауд помог ему улечься в кровать и затем распрощался с ним. Уходя из дома престарелых, он сообщил, что старик жалуется на усталость, и ему пообещали хорошенько присмотреть за ним.

18

На следующий день Конрауду позвонила Хердис. Она хотела встретиться с ним и спросить, придет ли он к ней на работу, а работала она продавщицей в одном из филиалов сетевого супермаркета «Крона». Конрауд решил, раз уж он все равно едет в магазин, заодно купить там молока, хлеба, кофе и других необходимых продуктов. Хердис, стоявшая на кассе, заметила его издали, отпросилась с места и подошла к нему. Это было в середине дня, и покупателей в огромном магазине было мало.

– А эта Марта, из полиции, очень даже ничего, – сказала она, здороваясь с ним за руку.

– Да, она хорошая, – ответил Конрауд. – Вы с ней уже поговорили? Где у вас в этом ангаре стоят оливки?

– Пойдемте, покажу, – предложила Хердис, и он пошел за нею следом. – По-моему, она не была от этого в восторге.

– Нет, для того, чтоб переварить такие вещи, Марте нужно время.

Они вошли в длинный проход с итальянскими продуктами: макаронами, консервированными помидорами и соусами, – и Хердис показала ему оливки. Он выбрал себе банку больших зеленых и положил в корзину, которую прихватил по дороге.

– А еще мне нужна овсяная крупа, – сказал он. – Я не знаю, где у вас что стоит, я здесь в первый раз.

– Я хотела вам рассказать, – начала Хердис, снова трогаясь с места, – я здесь в магазине встретила одного приятеля Вилли, мы разговорились. Оказывается, Вилли ему рассказал про этот эпизод, у цистерн, и он вспомнил, что сам как-то раз был там примерно в то же время и видел возле этих цистерн большой джип-внедорожник.

– Внедорожник?

– Да. Он это особенно подчеркнул. Не простой джип, а с более мощными колесами, и сам крупнее обычных джипов. Вилли ему сказал, что это, наверно, тот же джип, который видел он.

– И это было примерно в те же дни?

– Этот друг Вилли видел тот джип немного раньше. Он точно знает, потому что он участвовал в матче юниоров на футбольном поле «Валюра», а потом они с друзьями пошли к цистернам. Он помнил, что это был за матч, и где-то посмотрел, когда именно его играли. Это было в начале февраля.

– Этот джип был таким запоминающимся?

– Да. Тот приятель снова начал об этом думать, когда Сигюрвина нашли на леднике. На внедорожнике заехать на Лаунгйёкютль легко.

Конрауд положил овсяную крупу в корзину.

– Хорошо, наверно, я с этим человеком поговорю, – ответил он. – Я просто интересуюсь этим делом. Оно меня так и не отпускает, и я встречаюсь с людьми, собираю информацию, и говорю, что меня послали вы. Я хотел бы поставить вас в известность об этом. Не возражаете?

Хердис взглянула на него.

– Что я послала?

– Я говорю, что ищу для вас ответ на вопрос, что же такое увидел Вилли. Такой вот предлог я использую.

– А я вас просила найти того, кто сбил Вилли. Разве это не более удачный предлог?

Конрауд сидел у себя на кухне поздним вечером, когда район окутала тишина, и жильцы отправились спать. Несмотря на поздний час, он открыл бутылку, которую подарил ему Хугоу, и понадеялся, что после бокала-другого ему удастся заснуть. А впрочем, какая разница! Все равно режим дня у него сбился.

Над кухонным столом горела лампочка, а в остальном в доме царил темнота, а Конрауд курил сигариллу и снова и снова возвращался мыслями к разговору с Хьяльталином в тюрьме.

– Это из-за него? – спросил тогда Хьяльталин и захотел дальше говорить об отце Конрауда.

– Что? – переспросил Конрауд. – Что – из-за него?

– Это из-за него ты пошел в полицию?

– Ума не приложу, к чему ты клонишь – как, впрочем, и всегда.

– Точно?

– Да, точно, – ответил Конрауд. – Я сюда не для того пришел, чтоб разговаривать с тобой о моем отце. Тебя он не касается. Вот ничуть. И никогда не касался.

– Значит, ты не пытаешься как-то улучшить впечатление от его поведения?

Конрауд не стал отвечать ему.

– Разве дело не в этом, Конрауд? Ты пытаешься быть лучше, чем он? Разве ты не из-за этого пошел в полицию? Разве не из-за этого ты сейчас – просто лёгга-неудачник?!

– Да иди ты...!

– Наверно, ты на него чем-то похож, ведь он – часть тебя. А в чем именно? Чем вы похожи? Ты унаследовал что-то от той мерзостности? Которая была у твоего папаша?

Конрауд прихлебывал вино – и тут зазвонил телефон. Звонили из дома престарелых, в котором жил старик Стейнар. Его увезли в больницу с сердечным приступом, и он требовал, чтоб ему дали поговорить с Конраудом.

19

Стейнара нашли лежащим в коридоре дома престарелых и срочно доставили в Центральную больницу. Он почувствовал сильную боль в груди, собрался позвать на помощь, но упал. Его обнаружил сотрудник, сообщил о случившемся, и сейчас Стейнар был в реанимации. Он просил лишь об одном: о встрече с Конраудом, – но самому Конрауду сказали, что ему будет разрешено находиться у пациента лишь недолго. Было неясно, переживет ли старик эту ночь.

Когда Стейнар открыл глаза, Конрауд уже некоторое время стоял над ним. Старик узнал его не сразу. Его лицо озарилось слабой полуулыбкой, а потом глаза снова закрылись.

– Не хочу уносить это с собой в могилу, – еле слышно проговорил Стейнар.

– Что?

– Этого Хьяльталина, к счастью, так и не осудили, а сейчас он, болезный, и вовсе помер, так что... А тут еще этот труп на леднике нашли... Я об этом думал с тех самых пор, как увидел репортаж по телевизору.

– О чем думал? О чем вы говорите?

Стейнар открыл глаза и посмотрел на Конрауда.

– С этим Лео раньше были шутки плохи. Когда ему в былые времена надо было кого-то за решетку законопатить... садист проклятый! Ему руки распустить было раз плюнуть. Однажды он меня так пнул – я потом несколько дней ходить почти не мог. В унитаз меня головой окунал. Хотя, наверно, вы про все это и так знаете. Наверное, вы и сами были не лучше.

– Я не как Лео.

– Мне наср... наплевать, – прошептал Стейнар. – Он мне больше ничего не сделает. Это он все там придумал.

– Что?

– Он угрожал мне упечь меня за это убийство. Говорил, что у меня, мол, алиби нет. А я так разнервничался, так испугался, потому что у меня было такое...

Стейнар снова прикрыл глаза. Он обессилел, и Конрауд понял, что больше не сможет находиться с ним.

– ...прошлое, и он знал, что может устроить мне кучу проблем. Он был уверен, что этот Хьяльталин виновен, надо это только довести до ума. Он так прямо и сказал: «Довести до ума».

– И что?

– Я видел, как они скандалили. Хьяльталин и Сигюрвин. Это не вранье, Хьяльталин тогда, на стоянке, вел себя весьма резко, как будто хотел ему навалить.

– И?..

– Но я толком не расслышал, что они говорили.

Конрауд во все глаза уставился на старика.

– Что вы хотите сказать?

– Я не слышал, чтобы Хьяльталин крикнул, будто собирается убить Сигюрвина.

– Что вы говорите!

– Я не слышал, чтоб он крикнул: «Убью тебя, гад!» Не слышал, и все. Я вообще там толком не расслышал. Это Лео мне навязал. Будто Хьяльталин так сказал. То есть, может, он это и говорил, но, может быть, и что-нибудь другое.

– Вы всерьез так считаете? – спросил Конрауд. – Сейчас?!

– Я не хотел уносить это с собой в могилу.

– Стейнар?..

– Это правда, – заверил Стейнар. – Истинная правда.

– Думаете, этому поверят? Может, вы просто наговариваете? Мстите ему?

Стейнар что-то ответил, но Конрауд не расслышал. Он склонился над стариком.

– Сами решайте, чему верить, – прошептал Стейнар. – Я-то сам толком слов не разобрал. Это Лео на меня надавил. Он мне так угрожал! Хотел на меня это убийство повесить. И я не посмел иначе... Ведь Хьяльталин и это мог сказать. Я про это ничего не знаю. Он был очень грозный. И Сигюрвин тоже. Я не слышал, из-за чего они там поссорились. Но... это Лео. Это он все выдумал. Он внушил мне, что я могу загреметь за решетку и что такие слова запросто могли прозвучать. Что это было вероятно.

– Да, Стейнар, я не могу...

– Вот какая правда в этом деле!

– А из-за чего же они поссорились?

– Вот уж не знаю. Я только знаю, что Лео, сволочь эдакая, силком заставил меня считать вот так.

– Это же... Стейнар?

Стейнар закрыл глаза, а у его кровати вырос медработник и велел Конрауду уходить. Он в нерешительности стоял над стариком, который не шевелился. Потом он отчаялся ждать, поблагодарил медработника, достал телефон и стал звонить Марте.

20

На следующий день Конрауд сидел в Мартином кабинете – и тут она ворвалась в него как буря, волоча за собой Лео, и тщательно закрыла за ними дверь. Лео не удостоил Конрауда взглядом, а встал у входа, скрестив руки – словно завязав на груди тугой узел. Они с Мартой поссорились и оба еще кипели, когда она уселась за письменный стол и указала на Конрауда пальцем.

– Ничто из того, что здесь будет сказано, не выйдет за пределы этого кабинета, понятно?

– Он сознался в том, что врал? – полюбопытствовал Конрауд.

Был полдень, на улице шел град и стремительно темнело. Последние дни осени были мягкими и светлыми, а сейчас стало холодать, случались морозы, дни становились короче. По утрам

Конрауду приходилось соскребать изморозь со стекол машины. Это время ему не нравилось. Ему хотелось, чтоб вокруг него все дни было тепло и светло.

Лео был плотного телосложения, ему было за шестьдесят, борода вокруг рта и на подбородке коротко острижена, лицо смазливое, глазки маленькие, каменно-серого цвета, стремящиеся ничего не пропустить. В полицейских кругах его привечали, ведь он славился тем, что принимал проблемы сотрудников близко к сердцу и занимался их общими делами. Они с Конраудом одно время много работали вместе – но это было так давно, что их дружба уже успела остыть.

– Я этот бред слушать не желаю! – сказал Лео, собираясь открыть дверь и тотчас выбежать вон с этого собрания. У него были проблемы с алкоголем, и он уходил на некоторое время в неоплачиваемый отпуск.

– Стоять, черт тебя дери! – прошипела Марта. – Конрауд, сдерживайся!

– Старый Стейнар – придурочный маразматик, – сказал Лео. – Не понимаю, как ты вообще можешь ему хоть в чем-то верить. Просто не понимаю.

Он обращался к Марте, словно Конрауда с ними не было.

– Ты понимаешь, Марта, что это значит, – сказал Конрауд. – Если хоть в чем-то поверить Стейнару, то невозможно хоть сколь-нибудь серьезно относиться к расследованиям, которые проводил этот вот человек. Ни к единому из них. В чем он еще солгал? Что внушил? Что выбил угрозами и унижениями?

– Заткнись, – сказал Лео.

– Сам заткнись, – ответил Конрауд.

– Стейнар... он на меня клеветает, – произнес Лео. – Это же очевидно. Такое уже бывало. Он меня терпеть не может, вот и говорит такое. Не понимаю, зачем нам вообще это обсуждать.

– Но почему? – спросил Конрауд. – Почему ему потребовалось говорить это на смертном одре? Если он и впрямь хотел тебе насолить – почему же ждал все это время?

– Хьяльгалин всегда отрицал, что угрожал Сигюрвину тогда, на стоянке, – сказала Марта и посмотрела на Лео.

– А чего вы от него ждали? – ответил Лео. – Конечно, он именно так и сделал. Что вообще за бред? Не стал бы он, в самом деле,

признавать, что угрожал убить человека, который потом сразу пропал?

– Лео продумал все до мелочей, – сказал Конрауд. – Он нас использовал. Меня использовал. И я сомневаюсь, что так он поступил только один раз. А ведь мы могли бы повести расследование по другому пути.

– Да брехня это все, – сказал Лео. – Бред собачий. Если мы будем выслушивать всех этих мелких воришек, которые только и думают, как нас потопить, то нам остается просто прикрыть лавочку.

– Тебе надо было снять со Стейнара показания по форме, пока не поздно, – сказал Конрауд. – Все запротоколировать, подписать...

– Да, точно. Вот именно, – сказала Марта. – Это невозможно, увы. Ночью он скончался. Через некоторое время после твоего визита.

Услышав это, Лео рассмеялся.

– Ну конечно, он этого твоего визита не выдержал! – сказал он Конрауду. – Ты его убил: он помер от скуки!

– А Хьяльталин из-за тебя несколько месяцев проторчал в камере предварительного заключения, – ответил Конрауд, поднялся и приблизился к Лео настолько, что они почти соприкоснулись. – Из-за тебя он перенес невыносимые страдания. Ты просто позор для полиции. И всегда был им.

– Говнюк, – выругался Лео, отталкивая его. – Вы уже все? – обратился он к Марте. – Я сомневаюсь, что старик мог обо мне такое сказать. Это все Конни^[19] про него насочинял, и пусть ему будет стыдно. А с меня хватит этого бреда.

Лео вылетел в коридор, сердито захлопнув за собой дверь.

– А ведь он прав, – заметила Марта. – Может, Стейнар про него все наврал, а может, это ты наврал, чтоб потопить Лео.

– Марта...

– Я не говорю, что прямо так оно и есть, но доказать другое будет трудно, так как старикашке приспичило вдруг помереть.

– Лео подзуживал свидетеля, угрожал ему, заставил его думать, будто он что-то такое услышал, хотя на самом деле это бред, – ответил Конрауд. – Мне не мешало бы расследовать его старые дела. Проверить, творил ли он раньше что-нибудь подобное.

– Да, но ничего не будет, – сказала Марта, – и ты сам это знаешь. Ничего, что бы основывалось на словах этого старика: их просто недостаточно. Отнюдь не достаточно.

Конрауд помотал головой.

– Я взяла эти твои записи, – вспомнила Марта.

– Записи?

– Из больницы.

21

Марта достала записи с камеры наблюдения в Центральной больнице. Она раздобыла их на случай, если на них покажется женщина, приходившая к Хьяльталину. Разумеется, описание больничного пастора было неточным, и Конрауд понял лишь, что искать надо женщину, которая ходит одна возле онкологического отделения. Камер наблюдения было много, и внутри, и снаружи, а у посещений в больнице было более-менее точное время. Та женщина сидела у Хьяльталина поздно вечером, когда движение людей в больнице было сведено к минимуму. Как подчеркнул пастор, другие сотрудники не знали об этом визите. Женщина ни с кем не говорила, а незаметно юркнула прямо в палату к Хьяльталину, немного посидела там и так же неслышно вышла. Когда пастор заглянул в дверной проем, Хьяльталин жестом велел ему не мешать.

– Он не хотел, чтоб пастор видел, кто к нему пришел, – заметил Конрауд и быстро промотал запись с камеры при входе в больницу с задней стороны здания, где раньше было отделение «Скорой помощи» и ездили машины.

– Почему ты думаешь, что эта женщина имеет какое-то значение? – во второй раз спросила Марта. Эти записи она раздобыла по просьбе Конрауда, но с неохотой. Она была не в восторге от того, что Конрауд собирается вести собственное расследование и этим мешать работе полиции. Однако они с ним годами работали вместе, и Марта понимала, что от помощи Конрауда в любой форме будет польза.

– Я же тебе говорил. Хьяльталин рассказал, что во время пропажи Сигюрвина был у замужней женщины. А вдруг это она?

– Но ведь это была его самая большая ложь?

– Не один он лгал нам, – ответил Конрауд, думая про Лео.

– Ты считаешь, они с тех пор так и поддерживали отношения?

– А почему бы нет? – сказал Конрауд. – А может, они много лет назад расстались, и ей захотелось в последний раз проститься с ним.

– И поблагодарить его? Он через слишком многое прошел, чтоб вовсе про нее не упоминать.

– Вот именно. Поблагодарить его за все. Он этого заслуживал. Ты когда-нибудь разговаривала с Хьяльталином обо мне, когда он в тот раз сидел в КПЗ?

– Конечно, – ответила Марта.

– Я имел в виду, о личном, – уточнил Конрауд. – Ты ему что-то подобное рассказывала?

– Нет. Совсем нет.

Конрауд поглядел на Марту: она сонно сидела у экрана. Она принадлежала к следующему после Конрауда поколению в отделе расследований, делала свои первые шаги под его руководством. Тогда она еще не встретила с той женщиной с Вестманнаэйр и утверждала, что жить одной хорошо. А Конрауд считал, что лучше знает, – что и подтвердилось в тот день, когда эта уроженка Вестманнаэйр переехала к ней. Марта ходила радостная и говорила, что обрела счастье. Много лет спустя Конрауд горевал над тем, какая участь постигла ее любовь. Марта не любила жаловаться, но часто звонила Конрауду поздно вечером, особенно зимой, и подолгу болтала о том о сем, что было у нее на сердце, – и тогда он чувствовал, как же она одинока. Коллеги обычно хорошо отзывались о Марте, хотя она порой бывала жесткой и нетактичной с людьми. Конрауд не соглашался с саркастическим замечанием, которое кто-то высказал когда-то: «Под грубой оболочкой бьется каменное сердце».

Конрауд поставил на просмотр новую запись и спросил Марту, как дела. Она ответила, что хорошо, и поинтересовалась, почему он спрашивает. Конрауд сказал, что ему показалось, что она как-то устало сидит на стуле, и он захотел узнать, все ли в порядке.

– Да просто отлично, – ответила Марта. – Ты, наверное, и сам устал.

– По-моему, тебе острая пицца вредна.

– Ничего подобного. Она ужасно полезная.

– Из этого вашего нового расследования что-нибудь вышло?

– Оно совсем пустяковое, даже не знаю, стоит ли про него рассказывать тебе – который взялся сам расследовать это дело по каким-то непонятным личным причинам. Вредно к такому слишком

лично относиться. Принимать близко к сердцу. Ты ведь и сам меня этому учил, насколько я помню.

– А ты это соблюдала? – поинтересовался Конрауд.

Когда-то он говорил Марте: «Нельзя брать работу с собой домой». Они оба знали, что соблюсти одиннадцатую заповедь полицейского тяжело.

– У меня такое ощущение, что мне это было легче, чем тебе, – заметила Марта.

– Тебе так кажется?

– Да, кажется.

На экране то входили, то выходили врачи, нянечки, медсестры, санитары и толпа народу – по-видимому, посетители.

– Что она прячет? – спросила Марта.

– Кто?

– Вот эта, – Марта указала на женщину, стоявшую у лифта. – Отмотай-ка чуть-чуть назад.

Конрауд отмотал, и они увидели женщину в длинном пальто, с платком на голове. Она юркнула в двери и подошла к лифтам, стоя спиной к камере. Миг – и она скрылась в лифте.

– Это... что это? – спросила Марта.

Конрауд пересмотрел этот эпизод снова, потом в третий раз. Было очевидно, что женщина не хочет привлечь к себе внимание. У него возникло ощущение, будто она знает, что в больнице ведется видеонаблюдение, и пыталась не попадаться в объективы камер.

– А мы увидим, как она входит? – спросила Марта.

Конрауд включил другую запись. Они записали время, в которое эта женщина вошла, и для них не составило труда найти нужное место с записи камеры над входом. Они увидели, как она приближается, но держалась она на самом краю поля зрения камеры, – пока не проскользнула во входную дверь, прикрывая лицо рукой. Им показалось, что своим платком она закрывает его нижнюю часть.

– Кто это? – просил Конрауд.

Он отыскал запись с камеры на третьем этаже, где помещалось онкологическое отделение. Они стали смотреть, как открываются двери лифта. Оттуда вышли двое санитаров, а следом за ними – та женщина в платке. Она поспешила в онкологическое отделение. Тогда

было одиннадцать часов вечера. Именно в том часу больничный пастор застал у Хьяльталины незнакомую женщину.

– Это и есть та женщина, которую мы ищем? – спросила Марта.

Конрауд стал быстро мотать вперед. Возле онкологического отделения никого не было, только один раз туда вошел пастор.

– Это твой приятель? – поинтересовалась Марта.

– Да. Пьетюр. Хороший человек.

Конрауд стал мотать дальше – пока не открылись двери и женщина в платке не вышла в коридор. Конрауд замедлил воспроизведение. Женщина подошла к лифтам, нажала на кнопку вызова, однако решила не ждать на площадке, а пошла напрямиком вниз по лестнице. Все время она втягивала голову в плечи и прикладывала одну руку ко лбу наподобие козырька, так что ее лицо толком невозможно было разглядеть.

Конрауд снова включил запись с камеры у задней двери и выставил нужное время. Они увидели, как та женщина идет по коридору к дверям. Она нагнула голову к груди и по-прежнему прикрывала лицо рукой. И вдруг женщина как будто испугалась чего-то и на миг отняла руку от лица, а платок соскользнул на плечи.

Конрауд поставил изображение на паузу. Постепенно он сообразил, что раньше видел эту женщину, хотя и давно.

– Это она? Возможно ли?

– Кто? – недоумевала Марта.

– Что там делает Линда?

Он не мог оторвать глаз от экрана.

– Кто? – спросила Марта, приподнимаясь с сидения.

– Просто не верю, – прошептал Конрауд.

– Чему?

– Ведь это его жена?

– Чья? – не поняла Марта.

– Это Линда. Это же его жена! Зачем жена Сигюрвина пошла навещать Хьяльталину?

– Так это она? – Марта наклонилась вперед.

– Какого черта ей нужно было от Хьяльталины? – прошептал Конрауд, не сводя глаз с женщины на экране.

На следующий день Марта в сопровождении еще одного полицейского отправилась в гости в Линде, чтоб расспросить ее, что ей было нужно от Хьяльталина в Центральной больнице. Сначала она отрицала, что вообще ходила туда, но когда на нее нажали, заявила, что, по понятным причинам, хотела держать этот визит в тайне, оттого и затеяла эту игру в прятки. Она сказала, что, мол, слышала, будто Хьяльталин лежит при смерти в онкологическом отделении больницы, и просто-напросто хотела спросить, причинил ли он вред Сигюрвину, – вот и все. Она считала, что на смертном одре Хьяльталин скажет правду. Но он так и не сообщил ничего нового, так что она попрощалась с ним и поспешила прочь. Она знала, что там везде камеры наблюдения, поэтому тщательно избегала их, но ей это явно не удалось как следует.

Линда попросила Марту не подвергать огласке ее визит в больницу.

Марта пересказала Конрауду суть дела в коротком телефонном разговоре.

– И это все? – спросил Конрауд.

– Это все, – ответила Марта.

– И ты ей веришь?

– Сложно сказать.

– Ты велела просмотреть телефонные звонки?

– Да, когда информация поступит, я перешлю ее тебе. А это будет скоро. По-моему, не мешало бы тебе поговорить с ней самому. Ты ведь тоже причастен к этому делу.

– И обнаружил ее я, не забывай, – ответил Конрауд.

– Да-да, не надо из-за этого так надуваться, – сказала Марта.

Сразу тем же вечером Конрауд, как всегда, нетерпеливый, пришел домой к Линде. Она жила в новом особняке в Гравархольте, рядом с полем для гольфа. К дверям подошла она сама. Увидев Конрауда, она ни капли не удивилась. В последний раз они виделись давно, и все же она сразу узнала его и поняла, зачем он пришел. Казалось, она ждала именно его и никого другого. Палисадник перед ее домом был вымощен плитками и окружен клумбами, а в центре возвышалось голое дерево, в ненастной темноте выглядевшее довольно мрачно.

– Это из-за того, что я в больницу ходила? – с ходу спросила она, не дав ему даже поздороваться.

Конрауд кивнул.

– Я же слышала, что вы уволились.

– Так и есть, – ответил Конрауд, – но некоторых вещей так просто не бросают.

Линда посмотрела на него.

– Да, наверно, нет, – проговорила она. – Проходите.

Ее жилище было уютным, на столах красивые вещицы, на стенах картины. Вдали просматривался сквозь морось сияющий золотом город, а вблизи открывался вид на поле для гольфа. Конрауд задумался, не играет ли она в гольф, раз уж поле так близко, и спросил ее об этом.

– Я-то не играю, – ответила она, – а вот муж играет. Он в Шотландии, – поспешила добавить она, чтоб объяснить его отсутствие. – У них там бизнес какой-то.

Она сравнительно недавно повторно вышла замуж – за человека, заведующего небольшой фирмой по импорту в Коупавоге. Он был фармацевтом и до того жил один, с дочерью. Дочь уезжала в Данию изучать технологию, но сейчас вернулась в Исландию, и у нее был муж и двое детей. Долю Сигюрвина в фирме очень выгодно продали, и мать с дочерью унаследовали немного денег, которые Линда пустила в рост. Потом ее дочь использовала наследство для оплаты учебы и выплаты процентов за квартиру, и вдобавок к этому, они позволяли себе не беспокоиться о пропитании и немного баловать себя.

– Мне кажется, гольф – это спорт для семейных пар, – сказал Конрауд, не собираясь вмешиваться в их личные дела.

– В нашем случае – нет, – ответила Линда. – Я им никогда не увлекалась. А Тейтир его обожает.

Она предложила ему кофе или что-нибудь другое, и он выбрал имбирное пиво. Они сели в гостиной, и оба решили не делать из этого визита проблемы. Ей было лет шестьдесят, лицо – овальное, с красивыми чертами, фигура полноватая, волосы светлые, одета в удобную домашнюю одежду: широкие штаны и рубашку, без украшений.

– Она сюда сегодня приходила, эта ваша подруга, – сказала Линда, попивая имбирное пиво. В него она влила немного водки. Он отказался от нее, потому что был за рулем.

– А-а, Марта!

– Если уж ко мне пришли вы, значит, ее мои ответы не устроили.

– Я сам по себе пришел, – ответил Конрауд.

Он объяснил Линде, что работает на сестру одного человека, сейчас погибшего, но очень интересовавшегося исчезновением Сигюрвина. С ним однажды произошел случай возле цистерн на Эскьюхлид, который он сам считал как-то связанным с этим делом. Сам он жалел, что ничего не предпринял в этой связи, и его сестра, в память о нем, стремилась выяснить, что же происходило на Эскьюхлид в тот вечер, и как погиб ее брат.

– Она назвала нового свидетеля, эта Марта, подруга ваша, – сказала Линда. – А я и не знала. Но люди вообще так много говорили, и считают, что они так много видели, и слышали, и знают.

– Судя по всему, этот человек надежный, – сказал Конрауд.

– Да, я в этом и не сомневаюсь.

– К тому же меня попросили помочь полиции, когда арестовали Хьяльталину, и я считаю, что наша с ней договоренность все еще в силе, – улыбнулся Конрауд.

– Ну ладно, что вы хотите узнать?

– Зачем вы ходили встречаться с Хьяльталином? – спросил Конрауд.

– Я это сегодня объяснила вашей подруге. Я ходила спросить: не хочет ли он перед смертью облегчить душу. А он сказал: нет. На этом и все. Я у него не стала долго задерживаться.

– Вы хотели спросить, он ли убил Сигюрвина?

– А это разве не очевидно?

– А он это отрицал, как всегда?

– Да.

– Он не удивился, увидев вас?

– Удивился? Наверно. Чуть-чуть. Это, конечно... так... неожиданно.

– Вы изо всех сил старались остаться незамеченной.

– Да, вы, наверно, не удивлены, учитывая всю эту ситуацию.

– Вовсе нет, – ответил Конрауд. – Я удивлен другим: что вы вообще пришли к нему.

– Ну, на меня просто стих такой нашел: вот надо – и все тут! Сама не знаю, что это было. Мне захотелось увидеть его, пока не... пока не...

– Вы с ним поддерживали какие-нибудь отношения до его смерти? До этого своего визита в больницу?

– Нет. Никаких.

– Никогда не получали от него вестей?

– Нет. И тут я вдруг узнаю, что он при смерти.

– Как вы, конечно, знаете, и как вам наверняка напомнила Марта, в тот вечер, когда Сигюрвин пропал, у Хьяльталина не было алиби. Он сам говорил, что был у какой-то женщины, назвать которую не мог, якобы потому что она замужем, и он ни под каким видом не должен выдавать ее. В этом он упорствовал все эти годы, до самой смерти. Я встречался с ним после того, как Сигюрвина обнаружили на леднике, – и тогда он продолжал настаивать, что невиновен, и снова предъявлял этот свой шитый белыми нитками рассказ. Честно признаться, я ему даже начал верить.

Линда пригубила имбирное пиво.

– И лишь когда я увидел записи с камер наблюдения в больнице, меня вдруг осенило, – сказал Конрауд. – Я раньше об этом не задумывался, и даже понятно, почему: это не лежит на поверхности.

– Что? – не поняла Линда.

– Я не думаю, что вас вдруг обуяло непреодолимое желание поговорить с ним на его смертном одре, – пояснил Конрауд. – Мне кажется, никаких ответов вы не искали.

– Да ну?

– Нет, по-моему, тут дело сложнее.

Линда продолжала попивать пиво. В остальном она сохраняла полнейшее спокойствие. Ее поведение всегда отличалось уравновешенностью и уверенностью в себе.

– О чем вы? – спросила она.

– В больнице на мобильный телефон Хьяльталина поступило несколько звонков, и сам он пару раз звонил. А два раза он совершал звонки с телефона больницы. Вероятно, тогда его собственный телефон разрядился, или ему показалось, что его прослушивает полиция. А насчет больничного телефона у него таких опасений не было. Или же ему было настолько важно связаться с вами, что он решил пойти на риск. Один из этих телефонных звонков был его сестре в США. А второй – в другое место. А именно вам домой.

У Линды не дрогнул ни один мускул на лице.

– И это было накануне вашего визита к нему.

Линда молчала.

– Хьяльталин ведь сам вам первым позвонил? – спросил Конрауд. – Вы слышали его впервые за все эти годы. Он сказал, что умирает и хочет с вами увидеться.

Линда спокойно смотрела на него.

– Хьяльталин – прирожденный лгун, но здесь он не соврал. В конечном итоге, тогда он и впрямь проводил время с замужней женщиной, и сейчас я, кажется, чуть лучше понимаю, почему он ни при каких условиях так и не сказал, кто же это был.

Он увидел, что глаза Линды наполнились слезами. Но она так и не двигалась, сидела в кресле, прямая как стрела, и пыталась сделать вид, что слова Конрауда ее не касаются.

– Когда Сигюрвин пропал, вы уже не жили с ним. Но формально вы не были разведены, так? То есть еще состояли в браке.

Линда кивнула, сжав губы.

– Мы рассматривали вас как разведенную и никогда не думали о вас как о «замужней женщине». Тем более, вы сказали, что в тот вечер были у сестры. Мне пришлось проверить это. Подтверждения я не нашел. На мой взгляд, вашу сестру и не просили это подтвердить, потому что на вас никто и не подумал. В первые дни в этом расследовании было много беспорядка.

Конрауд наклонился вперед.

– Я правильно понял, эта «замужняя женщина» – это вы? – спросил он. – Та самая женщина, о которой Хьяльталин не хотел нам рассказывать.

23

Линда встала. Свой стакан, из которого все уже было выпито, она оставила на небольшую тумбочку в гостиной. Она сходила на кухню за бумажным полотенцем и провела им себе по глазам. Затем она снова села в кресло. Она уже немного пришла в себя.

– Я думала, вы никогда не догадаетесь, – наконец промолвила она. – По-хорошему, мне надо бы радоваться. Это давило меня все эти годы, как кошмар.

– Хьяльталин так много лгал, – сказал Конрауд. – Просто невозможно было понять, где он говорит правду. Мы вас всюду искали, но он сказал так мало, что мы так и не попали на след этой замужней

женщины. По-моему, никому так и не пришло в голову, что это вы. Жена Сигюрвина.

– Я тогда и сама не поверила, будто он сказал, что был у замужней женщины – ведь он всегда утверждал, что про нашу связь не должен знать никто... Да еще и пытался использовать это как алиби!

– Он был в отчаянии. Навестив его в больнице перед его смертью, вы сильно рисковали.

– Да.

– Но вы считаете, что это того стоило?

– В свое время мы с ним окончательно порвали, не виделись и не общались, – ответила Линда. – Делали вид, что ничего этого не было. Порой приходилось трудно. Я так и не решалась связаться с ним, хотя порой так хотелось. Слишком велик был риск. Годы шли... А потом, когда я увидела его в больнице, лежащим в постели в таком состоянии... это было ужасно. Я его с трудом узнала.

– Да, его здоровье быстро пошатнулось.

– Было заметно, что он уже – все...

– Почему он вам позвонил?

– Наверно, чтоб попрощаться.

– Что было между вами?

– Сущие пустяки, – ответила Линда. – Когда дошло до дела, оказалось, что мы мало можем друг другу сказать. Но было так хорошо увидеть его, немного посидеть с ним и...

Она не договорила фразу.

– Ваша связь долго продолжалась после гибели Сигюрвина?

– Несколько месяцев.

– Это из-за нее вы расстались с Сигюрвином? Потому что начали встречаться с Хьяльталином?

Линда кивнула.

– В том числе и из-за этого.

– А он знал о причине?

– Нет, – сказала Линда. – Про Хьяльталина он не знал, но наш брак трещал по швам. Я думаю, мы в любом случае бы развелись.

– Поэтому вы и стали встречаться с Хьяльталином? Из-за того, что были несчастливы в браке?

– Можно сказать и так.

– А где вы встречались?

– То тут, то там. То у него дома, то у меня дома. Мы это держали в глубокой тайне. Встречались в Боргарнесе. В Сельфоссе. В маленьких хостелах. Нас никто не замечал, и мы тоже никого не замечали. Сигюрвин часто ездил за границу, что облегчало нам встречи.

– Но почему? Зачем вы ему изменяли?

– Ну как это объяснить? – сказала Линда. – У нас с Сигюрвином все уже дошло до предела. А Хьяльталин меня понимал. Утешал. Обнимал. Дарил тепло.

Конрауд молча ждал, пока она продолжит, и вскоре она начала рассказывать ему, как познакомилась с Сигюрвином в Коммерческом училище. Кое-что из этого она уже сообщала ему и раньше, но теперь в ее рассказ добавилась зрелость и горький жизненный опыт. Она говорила, что он был смелым и дерзким, и ее пленила его уверенность в себе. А вдобавок он был симпатичным, да и деньги у него, судя по всему, всегда водились. Не успело им исполниться по двадцать лет, как они уже начали жить вместе, и у него появились разнообразные планы, как разбогатеть. Он решил не утруждать себя дальнейшей учебой, а ей говорил: «Хочешь – изучай свою фармацевтику дальше, не хочешь – не изучай». У нее тяга к знаниям была больше, чем у него, она всегда намеревалась получить высшее образование и стать независимой. В училище она особенно не замечала Хьяльталина до тех пор, пока он вместе с Сигюрвином не стал придумывать разнообразные бизнес-планы. Они были во многом схожи: оба гнались за мирскими благами, обоим мало нравилось в училище. Хьяльталину так и не удалось окончить курс обучения. Сигюрвин убедил его вложиться вместе с ним в рыболовецкое предприятие почти пополам. Доля Сигюрвина была больше, но разницы там было всего в несколько процентов, и с течением времени он захотел еще прибыль. В эти годы все трое много времени проводили вместе. Хьяльталин встречался с разными женщинами, но на нее смотрел с вожделением. Она знала это, чувствовала, а однажды вечером он признался ей.

– Вот так-то это все и началось, – сказала Линда, – гораздо раньше, чем у них с Сигюрвином отношения накалились. Не знаю, почему я сделала этот шаг. В те времена наши с Сигюрвином отношения были не очень хорошими. А Хьяльталин знал, чего хочет и как этого добиться.

– Он стремился избегать Сигюрвина? Из-за этого он согласился продать свою долю в предприятии, когда Сигюрвин решил ее купить? Из-за вашей связи?

– По-моему, она в этом тоже сыграла свою роль.

– Ему показалось, что ему дали не ту цену. Он сказал, что Сигюрвин его облапошил.

– Хьяльталин просто ужасно рассердился, – ответила Линда. – Вообще-то он был вспыльчивый, но отходчивый. А тут он разъярился по-настоящему, хотя, когда я изменила Сигюрвину с ним, его ярость несколько поутихла. Но нас обоих из-за этого мучила совесть. Мы же не чудища какие-нибудь.

– Сигюрвин так и не узнал о вашей связи?

– Нет. Насколько мне известно, нет.

– А вы знали, что у Хьяльталина был роман с Салоуме?

– Он сам собой сошел на нет, – ответила Линда. – Хьяльталин собирался с ней порвать, когда все это случилось.

– А не проще ли вам было рассказать нам о вашей связи? – спросил Конрауд.

– Он сказал, что в таком случае исчезновение Сигюрвина точно свяжут с его именем. Он был просто убежден в этом. Его не обвинили только потому, что об этом никто не знал. А так я бы тоже оказалась в это втянута, нас бы обоих обвинили. Вот рассказали бы мы, что, когда Сигюрвин пропал, мы были друг с другом, и никто бы нам не поверил. И посадили бы нас в тюрьму пожизненно. Вот как он это объяснял. Он стал очень нервным и утверждал, что на него постоянно наговаривают, и что полиция в этом тоже замешана. Вот, например, тот свидетель, который утверждает, что слышал, как Хьяльталин угрожал убить Сигюрвина – это, с его точки зрения, был полный бред и вообще выдумка полиции. Он это прямо так и утверждал. Так что он никому не доверял и считал, что факт нашей связи против нас же и используют самым беспощадным образом.

– Да. Конечно, он никому не доверял, – согласился Конрауд, вспомнив Стейнара и Лео, и задался вопросом: стоит ли рассказывать Линде о том, что утверждал старик? Однако он решил покуда не делать этого.

– Он не смел о нас рассказывать. Он знал, что все будет использовано против него, что про него наврут с три короба, и все в

таком духе. Он был просто убит, ему в каждом углу мерещился сговор.

– То есть он не только защищал замужнюю женщину, с которой был, но также и скрывал это из соображений собственной безопасности?

Линда кивнула.

– По-моему, Хьяльталин верно подметил, – продолжал Конрауд. – Что насчет вас двоих надо помалкивать, даже если ему это грозит неприятностями. А их он избежал просто чудом. Информация о вашей связи могла бы иметь решающее значение.

– Вот именно так он и говорил.

– Попав в КПЗ, он продолжал настаивать на своем. Я думаю, вы бы им гордились. Выносить заключение так, как он, не всякому под силу.

– Гордиться? Я не гордилась. Я чувствовала себя ужасно: каково это – знать, что он там, и не быть в состоянии ничего сделать! Просто кошмар! А что мне было делать? Он сам так устроил. Что я могла предпринять? Я боялась. Мне надо было прибежать к вам и все-все рассказать? И что бы случилось тогда? Нас бы осудили? Что бы тогда стало с моей дочерью? Кто бы ее растил? Мы же ничего не сделали. В тот вечер Хьяльталин был у меня. Я не вру: мне незачем. Он был со мной.

– Вы знаете, о чем они ссорились тогда, на стоянке?

– О деньгах. Хьяльталин был не доволен тем, какой оборот приняли дела, но он никогда никого не стал бы убивать из-за крон да эйриров.

– А кто-нибудь еще знал о вашей с Хьяльталином связи?

– Нет. Никто. Мы вели себя очень осторожно.

– Так что вы – единственная, кто может рассказать эту новую версию случившегося?

– Да.

– Вы с ним лгали, – сказал Конрауд. – И Сигюрвину. И полиции. Вы скрывали от нас важные сведения. Вы говорите: мол, для того, чтоб на вас обоих не пало подозрение. А другие могли бы сказать, что из-за того, что Сигюрвина убили вы.

Линда смотрела на Конрауда, и на ее лице читался все сильнее разгорающийся гнев.

– Мы этого не делали, – произнесла она.

– Здесь нам приходится опираться только на ваши слова.

– Вот видите, почему Хьяльгалин ни за что не хотел об этом рассказывать, – впервые за весь разговор она повысила голос. – А вот как раз из-за этого самого! Из-за того, что полиция тотчас заподозрит нас обоих и выдумает что-нибудь, чего не было!

Она в упор смотрела на Конрауда.

– Мы... Да, мы ему кое-что сделали: мы ему изменили. Изменили, обманули, и это ужасно – но больше ничего не было. Не было, и все тут!

24

Когда Конрауд на следующий день зашел к Ольге, она встретила его весьма неприветливо. Ничего не изменилось. Она работала в архиве полиции, приближалась к пенсионному возрасту, и характер у нее был тяжелый. В полиции она проработала долго, фигурой напоминала глубокий архивный шкаф, твердо стояла на ногах за своей кафедрой, малорослая и чрезвычайно широкая в обхвате. Поведение у нее было странное, а настроение обычно такое, что все старались иметь с ней дело как можно реже. С годами Конрауду удалось втереться к ней в доверие, и в последние годы его работы в полиции их общение проходило довольно сносно. Однако это не спасло его от ворчания и колкостей в его адрес, когда он попросил ее помочь ему вспомнить ход событий в ДТП, в котором наехали на Вилли, брата Хердис.

– А я-то думала, ты уже уволился, – сказала она. – Вот зачем ты об этом спрашиваешь? Тебе не все равно?

– Его сестра попросила меня изучить для нее этот материал, – ответил Конрауд.

– Это какая-нибудь девица, за которой ты волочишься?

– Нет, женщина, которая попросила меня о помощи.

Конрауд понимал, что она неспроста спросила, волочится ли он за девицами. Марта рассказывала, что Ольга пребывала в самом скверном расположении духа, потому что муж в конце концов не вынес и ушел от нее. Они прожили вместе тридцать лет – и тут он заявил ей и их двум дочерям, что устал от этой ерунды и уходит. Он ничего не стал объяснять, но Ольга быстро выяснила, что он ушел к другой женщине, какой-то, как она выразилась, «сеledке костлявой», и

стал притворяться, что вовсе не знаком с Ольгой. Конрауд хотел показать ей, что он ей сочувствует.

– Как у тебя дела? – нерешительно спросил он.

– Только вот не надо притворяться, что ты ни о чем не знаешь, – ответила она.

– Нет, я...

Конрауд хотел сказать «соболезную», но не стал: ведь никто не умер, а что говорят человеку, которого только что бросил супруг, он не знал.

– Он всегда был болваном безмозглым, – сказала Ольга, и Конрауд догадался, что она имеет в виду бывшего мужа.

Его Конрауд несколько раз встречал на ежегодных празднествах, перекидывался с ним парой слов. Он не был по-настоящему знаком с ним, но жалел его за то, что ему приходится жить с такой мегерой. А сейчас он испытывал жалость к Ольге – но задавался вопросом, не обусловлен ли уход мужа перепадами ее настроения. Сам бы он ни в жизнь не посмел об этом заикнуться.

– В этом доме много болтают об этом вот всем? – поинтересовалась она.

– Что ты, совсем нет, – заверил ее Конрауд. – Правда, я здесь почти не бываю. Рад, что вышел на пенсию.

– Каким-то немцам туристам удалось то, что тебе так и не удалось – какая глупая ситуация! – произнесла Ольга с нескрываемым удовлетворением. – По-моему, если уж начистоту, то вы просто слабаки несчастные, что никак его отыскать не могли. Хотя ты и так это знаешь. Я тебя этим все-таки часто поддевала.

– Это точно, – ответил Конрауд, просто чтобы что-нибудь сказать.

– Я тебе, Конрауд, никаких протоколов дать не могу, – сказала Ольга, и он понял, что она впала в самое скверное расположение духа, на какое была способна. – Сам знаешь. Ты здесь больше не служишь, а для людей с улицы мы архивы не открываем.

– Да, понимаю, – ответил Конрауд. – Но мне больше хотелось расспросить тебя саму: ты этот наезд помнишь? Редко, когда водитель так быстро скрывается с места ДТП, и еще реже бывает, что он просто исчезает и так и не объявляется.

Он смотрел в Интернете старые газеты, в которых много писали об этой аварии. Он видел в новостях фото с места происшествия: группу

людей, обступивших машину «Скорой помощи» и полицейскую машину в пургу.

– Это ты про наезд на Вильмара Хауконарсона? Зимой две тысячи девятого?

– Точно, – сказал Конрауд.

– Ты то дело не вел, а был в отпуске, так?

– Да.

– Ну, ты тогда прямо разбушевался!

– Да.

– Наезд произошел на улице Линдартгата среди ночи в пургу, если мне не изменяет память, – сказала Ольга, а Конрауд обрадовался, что она не стала уточнять причины его тогдашнего отпуска.

– Все так, – ответил Конрауд.

– Вильмар возвращался к себе домой, один. Он был изрядно пьян. Судя по количеству алкоголя в крови, вообще чудо, что он вышел из бара своими ногами. Скончался он из-за удара по голове и внутреннего кровоизлияния. Я все точно помню?

Конрауд кивнул.

– Они рассчитали расстояние, направление, массу Вильмара. В ту ночь был буран, навалило много снега, так что было невозможно измерить тормозной путь и снять отпечатки протекторов. Их просто замело, а потом там все истоптали зеваки, прибежавшие к месту аварии. Свидетелей не было. Судя по всему, жертва долго пролежала на тротуаре, пока ее не обнаружили. Если мне не изменяет память.

– А ничего не указывало на то, что на него наехали нарочно? – спросил Конрауд.

– Нарочно?

Ольга надолго задумалась. Она посмотрела на Конрауда, и ее глаза вовсе не светились удовлетворением.

– А вот сейчас мне самой интересно стало, – ответила она. – Вроде бы такой вариант тоже рассматривали, но ни к чему так и не пришли.

– А вот было бы полезно узнать, – сказал Конрауд.

– Подожди-ка, – сказала она и сходила за протоколами.

Они содержались в двух папках, и она не успела глазом моргнуть, как уже склонилась над ними вместе с Конраудом, смотрела отчет о вскрытии, фотографии с места происшествия, вычисления скорости транспортного средства, предположения насчет его марки и массы,

сведения о массе тела Вильмара и его общем физическом состоянии, о степени опьянения, описание погодных условий в Рейкьявике в ту ночь, тщательное описание условий на месте происшествия, видимости, перечисление свидетелей, опрошенных полицией, в том числе в баре, где Вилли в последний раз в жизни напился.

– Они вычислили, что машина была большая и тяжелая, – сказала Ольга. – Не заурядная легковушка.

– Постой-ка, – сказал Конрауд, листая отчет о вскрытии. – Сила удара приходится на верхнюю часть туловища, на бедро и живот, причем удар очень сильный. В итоге перелом таза и четырех ребер. Считается, что это произошло при наезде. А потом, когда он уже падает на землю, он получает тяжелый удар по голове.

– Вот они пытаются измерить тормозной путь, – Ольга читала другой протокол. – Но из-за условий там все непонятно. Они не обнаруживают признаков того, чтобы водитель остановил свою машину и вышел взглянуть на Вильмара, – ведь место происшествия все истоптано. Он поехал дальше, и считается, что ему помешала видимость: он просто не заметил Вильмара.

– Но он не мог не почувствовать, что сбил человека, – сказал Конрауд. – Наверняка он понял, что произошло.

– Тут говорится, что машина была большая, – сказала Ольга.

– Например, джип? Или фургон?

– Да запросто, – ответила Ольга.

– С кем из тех, кто был с ним в тот вечер, удалось поговорить? – спросил Конрауд. – Кто был с ним в баре?

Ольга полистала протоколы.

– Вот здесь назван его друг, Ингиберг. Он сказал, что в тот вечер выпивал с ним.

Она продолжила листать.

– По-моему, из него, болезного, много не выжмешь, – сказала она. – Наверное, он сам подшофе был!

25

Его звали Ингиберг, сокращенно – Инги, и он был последним из друзей Вилли, кто видел его живым. Они работали на одной и той же стройке, там и подружились. Там всегда было «дел невпроворот», как выразился Инги, вспоминая историю Вилли. За считанные месяцы

поднимались целые районы с большими особняками, таунхаусами, высотками. Везде вырастали, как грибы, магазины, в основном в огромных складских помещениях на окраинах. Их работодатель буквально не успевал раздавать им большие и малые наряды, людей на работу всегда не хватало, так что ему пришлось заключить договор с агентством по найму, которое подыскало бы для него иностранных рабочих, и одно время в группе, к которой принадлежал Вилли, звучало целых четыре языка, и это порой создавало трудности. Они были единственными в той группе сотрудниками, которые разговаривали по-исландски.

Они с Вилли были сверстниками, одинаково интересовались спортом и были одиночками. Инги вырос в восточной части города и болел за команду «Фрам», а «Фрам» и «Валюр» издавна враждовали. Так что их знакомство началось не очень хорошо: Инги пришел в группу и стал скверно отзываться о «Валюре». Прошлым летом он проиграл и в этом году выступал только в первой лиге. «Фрам» тоже не блистал достижениями, так что Вилли не пришлось лезть в карман за ответом. Он вспомнил историю и заявил, что наследие «Валюра» представляет больший интерес, чем карьера «Фрама». Инги счел такое утверждение вздором и привел много примеров из славного прошлого «Фрама». Так они продолжали подкалывать друг друга, но вскоре увидели в своем споре смешные стороны, а потом нашли себе общего врага в лице «Футбольного клуба Рейкьявика» и не уставали распекавать его. Они начали вместе ходить на матчи или садились в спорт-баре смотреть прямые трансляции и допоздна пили пиво и шнапс. И это было второе, что их объединяло: им не наскучивало выпивать.

Но алкоголь действовал на них по-разному. Инги становился молчаливым, уходил в себя и ни с кем не разговаривал. Зато Вилли делался крайне общительным, хотя по натуре был стеснителен, быстро знакомился с посетителями бара и болтал с ними обо всем на свете. Он знал всех постоянных клиентов, а с новичками общался так, словно они были век знакомы. А Инги просто плыл за ним по течению, молчаливый и серьезный, к вечеру становился малообщительным и заговаривал только тогда, когда обращались к нему, да и тогда был немногословен. Однажды у Вилли спросили, что не так с его другом, но он замял этот разговор, сказав, что это его «silent partner».

Однажды вечером в конце ноября они с Инги, как обычно, пришли в свой спорт-бар, чтобы посмотреть матч испанской лиги. Пришли они рано, так что успели занять хорошие места и сидели за столиком вдвоем, пока посетители не хлынули в бар толпой и к ним не подсели еще трое любителей футбола. Бар заполнился и начался матч. Он был очень живым, увлекательным, и в баре сложилась дружелюбная атмосфера. Друзья обсуждали происходящее со своими соседями, и все соглашались, что «Барселона» лучше, чем «Реал Мадрид».

Матч закончился, посетители допили свои стаканы и засобирались домой. Некоторые говорили бармену «До свидания!» и «Спасибо», другие застегивали куртки, потому что на улице погода была скверная. Сейчас она и вовсе ухудшилась, ветер усилился, пурга застилала взор. Но Вилли и Инги об этом не беспокоились. Вскоре они уже сидели за своим столиком одни, и у Инги началась фаза молчаливости.

Посетители все продолжали уходить, а Вилли, от выпивки потерявший свою стеснительность, стал озираться по рядам. В тот вечер посмотреть матч пришло немного женщин, и две все еще сидели у стойки бара. Они были их сверстницами, и Вилли пробежал по ним взглядом и подтолкнул Инги. Он посмотрел в ту сторону, где сидели женщины, но оставил их без внимания. А Вилли, казалось, собрался подойти к ним и вступить в разговор, – но тут женщины встали, одна из них поцеловала бармена на прощание, и они окунулись в непогоду.

Вилли купил себе еще пива и остался у стойки. Там был человек, с которым он поздоровался, высказался о матче и выяснил, что его собеседник не против пообщаться. У них завязался разговор. Инги сидел за своим столиком, прихлебывая пиво, косился на друга и заметил, что с улицы, где бушевала метель, в бар вошли три подруги. Они отряхивались от снега и смеялись какому-то недавнему происшествию. Он их никогда не видел в том баре, и они сами как будто раньше там не бывали, с любопытством осматривались по сторонам и продвигались к стойке. Там они заказали себе напитки – но не пиво, а разноцветные коктейли, и сели за столик в сторонке, словно желая, чтоб их оставили в покое. Инги не был дамским угодником, у него даже девушки никогда не было – но вот девушка стояла рядом, рукой подать. Он задумался, не подсесть ли ему к ним. Для этого он был уже достаточно пьян, но его как будто что-то сдерживало. Он не

знал, что им сказать и не хотел выглядеть как какой-нибудь ненормальный, который лезет со всякой ерундой.

Потом он понял, что скажет, поднялся и направился к ним. Когда он уже дошел до их столика, мужество изменило ему, и он слегка отклонился от курса и прошел мимо. Они на него не взглянули. Он не мог как дурак пойти назад, так что сделал вид, будто именно и хотел усесться со своим стаканом пива в самом дальнем углу, и плюхнулся на сидение, а сердце у него при этом бешено колотилось.

Наверно, он был пьянее, чем ему самому казалось. Как долго он просидел в том углу, он не знал. Бармен подходил к нему и дважды приносил новый стакан. Но вот Инги встал на своих неверных ногах и вспомнил, что оставил Вилли у стойки. Но того нигде было не видеть, – как и его собеседника. Инги уселся у стойки, склонился на стол и заснул. Проснулся он от того, что его поднимали бармен и еще кто-то, чтобы вывести его из бара: они уже закрывались. Полусонный, вышел он в метель, но непогода не сильно досаждала ему, так как ему повезло: ветер все время дул ему в спину, и он спокойно дошел через город до дому, – да и к тому же его охватило забытье, так что он не помнил, как туда добрался.

Завершив свой рассказ, Ингиберг погладил бороду. Затем сделал еще один глоток пива.

– Вилли решил, что я ушел, – сказал он Конрауду.

– А вы его с тех пор еще видели?

– Нет.

26

Они сидели в том же баре, в который ходили друзья в тот давний вечер. Со смерти Вилли у бара уже в третий раз сменился владелец. Спорт-баром он оставался по-прежнему, но в том часу никаких матчей не показывали, и обстановка была спокойной. Было дневное время в середине недели, и посетителей за столиками было – раз-два и обчелся. Из-под потолка доносилась медленная музыка. Бармен с чем-то возился за стойкой. Звякали вымытые стаканы, которые он расставлял под столом.

Ингиберг уже осушил две кружки пива и ополовинил третью. Он был рыжий, с грубой бородой, которую он часто поглаживал во время

разговора. Он все еще работал на стройке: на свою нынешнюю работу он устроился три года назад, а до того какое-то время был безработным. Несколько месяцев он проработал в Акюрейри^[20] на компанию, которая строила там спорткомплекс, – однако зима на севере ему не понравилась.

Хердис помогла Конрауду связаться с ним. Она знала, у какого работодателя он работал вместе с ее братом. Сейчас этот работодатель с треском обанкротился, однако Вилли и Ингиберга он помнил хорошо и мог указать, у кого последний работал сейчас. А тот думал, что Инги в Акюрейри, но у него был номер его мобильного, который ни в одном телефонном справочнике найти было нельзя. По нему-то и позвонила Хердис. После трех звонков Инги ответил: он снова вернулся в столицу.

Ингиберг рассказал о своем последнем походе в спорт-бар с Вилли. Он хорошо запомнил все детали, ведь он неоднократно прокручивал эту историю у себя в голове. В памяти у него отложились отдельные подробности, как, например, результат матча или их разговоры до него. Однако большая часть событий после того, как он решил познакомиться с женщинами, была покрыта туманом.

– Вот не надо мне было к ним подходить и общаться! – проговорил он в стакан, словно его еще не отпустило чувство вины за то, что он бросил друга.

– Но вы же с ними так и не пообщались? – уточнил Конрауд.

– Нет, я струсил. Просто сел вон там в углу, – Ингиберг указал в угол, – и просто сидел и пил, пока Вилли разговаривал с тем мужиком. Я был... сильно пьян.

– Так и Вилли тоже.

– Это да. Вы же ему сами кровь проверяли.

– Он был в стельку пьян, – сказал Конрауд, словно это могло облегчить муки совести Инги. – А что вы можете сказать о том человеке, с которым он разговаривал?

– Ничего, – ответил Ингиберг. – Я его толком не разглядел. Он вот так вот наклонялся над стойкой. Но я точно знаю, что это был не кто-то из знакомых, да, по-моему, и Вилли его не знал. Это был не кто-то с работы или откуда-нибудь в таком роде. Он просто взял и пришел в бар, а Вилли с ним заговорил. Такой уж он был, Вилли: когда в ударе – всегда общался с людьми. По-моему, я вам это уже говорил.

Бармен, в означенный вечер работавший в том баре, в свое время подробно описал полиции человека, общавшегося с Вилли. Он был не постоянным клиентом, это точно, и пришел в куртке, как и многие другие, по случаю плохой погоды. Некоторые снимали куртки в помещении, а он так и сидел в ней. А еще у него на голове была шапка с козырьком, так что его лица бармен толком не разглядел. Этот человек был объявлен в розыск: объявление сопровождалось малосодержательными описаниями, которые дали бармен и Ингиберг. Никто не откликнулся.

– Наверное, вам такой вопрос уже сотню раз задавали, – сказал Конрауд. – Но я все же спрошу: по-вашему, они вышли вместе?

За прошедшие годы Ингиберг часто думал над этим вопросом и хотел бы лучше помнить все обстоятельства, особенно конец. Но не мог. Он ничего не знал о том, куда пошел его приятель. Он не знал, что когда он сам брел к себе домой сквозь метель, Вилли лежал на улице Линдартгата в луже собственной крови.

Ингиберг помотал головой.

– Они не поладили?

– Да я не знаю, о чем они вообще говорили.

– А могло так быть, что он пытался что-то продать Вилли? Наркотики?

– Да не знаю я. Вилли наркотики не принимал. Так что... вряд ли...

Ингиберг замолчал.

– Насколько вероятно, что они не поладили, но это не бросалось в глаза? Скажем, Вилли его как-нибудь оскорбил?

– Почему вы считаете, что человек, которого он просто встретил в баре, знал, что там произошло? Они даже не были знакомы друг с другом.

– Я знаю, – сказал Конрауд, – но ничего другого у нас нет. Самое худшее здесь – что нам не на чем основываться. Этот человек мог бы заполнить пустоту – если бы мы его разыскали. Не обязательно он должен что-то знать, но я думаю, важно попытаться поговорить с ним.

– Сестра Вилли все еще хочет допытаться, что там произошло?

– Да.

– Когда она мне позвонила, она очень мило говорила со мной.

– А разве был повод для другого?

– Она никогда меня ни в чем не обвиняла, – сказал Ингиберг. –
Пойти в этот бар он захотел сам.

Ингиберг замолчал.

– А потом попал в эту аварию, – прибавил он после паузы.

– Тот, с кем он разговаривал, был в куртке, – спросил Конрауд, – а
какие-нибудь лейблы на ней вы видели? А на шапке?

Он уже звонил старому бармену и спрашивал о том же самом. Тот
за этот вечер и множество других обслужил бессчетное количество
клиентов и давно уже перестал обращать внимание на отдельных
личностей. Для него они были только общей массой, которую нельзя
заставлять долго ждать своего пива – и он торопился поскорее
обслужить ее. К тому же, когда наплыв посетителей спадал, он играл в
покер в Интернете и мыслями был в основном в игре.

– Нет, не было там лейблов, – сказал Ингиберг. – Он был старше
нас. Во всяком случае, такое у меня возникло ощущение. Угрюмый
какой-то человек. По-моему, он сам много и не говорил, а больше
слушал Вилли.

– Почему вы не стали подсаживаться к тем женщинам?

– Не стал, и все.

– Но почему?

– Я... – Ингиберг замялся.

– Что?

– Одна из них была мне знакома, – сказал он. – Мы с ней последние
два года вместе учились в Реальном. Хельга. Я ей тотчас узнал, когда
они вошли, и просто захотел поговорить, но...

– Не смогли?

– Да. И... не стал.

Конрауд посмотрел в угол, в котором когда-то сидел Ингиберг, в
груди которого билось крошечное овечье сердце.

– Вилли ведь говорил с вами об Эскьюхлид, – произнес он.

– Очень часто, – ответил Ингиберг. – Он у него просто из головы не
шел. Конечно, в старые времена на Эскьюхлид много всякого народу
шаталось.

– Да, конечно, – согласился Конрауд.

– Например, гомики, – сказал Ингиберг. – Они там бывали.

– Значит, вы помните тему гомосексуалистов на Эскьюхлид, –
спросил Конрауд. – В вашем детстве?

– Да, – согласился Ингиберг.

Поговаривали, что мужчины нетрадиционной ориентации приходили на Эскьюхлид для любовных свиданий. У полиции запрашивался вопрос, не с этой ли целью туда отправился Сигюрвин. Но у него вряд ли ориентация была нетрадиционная. Его сестра считала, что это исключено, а что он пошел на Эскьюхлид на свидание – и подавно. Такого и быть не могло! Конрауд порою задумывался, не бродили ли в ту пору возле цистерн другие люди, которые не захотели об этом заявлять, потому что в те времена мужчинам нетрадиционной ориентации приходилось трудно.

Ингиберг глубоко вздохнул.

– Наверное, этого не случилось бы, если б я пошел с ним, – тихо проговорил он.

– После посещения бара вы обычно шли к нему домой?

– Иногда, – ответил Ингиберг так тихо, что Конрауд едва расслышал. – А иногда и ко мне. Музыка слушали. Он был хорошим другом. Мне... мне его так часто не хватает! Не хватает мне Вилли.

– Терять друга тяжело, – согласился Конрауд. – Я слышу, что вы по нему скучаете.

– Я очень часто о нем думаю, – ответил Ингиберг. – Скучаю по нему – ужас! Просто жуть как скучаю.

28

Вечером в гости заглянул Хугоу и привел с собой близнецов. Их мама устраивала дома встречу швейного клуба, и Хугоу водил сыновей в ресторан быстрого питания, а на обратном пути они заглянули к дедушке. Конрауд встретил их, как всегда, радостно, любя, поддразнивал мальчишек и угощал шоколадным мороженым, которое хранил в морозилке.

– Как дела? – спросил его сын. – Все еще думаешь о Сигюрвине?

– Нет, навряд ли. С тех пор, как его нашёл на леднике, я рассматривал всякие разные вещи, – ответил Конрауд, включая кофеварку. – Надо же чем-то заниматься на досуге.

– Ты хочешь сказать, ты не сдаешься, – заметил Хугоу. – А хочешь выяснить, кто же его так...

– Я хочу сказать, я не даю себе скучать.

Мальчики уселись перед телевизором с мороженым и выбрали, какое кино будут смотреть. Хугоу не стал вмешиваться. Они и так были чересчур шумными, особенно в гостях у бабушки: тот умел «заводить» их, – так что было неплохо, что они хоть ненадолго успокоятся перед телеящиком.

– А по своей работе ты не скучаешь? – спросил Хугоу.

– Нет, не скучаю.

– А когда тебя оттуда выгнали, то скучал.

– Не выгнали меня, – ответил Конрауд. – Я в отпуск уходил на год.

– Ты не сам уходил: тебя в него послали. Ты до сих пор на стадии отрицания – просто невероятно!

– Ну ладно: меня туда послали, – сказал Конрауд. – Но зачем ты сейчас-то об этом вспоминаешь? Какое тебе... Какое это вообще имеет значение?

Конрауд принес кофе, немного удивляясь, куда их завел этот разговор. Он не мог взять в толк, отчего Хугоу припомнил это. Да, его посылали в неоплачиваемый отпуск. Примерно в то же время, когда был совершен наезд на Вилли. Поэтому он мало знал подробности этого дела. Однажды он сорвался, и какое-то время стоял вопрос, допускать ли его снова до прежней работы. Но этот вопрос решили. Слова Марты оказались очень весомы.

Он протянул Хугоу чашку кофе. Тот уродился в мать: в той семье лица были симпатичнее.

– Конечно, тут дело во всем этом, – сказал Хугоу. – И в вас с мамой. И в этом старом деле Сигюрвина. С тобой вообще разговаривать было невозможно.

– Это сложный вопрос, Хугоу. Не знаю, стоит ли нам о нем вспоминать.

– Почему же ты тогда это не отпустишь? Ты больше в полиции не работаешь. Тебя это больше не касается.

– Не знаю. Ведь это была существенная часть моей жизни. Такие дела остаются с человеком навсегда. Я еще могу постараться. К тому же Хьяльталин ни с кем не хотел говорить кроме меня. Это он меня снова туда втянул.

– Несмотря ни на что?

– Да, несмотря ни на что.

– А ты ведь и не надеялся, что труп обнаружат.

– Нет, не надеялся.

– Могу представить себе, сколько призраков из-за этого восстало. Всякие неприятные вещи, которые ты, наверное, хотел забыть. И вдруг все они как вылезут снова на поверхность, и тебе приходится снова с ними бороться!

– Не волнуйся, уж я справлюсь.

Хугоу снял со стоящего рядом столика свадебную фотографию родителей. Снимок был сделан возле Хаутейгской церкви^[21] сразу после церемонии. Конрауд был во взятом напрокат смокинге, а Эртна в красивом свадебном платье, и они улыбались друг другу.

– С тех пор уже почти шесть лет прошло, – сказал Хугоу.

– Да. Шесть лет.

Когда Хугоу ушел и увел мальчиков, Конрауд взял фотографию и стал разглядывать. Он почти не узнавал молодых людей на церковном крыльце. Почти не помнил время, когда они жили. Он был долговязый, длинноволосый. Она – с белой ленточкой в распущенных волосах, сильно накрашенная. Ему было 26 лет. Она на год старше. Это было в солнечный летний день, последние выходные в июне, и в их улыбках таилась уверенность, что они вместе навсегда. В новостях тогда передавали в основном про контракты на промысел сельди и про рост трав. В большом мире бушевали войны – как и всегда. До свадьбы они несколько лет жили вместе, как водилось в ту эпоху свободных нравов, и в утро перед свадьбой он долго смотрел на нее спящую – и под конец не удержался и разбудил ее легким поцелуем. Затем они лежали в кровати, смеялись и веселились над всей этой ситуацией. В те времена молодежь редко устраивала церемонии бракосочетания, и уж тем более – в церкви, но они все же выбрали именно этот вариант, хотя это и отдавало мещанством. Он даже однажды вечером встал на колени и попросил ее руки. Он предлагал ей сбежать и найти какую-нибудь сельскую церковь и обвенчаться в ней без свидетелей. Она боялась, что разочарует свою родню.

– Вечно ты думала только о других, – прошептал он, обращаясь к фотографии.

Он глубоко вздохнул, и в его сознании выплыла строка из популярной песенки: он внезапно вспомнил, что она играла на их свадебном застолье – печальный припев слетел к нему словно отголосок давно минувшего летнего вечера:

*... тяжело долгими ночами
мучиться и страдать.* [22]

28

Конрауд редко упоминал при ком-нибудь о своем отце, но Эйглоу была исключением. Какое-то время она работала медиумом – совсем как когда-то ее отец. Однажды Конрауд встречался с ней, когда искал ответ, причастен ли его отец к одному уголовному делу, где жертвой была молодая девушка во время войны. Ту девушку звали Роусамюнда, и ее нашли убитой на задворках Национального театра, и когда поиски убийцы были в самом разгаре, ее родители обратились к медиуму. Медиум, отец Эйглоу, сговорился с отцом Конрауда и стал утверждать, что ощущает присутствие Роусамюнды на своем спиритическом сеансе, но остальные присутствующие считали, что здесь не все гладко. Выяснилось, что отец Конрауда перед сеансом собрал сведения об этих супругах и сам устроил так, чтоб они пришли к медиуму. Их продолжительный обман и мошенничество были раскрыты, и обоих обвинили в том, что они воспользовались горем и тревогой родителей девушки с целью наживы. Конрауд на какое-то время с головой погрузился в дело Роусамюнды, в котором фигурировали американские солдаты, именитые исландцы времен войны и жители Теневого квартала периода появления Конрауда на свет.

Однажды Эйглоу сказал ему, что через несколько месяцев после того, как отца Конрауда закололи у Скотобойни, ее собственный отец, ясновидящий, покончил с собой. Она так и не получила никакого объяснения этому и не хотела в это углубляться. Она подозревала, что отец Конрауда что-нибудь сделал медиуму в годы войны: что-нибудь разнюхал о нем и использовал это, чтобы принудить его к сотрудничеству. Эйглоу сама признавала, что это все только догадки, но говорила, что для ее отца отец Конрауда всегда был, как она выразилась, «скверным типом». Когда они оба погибли в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, минуло уже много лет со времен войны и их махинаций с ясновидением. Но Конрауд знал, что его отец общался с самой разнообразной публикой, и хотел выяснить, не взялся ли он в ту пору опять за старое, не стал ли снова проводить спиритические сеансы.

Все это пронеслось у Конрауда в голове, когда Хьяльталиин в камере начал говорить о его отце и любопытствовал, не утратил ли Конрауд интерес к его судьбе, не считает ли, будто его отец не стоит того, чтоб тратить на него время. Хотя сам Конрауд об этом не говорил. Смерть отца в последнее время занимала его. Расследование его убийства было по тогдашним меркам весьма масштабным, но результатов не принесло. Уже устроившись работать в полицию, Конрауд ознакомился с его материалами. Их вывод был таков, что все очень похоже на чистую случайность – и это затрудняло работу полиции. Его отец оказался не тем человеком не в том месте не в то время. Очевидно, он вступил в конфликт с кем-нибудь незнакомым, кто оказался на дороге. Судя по всему, убийству не предшествовала драка, и его не ограбили: часы и бумажник остались при нем. На заметку были взяты все, с кем он, насколько было известно, постоянно общался, из которых многие, как и он, раньше уже имели дело с полицией. Но из этого расследования ничего толкового не вышло.

Сам Конрауд всегда утверждал, что ничего не знал о том, куда его отец ходил в тот вечер. Его родители много лет назад развелись. Мать с Бетой переехали на самый восток страны – в Сейдисфьёрд. Ей приходилось сносить от него побои, и из-за поведения отца их брак много лет был только одной видимостью. Постоянной работы у него не было, он выпивал, водился с другими пьяницами и преступниками. Когда жена наконец сказала ему: «С меня довольно!» – он категорически возразил ее намерению забрать Конрауда: Бета пусть едет с ней, а вот Конрауд пусть остается. Она встала перед невозможным выбором, но подумала, что со временем муж перестанет упорствовать и отпустит Конрауда к ней. Однако того не случилось, сколько бы она ни ездила в Рейкьявик, чтоб увидеться с сыном и убедить его отца образумиться и перестать использовать мальчика, чтоб мстить ей.

В тот вечер, когда погиб отец, Конрауд весело проводил время с друзьями. Учебу в школе он к тому времени забросил, начал пить, его толкали на разные мелкие правонарушения. Он выполнял мелкие поручения отца, например, сбить с рук краденое, укрыть контрабанду с американской базы в Кеплавике или с торгового судна, а однажды он с приятелем вломился в магазин часов, но им пришлось спасаться

бегством, и они так ничего и не успели взять. Он и сам в глубине души понимал, что пошел по кривой дорожке и попал в дурную компанию.

– Тебе, наверное, не по себе стало, когда это случилось! – сказал ему Хьяльталин в тюремной камере. То было еще мягко сказано. Конрауд как будто получил удар в челюсть, когда полиция сообщила ему о гибели его отца и ее обстоятельствах. И с этого самого вечера он ощущал ту ударную волну.

Эйглоу не горела желанием видеться с Конраудом, когда он позвонил ей, но в конце концов ее удалось уломать пообедать с ним в одном ресторане в центре. Она пришла туда вовремя, одетая в черное, как при их первой встрече. Она была чуть помладше Конрауда, худенького сложения, и выглядела для своего возраста отлично. Ее лицо было гладким, словно ей никогда в жизни не приходилось ни о чем беспокоиться. Они подали друг другу руку при встрече – двое незнакомцев, общего между которыми было только знакомство с одними и теми же мошенниками в прошлом.

– Ты и впрямь думаешь, что через столько лет можешь раскопать что-нибудь новенькое о своем папаше? – спросила Эйглоу, после того как выбрала себе из меню камбалу. Конрауд выбрал то же блюдо и вспомнил, что Эйглоу всегда без проволочек переходила к сути дела.

– Меня недавно один человек спрашивал, не забыл ли я его совсем, – ответил Конрауд. – Не решил ли я, что не стоит тратить на него силы. Меня эти слова задели. Сейчас я не так сильно занят, и, может, на то, чтоб захотеть больше интересоваться своим отцом и больше знать о нем, мне потребовались годы.

– Он был ужасно неприятный человек, – сказала Эйглоу. – По крайней мере, так считал мой отец, Энгильберт. – Скорее всего, ты и сам это заметил. У таких, как твой папаша, всегда заводятся враги.

– По-моему, опросили уже всех его знакомых и целую толпу тех, кто был с ним вовсе не знаком, но толку от этого не было. Я просто не знаю, с чего мне начинать рассматривать это дело, вот я и решил поговорить с тобой. Когда мы общались в последний раз, ты решила, что у моего отца были какие-то счета с Энгильбертом.

– Да, но еще я сказала, что это всего лишь мои догадки.

– Ты считаешь, что они снова начали сотрудничать?

– Такого я и представить себе не могу.

– Но почему?

– Энгильберт твоего отца терпеть не мог. Считал его подлецом, знать его не желал.

– Это он тебе сказал?

– Да.

– А из-за чего он заговорил с тобой о моем отце?

– Он о нем никогда и не говорил, но однажды он стал скандалить с мамой, в разговоре всплыл твой отец, и мама о нем очень дурно отозвалась. А потом я спросила папу, что это за человек, – и тогда он рассказал, что когда-то находился в дурной компании, и его втягивали в такие вещи, о которых он сейчас жалеет.

– А он рассказал тебе, что это были за вещи?

– Нет. А почему ты решил, что они снова стали сотрудничать? Чем ты это докажешь?

– После гибели отца я кое-что нашел в его вещах.

– Что именно?

– Статьи о знаменитых фальшивых медиумах и о том, как их разоблачили. Истории об обманах. Рассказы об эфирном мире.

– Эфирном?

– Да.

Эйглоу долго смотрела на Конрауда испытующим взглядом и молчала. По натуре она была недоверчива, и от него это не ускользнуло.

– Там попало что-то необычное? – наконец спросила она. – Что-то, чего ты у него не видел раньше?

– Вот именно. Там были более свежие статьи и истории, и я решил, что он тогда опять взялся за эти свои медиумские штучки. Но никакого подтверждения этому я не получил.

– А ты веришь в потусторонние миры? – спросила Эйглоу. – В эфирные или как их там еще называют?

– Нет, – ответил Конрауд.

– Точно?

– Да, точно.

– А почему мне все-таки кажется, что веришь?

– Не знаю.

– Энгильберт уважал тех, кто верил, – сказала Эйглоу. – Он сопереживал тем, у кого случилось горе и кто искал ответов. Твой папаша ни во что не верил. Никому не сочувствовал. Над ищущими ответов он насмеялся. Как эти люди вообще могли работать вместе? Вот скажи мне. Как их пути вообще сошлись?

Конрауд не нашел, что ответить.

– Мой отец верил в то, что в старину называлось «эфирным миром», – продолжила Эйглоу. – Он верил, что туда попадают люди после смерти и что он настолько же реален, как и наш здешний мир, и жители эфирного мира время от времени выходят на связь с жителями земли. А его роль – проводить эту связь. Служить посредником. Твоему папаше удалось опозорить эту связь. Ту хорошую способность, которой обладал мой папа. Мне очень больно думать об этом, и, если честно, я не знаю, как мне принимать тебя, эти твои хлопоты. Просто не знаю...

29

Конрауду стало больно от ее слов об его отце, но он постарался не бросаться тотчас на его защиту. Он понимал, что толку в этом не будет – да и, по правде говоря, ему доводилось слышать гораздо более

нелестные отзывы о нем, чем у Эйглоу. Единственное, что его удивило – что его отцу через столько лет после смерти удалось вызвать такие сильные эмоции.

Иногда он слышал разговоры отца о спиритических сеансах. В основном это были рассказы о невероятных вещах, о чем-то, над чем можно похохотать. Эти рассказы пробудили интерес у Конрауда, и постепенно он познакомился с различными идеями человечества о жизни после смерти, в частности – с теорией об эфирном мире, в глазах спиритистов столь же реальном, как и наш земной. Когда в смертный час люди отходили в эфирный мир, их душа уносила туда с собой все свойства из земной жизни, например, личность и память, и они становились основной в новом бытии, эфирном теле. Единственное, что человек оставлял в земном мире – мертвое тело, пришедшую в негодность оболочку для души. Во все это верил отец Эйглоу. Он считал, что у него есть некая антенна, открывающая доступ к списку душ в эфирном мире.

– Я всего лишь пытаюсь понять собственного отца, – сказал Конрауд. – Понимаю, что он был не без греха. Я сам первым готов это подтвердить. Если ты не решаешься говорить о таких вещах со мной, то я это хорошо понимаю. Я и сам толком не могу сказать, какого результата ожидаю от этих своих хлопот. Возможно, я пытаюсь лучше понять его. По-моему, я его как следует и не знал.

– Некоторые вещи лучше не ворошить, – ответила Эйглоу. – Ты сам об этом не задумывался?

– Если начистоту, то... – Конрауд замялся.

– Что?

– Это как раз то, что я до сих пор и делал, – сказал он. – Ничего не ворошил. Наверное, я боялся браться за его дело, чтоб не наткнуться на что-нибудь, чего мне лучше не знать. С ним было сложно общаться. Он занимался вещами, которые не выносят дневного света. Я не был уверен, что мне вообще хочется узнать больше о нем самом и о том, почему его постигла такая участь. Может, ему было и поделом? Я полагаю, что у тебя... – Конрауд замолк. – Может, ты и не знаешь ничего о том, о чем я говорю.

– Разница между ним и Энгильбертом заключалась в том, что мой отец был душевным человеком и в жизни мухи не обидел, – сказала Эйглоу. – Напротив, он был ранимый и не выносил, когда к нему лезли.

Наверное, оттого-то он и пил. Я долго ломала голову над вопросом, почему он свел счеты с жизнью. Он не оставил после себя никаких объяснений. Накануне он ничем на это не намекал. Никак не показывал, что собирается сделать. Ни маме письмо не написал, ни мне. У нас на руках не было ничего, что бы объясняло, почему он принял такое решение.

– Значит, оно было принято спонтанно?

– Видимо, да.

– Он раньше уже пытался совершить что-нибудь подобное?

– На самом деле, да. Один раз. Много лет назад.

Эйглоу молчаливо смотрела на Конрауда, и он догадался, что она не собирается пускаться в подробности. Здесь он хорошо понимал ее: они были практически незнакомы, и он ощущал, что эта встреча ей неприятна.

– Он продолжал работать медиумом после того, как всплыло их сотрудничество и то, как они дурили людей в годы войны?

– Вообще-то да, но в очень скромном масштабе для узкого круга.

– И у него хорошо получалось? Вступать в контакт с этим... эфирным миром?

– Ну давай, посмейся над ним! – Эйглоу показалось, что она уловила в словах Конрауда насмешливый тон, и она рассердилась.

– Прости, – поспешно ответил он, – я не хотел... я о таких вещах разговаривать не умею. Я совсем не хотел тебя обидеть. Совсем-совсем. Просто у меня нет опыта разговоров на такие темы.

– Он был настоящим ясновидящим, – сказала Эйглоу. – Он давал людям утешение. Не надо смотреть на это свысока.

– В последний раз, когда мы встречались, ты сказала, что ему стало очень не по себе, когда он услышал о гибели моего отца и об ее обстоятельствах. Ты можешь рассказать мне об этом поподробнее?

– Мне это мама рассказала. Она сказала, что его реакция была просто ошеломляющей. Он прямо-таки испугался, и она не знала, чего именно. Он за порог выйти боялся, если мама не шла с ним. Тщательно проверял, заперты ли двери, закрыты ли окна, всегда держал свет в квартире включенным, как будто вдруг начал бояться темноты.

– И он начал себя так вести, когда узнал об этом убийстве?

– Мама считала, что он, скорее всего, боится, что твой папа станет приходить к нему с того света, – кивнула Эйглоу, – и будет его мучить.

– А раньше он когда-нибудь так себя вел? – спросил Конрауд.
Эйглоу помотала головой.

– Он был очень чувствительный и... да, слабовольный, – продолжила она. – Его было легко заставить нервничать, и мама рассказывала, что, когда в годы войны его ославили как фальшивого медиума, он очень долго оправлялся от этого и, видимо, так до конца и не оправился.

– Это потому, что он обладал способностями?

– Да, разумеется, а еще потому, что он никому не желал зла. Не такой он был человек. Его из-за всего мучила совесть, и он все время хотел постараться как следует.

– Его вскрывали? – спросил Конрауд.

– Нет. Не посчитали, что для этого есть причины. Все произошло очень быстро. А почему его должны были вскрыть?

– Не знаю, мне просто в голову пришло. Ты говорила, он пил. Я помню, в нашу последнюю встречу ты сказала, что он уходил в запой.

– Да, так и было. Мама часто за него волновалась, когда он на несколько дней пропадал, а в это время мог водиться с какими-нибудь личностями типа...

– Моего папаши.

– Да.

– А он был пьян, когда он... когда он решил свести счеты с жизнью, он уходил в запой?

– Да, он пил.

– Его твоя мама нашла?

– Нет, – вспыхнула Эйглоу. – Ты хочешь знать, как это было? По-твоему, это так важно? Хочешь узнать?

– Прости, – сказал Конрауд. – Я не хотел лезть к тебе в душу... Я тут просто подумал... даже не знаю, как это выразить... Вам никогда не приходило в голову, что с ним было так же, как и с моим отцом? Что речь о преступлении?

– Преступлении?

– Что его постигла такая же участь?

Эйглоу уставилась на Конрауда во все глаза, и он понял, что ее подобная мысль никогда не посещала.

– Вовсе нет!

– А если они все-таки начали сотрудничать? – продолжал Конрауд. – Если они кого-нибудь рассердили? Если смерть моего отца как-то связана с их делишками?

– Ты так считаешь?

– Сперва погиб один, а через короткий промежуток и второй. Ты можешь представить, что между этими смертями есть какая-нибудь связь?

– Нет, это исключено. Исключено! А ты почему так решил?

– У меня нет никаких оснований, – сказал Конрауд. – Пока мы не встретились, я не знал, что случилось с Энгильбертом. Потом я все думал об этих вещах, и мне пришло в голову, что наши отцы снова начали сотрудничать. Мой отец явно снова стал интересоваться этими темами. Эфирным миром.

Эйглоу долго сидела молча, размышляя над словами Конрауда. Он выдвинул версию, которая не приходила к ней все те годы со смерти отца.

– Его обнаружили не мы. Его кто-то нашел в Проливном порту, – тихо проговорила Эйглоу.

– Как?..

– Было похоже, будто он то ли собирался поплавать в море, то ли упал в воду. Полностью одетый. Мы не поняли, где именно его нашли. Повреждений на теле не обнаружилось. Иногда он заходил на корабли, где можно было достать водку. В порту.

Из кухни донесся звон разбитой посуды: кто-то уронил тарелку. Полуденный наплыв посетителей схлынул, и сейчас они были в ресторане почти в одиночестве.

– А кровь они на алкоголь проверили? Вроде должны были.

– Да, как я и сказала, он пил.

– И был полностью одетым? – спросил Конрауд.

– Да.

– И в обуви?

– Да.

– И у него ничего не украли, или?..

– Нет. Но у него и красть-то было нечего.

Они долго сидели молча друг напротив друга, словно время за их столиком замерло.

– Не могу даже представить себе, каково ему было, – прошептала Эйглоу. – Не могу об этом думать без содрогания.

30

Под вечер Элисабет навестила брата. Она жила одна и ходила к нему, когда ей было не с кем поговорить, особенно в последние годы. Работала она в библиотеке, и когда он спросил, как у нее дела, она, как обычно, ответила, что, слава богу, дел много. Люди по-прежнему читают книги. Еще она была волонтером в центре для жертв сексуального насилия, но говорила об этом редко, вообще не любила распространяться о себе и своих делах – такой она была всегда. Телосложение у нее было крупное, волосы черные как смоль, лицо, сужающееся книзу, и пронзительные карие глаза над длинным острым носом. Одевалась она весьма мешковато, часто в толстые свитеры, в холодные зимы даже сразу в два – в три, в плотные юбки и зимние ботинки. Еще у нее была весьма живописная коллекция шапок, и она порой умудрялась носить их даже по две за раз.

– Все расследуешь дело этого Сигюрвина? – спросила Бета, когда уже долго просидела у него и собралась уходить. – Его ведь, да?

– Я не собирался туда вступать, – ответил он, – но как-то получилось, что я все больше и больше втягивался.

Конрауд даже не знал, что отвечать сестре. Он рассказал ей о Вилли и его сестре, и о человеке, которого Вилли видел на Эскьюхлид. Этим делом занималась полиция, и она оценивала новые сведения. Он считал, что его беседы с пастором или с Ольгой не входят в понятие «расследование дела»: он просто так коротает время на пенсии. Уволился он при первой возможности, устав от работы в полиции, и возвращаться не собирался. Может, с этим все получилось так же. Как и со всем остальным в последнее время, ему не хватало цели, стабильности – что довольно странно для человека в его возрасте. Он покуривал сигариллы, хотя курильщиком не был. Уделял время расследованию преступления, хотя в полиции не работал. И, что ему самому казалось самым странным: был пенсионером, хотя старым себя я не ощущал.

Может, это были естественные чувства для человека, мало-помалу приближающегося к преклонному возрасту. Конрауд был одним из последних исландцев, родившихся в годы датского владычества^[23]. В

день после его рождения Исландия была провозглашена независимой республикой на Полях Тинга при проливном дожде. Один миг своей жизни, такой краткий, что и измерить невозможно, он был подданным датского короля. Он обижался, когда отец дразнил его этим, но с годами он полюбил эту свою связь с Данией, пусть даже она и была только шуткой.

Он был жизнерадостным ребенком, и ему было нипочем, что одна рука у него какая-то странная. В левой руке у него было меньше подвижности и силы, чем в правой. Когда он вырос и поумнел настолько, чтоб спросить, почему такая разница, ведь у всех его знакомых руки одинаково сильные, – мать попыталась донести до него, что причину следует искать при его рождении. Он не стал надолго задумываться об этом, ведь он не знал, что значит две здоровые руки, ему было не с чем сравнивать, – он знал лишь, что немного отличается от других. Когда он пошел в школу, его порой дразнили этим, но он не принимал это близко к сердцу, особенно прилежно занимался физкультурой и плаванием и участвовал во всех уличных играх детей. Его прекратили дразнить, и со временем уже мало кто замечал, что одна его рука слегка отличается от обычных рук с кистью и пятью пальцами. Лишь сам Конрауд знал, какая она на самом деле бессильная, когда доходит до дела.

В школе его класс вела богобоязненная учительница лет шестидесяти. Она верила в чудеса и велела Конрауду для полного излечения руки молиться об этом Богу. Ведь сам Иисус исцелил сухорукого, нарушив тем самым правило дня субботнего. Из ее слов следовало, что сын Божий был знаком с такой проблемой, и тем легче ему было ее решить.

Тетя Конрауда с севера, сестра отца, баба из глухой долины, во всем придерживающаяся старинных верований, говорила, что сухая рука – примета несчастья и наказания. Правда, она считала, что это наказание предназначается не самому невинному дитяте, а что это послание с того света за злые деяния в прошлом, – и всегда обращалась с этими соображениями к своему «так называемому брату», как она все время звала отца Конрауда.

В детстве Конрауд порой замечал, как по городу ходит малорослый мужчина в пальто. Ему говорили, что это большой поэт. Общего с Конраудом у него было то, что у поэта одна рука тоже была сухая.

Говорили, что в детстве ему из-за этого приходилось туго, и даже, что в этом заключалась одна из причин его раздражительности и тяжелого характера, – но в то же время как раз это и сделало его превосходным поэтом.

– Почему ты все молчишь? – спросила Бета и посмотрела на брата, полностью ушедшего в свои мысли. Конрауд решил не рассказывать ей, что встречался с Эйглоу. Бета знала эту догадку брата, что их отец снова начал заигрывать с сеансами ясновидения перед тем, как его закололи. Конрауд рассказал ей, как через пару месяцев после смерти их отца погиб медиум, сотрудничавший с ним во время войны, и задумался, не взялись ли те мошенники за старое.

– Он, видимо, сильно разнервничался, услышав, что папу убили, – сказал Конрауд. – Он никуда не смел выйти без сопровождения, никогда не выключал у себя свет. Темноты боялся.

– Не думаю, что медиумы боятся темноты, – сказала Бета. – Хотя, может, они ее как раз больше всех и боятся.

– Ну, я про это ничего не знаю. А еще он покинул этот свет без каких бы то ни было объяснений.

– Может, он решил, что пришла пора познакомиться поближе с эфирным миром, – ответила Бета и сказала, что ей уже пора поторапливаться. Ее не интересовали разговоры об отце и его гибели, а уж о его мошеннических делишках и подавно.

Конрауд остался сидеть на кухне и стал вспоминать, как его выгнали из Технологического училища, где он обучался типографскому делу. Он все больше скатывался в пьянство. Тянулся к дурному обществу. Один из его еще относительно приличных друзей срезался на экзаменах в пятый класс Рейкьявической гимназии, но активно участвовал в общественной жизни, и пригласил его туда с собой на спектакль. Там на сцене была девушка, сразившая Конрауда наповал. Он выяснил, что зовут ее Эртна.

Уже гораздо позже, после того, как отца Конрауда убили, а сам Конрауд покончил с пьянством и беспутной жизнью, он снова начал учиться в Технологическом училище, и она повстречалась ему – ясная как солнышко.

– Она у тебя сухая? – не стесняясь, сказала она, когда здоровалась с ним за руку.

– Она у меня меньше и слабее, – ответил Конрауд и добавил: – С рождения.

– А тебе не трудно? Для парня, который учится типографскому делу...

– Я не жалуясь, – ответил Конрауд. – Не знаю. Я ничего такого не чувствую.

– Конечно нет, – ответила она. – Ведь тебе сравнивать не с чем. А ты ей бороться можешь? – спросила она, выставляя на стол свою руку для армрестлинга.

– Ты меня на «слабо» берешь?

– А тебе слабо?

Так они и познакомились. Эртна была очень способной ученицей, она долго мечтала выучиться на врача, и это давалось ей легко. Он не понимал, что она нашла в нем в те годы, – но тотчас понял, что она была для него и свет, и жизнь, и сокровенная любовь.

Он считал, что никогда не сможет обмануть ее доверие, – но это он просто плохо знал самого себя.

31

Когда Конрауд ложился спать, ему позвонила Марта. Он подумал, что она хочет узнать, удалось ли ему выведать у Линды что-нибудь толковое. Но она звонила вовсе не для этого, а для того, чтоб рассказать ему удивительную историю.

Она собралась было уходить из своего кабинета, как ей передали, что в вестибюле стоит человек, желающий поговорить с начальником отдела расследований, с кем-нибудь, кому знакомо дело Сигюрвина, недавно найденного на леднике Лаунгйёкютль. Марта вышла и поздоровалась с посетителем, который сильно нервничал, спросила, чем может быть полезна. Тот спросил, могут ли они где-нибудь спокойно сесть, и Марта провела его в свой кабинет. Ей было не привыкать общаться с людьми, желающими поговорить с полицией о Сигюрвине, – да только такие разговоры обычно никуда не вели. Иные собеседники просто интересовались этим делом и выдвигали различные теории заговоров. Другие были просто странноватыми. Марте показалось, что Эйтль относится именно к этой категории, и она решила не тратить на него много времени: ей хотелось поскорее домой.

– Короче, – начал Эйтль, – мы на кухню новый гарнитур купили. Мы с женой.

«Это еще что?» – подумала Марта, поглядывая на свои наручные часы.

– Ну, не то чтобы очень дорогой, а так, из «Икеи». Я его сам собрал. Я же столяр.

– Ах, вот оно что. И как получилось?

– Отлично, – ответил Эйтль. Он был лет пятидесяти, в теле, с брюшком и толстыми мозолистыми руками ремесленника. – Старый-то у нас совсем пришел в негодность, а тогда как раз была эпоха экономического взлета. Денег у всех было немерено. И кредиты на все давали. Потребительские. А мы таких кредитов не брали. И машина у нас была – старый рыдван. А многие мои знакомые вели себя как полные придурки, все покупали, набирали кредитов...

– Вы же хотели что-то рассказать о Сигюрвине? – перебила Марта, стараясь не выглядеть слишком занудной. – Вы же за этим пришли?

– Ой, простите. Я просто хотел все точно передать. Надеюсь, это останется между нами, а дальше никуда не пойдет. Что вы на это скажете?

– Я до сих пор не понимаю, о чем у вас речь, – сказала Марта. – И не уверена, что когда-нибудь вообще это выясню, – тихонько прибавила она, снова посмотрев на часы.

– Что вы сказали? – Эйтль приложил ладонь к уху. – Я плоховато слышать стал из-за всех этих циркулярок и прочей фигни.

– Ничего. Продолжайте.

– Между мной и им был один собственник. Йоуханн его звали. Мы у него дом купили, все покрасили. Вселились и начали там по мелочи менять и улучшать то да се, как водится. А Фридни вечно твердила, что нам кухня нужна новая, и наконец мы ее взяли и купили.

– Фридни?

– Да, жена моя.

– Понятно, – сказала Марта.

– Я вам это рассказываю только потому, что его нашли на том леднике. А иначе мы вообще бы ничего не рассказали. Мне за это стыдно. У нас с Фридни это было как груз на душе. Нам этого нельзя было делать – а мы вот сделали и всегда считали, что лучше об этом

помалкивать. И никому не рассказывали. Мы... мы их попросту украли. Все как есть.

– Кого «их»?

– Да деньги.

Эйитль пожал плечами, словно сам недоумевал, как так получилось.

– Какие деньги?

– Которые мы нашли в старой кухне. Один миллион новехонькими тысячекроновыми купюрами. Он их тщательно запрятал в кухонный гарнитур перед тем, как исчезнуть. А лежали они в обычном целлофановом пакете.

– Кто «он»?

– Сигюрвин. Которого вы нашли. Это точно был не Йоуханн, который там жил до нас. Это были не его деньги. Мы у него это вывели, так, исподтишка. Фридни спрашивала. У нее очень ловко получилось.

– Сигюрвин? Какое отношение он имеет к этому?

– А я разве не говорил?

– Нет.

– Это был его дом. Он там жил, когда пропал! – сказал Эйитль, раздражаясь непонятливости Марты.

– Сигюрвин? Вы уверены?

– Да, сто процентов. Мы...

– Да?

– Мы их обратно уплатить не можем, – сказал Эйитль. – Их больше нет.

Конрауд молча выслушал рассказ Марты о визите столяра в полицию, – и эта история изумила его настолько же, насколько выбила Марту из седла.

– Сигюрвин спрятал у себя дома миллион крон?! – ошарашенно переспросил он.

– По всей видимости, да, – ответила Марта. – Но что... что они сделали с этими деньгами? Им не пришло в голову сдать их? Уведомить кого надо? Что это вообще за люди такие?

– Он этим был очень огорчен, мужичок этот. А его жена, Фридни, наверное, еще сильнее.

- А что они сделали с деньгами?
- Вложили в акции банка «Кёйптинг». У Фридни там родственник работал.
- И что?
- Во время кризиса они все сгорели.

32

Вечером следующего дня Конрауд припарковал машину у студии педикюра на улице Аурмули и прошел прямо в зал ожидания, где уже сидели двое мужчин и женщина. Он ждал Хельгу, и ему велели садиться. Посидев некоторое время без движения, он решил взять полистать глянцево́й журнал. Тот был старым, и писали в нем про развод какой-то пары, заведовавшей крупным предприятием, про корпоратив в медиаконцерне (с фотографиями людей, мелькавших по телевизору) и про открытие сыроедческого ресторана. В колонке «Светская жизнь» сообщалось, что некий крупный бизнесмен купил себе дом. Конрауд перелистал один за другим все номера журнала на столике, немного поглазел на жизнь людей, все время находящихся в свете софитов, – и ему самому стало немного стыдно за то, что он интересуется такими вещами.

Клиенты по очереди вошли в кабинет, а потом вышла одна сотрудница и спросила, не Эйрик ли он.

- Нет, – ответил Конрауд.
- У вас же мозоли? – спросила она.
- Нет, – ответил он, – и я не Эйрик.

Тут вышла Хельга, и он поинтересовался, могут ли они с нею поговорить наедине. Она спросила, зачем он пришел, и он сослался на Ингиберга, с которым она вместе училась, и упомянул наезд в Теневом квартале, имевший место несколько лет тому назад. Он, мол, не из полиции, но ему дали поручение рассмотреть ДТП с человеческими жертвами. Хельге стало любопытно, она вспомнила, что действительно училась вместе с парнем по имени Ингиберг. Она пригласила Конрауда в маленький кабинетик.

– Много же у вас сегодня дел, – сказал он, садясь, а она закрыла дверь.

– Людям хочется, чтоб ноги у них выглядели как следует, – она улыбнулась короткой улыбкой. – Но я не понимаю, как... почему вы

решили поговорить со мной... Что я могу вам рассказать?

– Не знаю, помните ли вы, но примерно семь лет назад на улице Линдартгата был совершен наезд на человека. Водитель скрылся. Жертва скончалась. Жертву звали Вилли, и это был друг Ингиберга. В тот вечер они ходили в спорт-бар, а домой пошли не вместе. С Ингибергом я уже поговорил. Он сказал, что в тот вечер видел вас в том же баре. С вами были две подруги. Он тогда немного выпил и собрался с вами поговорить, но так и не решился. Не факт, что вы это помните, но спросить вас я, вероятно, могу.

Во время этой тирады Хельга смотрела на него серьезным взглядом, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

– И что же?

– Что?

– Какое отношение это все имеет ко мне?

– Вы помните тот вечер? – спросил Конрауд.

– Ингиберга я помню, – ответила Хельга. – Но все было не совсем так, как вы рассказываете. Это ведь его версия случившегося? Я этого не забыла. Ингиберг в школе был просто несносным. Вечно щипался, неприличности говорил... Моя подруга там отмечала день рождения. Мы втроем пошли в ресторан. А потом решили пройтись по пабам и дошли до этого самого спорт-бара. Ингиберг был пьян в стельку, а на улице была жуткая метель. Вот эти две вещи я помню.

– И что там насчет Ингиберга? Что произошло?

– Он подошел к нам, но мы не захотели с ним разговаривать и велели оставить нас в покое. А он рассердился, стал обзывать нас шлюхами и все в таком духе, и мы еще раз попросили его оставить нас в покое. Я подумала, что он к нам полезет, но он взял и наблевал. Из него просто фонтаном хлынуло! Он успел подставить стакан, но кое-что пролилось на пол. Вот мерзость-то! Он так по-дурацки выглядел: рассказать – не поверите. Когда мы с подругами встречаемся, мы это часто вспоминаем.

– Мне он этого не рассказал, – заметил Конрауд.

– Что же тут удивительного: он, наверное, и сам не помнит. Он же совсем пьяный был.

– А вы с ним друг друга хорошо знали?

– Он со мной учился только в восьмом и девятом классе. Так-то я его толком не знала, – ответила Хельга.

– Вы помните, кто еще был в баре в тот вечер?

– Нет, – не задумываясь, ответила Хельга.

– А вы в то время следили за ходом дела в прессе? Об этом ДТП? Полиция искала свидетелей.

– Ничего подобного не знаю.

– У стойки бара сидели и разговаривали двое мужчин. Одним из них был этот Вилли. Его собеседник был в зимней куртке и шапке с козырьком. Его-то я и хочу разыскать. Я не знаю, как его зовут, и понятия не имею, кто он.

Открылась дверь, в проем просунула голову сотрудница студии педикюра и сказала, что уже все убрала и сейчас пойдет домой. Хельга ответила ей, что у нее здесь еще остались дела, и она сама запрет помещение.

– Не помню такого, – сказала она, когда та женщина отошла от двери. – Я поспрашиваю девочек, помнят ли что-нибудь они, только вот...

– Что?

– Боюсь, никакого толку вам от этого не будет.

33

На следующий день Конрауд позвонил другу детства Вилли, о котором ему рассказывала Хердис, – тому самому, который вспомнил, что видел внедорожник у цистерн на Эскьюхлид. Тот выразил готовность к сотрудничеству, и они решили встретиться в маленьком местечке на улице Аурмули, где он обычно пил кофе после работы.

Того человека звали Ингвар, он был малорослый и щуплый, с многодневной щетиной, и носил бейсболку, прикрывавшую обширную лысину. По профессии он был водителем грузовика и болтал без умолку, много рассказывал, как вырос в районе Хлидар, как играл на Эскьюхлид, болел за «Валюр», и о многом другом, что случайно взбрело ему в голову. Они сидели за маленьким круглым столиком и потягивали кофе. Местечко было уютное, а народу в нем мало: пока еще не начался вечерний наплыв посетителей.

Ингвар обладал феноменальной памятью на большие и мелкие события, касающиеся спортивного клуба «Валюр». Он помнил по именам всех игроков: и футболистов, и гандболистов, – далеко в глубь времен. Результаты матчей он помнил от сегодняшнего дня и до

тысяча девятьсот семидесятого года, мог назвать место «Валюра» в лигах во все периоды. Он знал, когда у игроков дни рождения, откуда они пришли в этот клуб и куда ушли из него. Он помнил крупные матчи и сам ходил на большинство из них, но помнил также и мелкие – даже те подробности, которых уже не помнили сами игроки. Он хвалился Конрауду, что часто посрамлял старых игроков «Валюра». Он знал состав семьи лучших игроков и то, состоят ли они в родстве с другими спортсменами, – их генеалогию он мог проследить до начала прошлого века. Конрауд увлекался футболом, и ему было интересно расспрашивать его о том о сем, что дано знать только ненормальным, – и всегда получал ответ. В делах «Манчестер Юнайтед» Ингвар разбирался также хорошо, как и в делах «Валюра». В том, что касалось результатов давних матчей английских команд и их кубков, он был прямо-таки экспертом.

Все это выяснилось, потому что Конрауд решил узнать, когда именно он видел тот внедорожник, а Ингвар ответил, что, наверное, ровно за неделю до того, как Вилли велели проваливать с Эскьюхлид. Потому что в тот самый вечер в феврале он был на матче «Валюра» и футбольного клуба Хапнарфьёрда во второй лиге в Хлидаренди и видел, как «Валюр» уделал этих хапнарфьёрдовцев. На матч он пришел с двумя приятелями, которых назвал по имени. Он вспомнил, с каким счетом закончился матч и кто забил больше голов, и прибавил, что у одного из команды «Валюр» был день рождения: ему исполнилось восемнадцать лет.

– То есть вы это помните с точностью до дня? – Конрауд был восхищен такой уникальной памятью на спортивные события.

– С точностью до дня, – торжествующим тоном ответил Ингвар.

Приятели остались довольны победой «своей» команды и по дороге на вершину Эскьюхлид вспоминали яркие моменты матча, силу нападающих, ловкость угловых. Ингвар стащил у отца сигареты, и они собирались выкурить их у цистерн.

– Нам этот джип показался просто обалденным, – вспоминал Ингвар. – Уезжал он с громким грохотом. Правда, мы на него особо не пялились. Я это просто вспомнил, когда беседовал с Хердис, мы разговаривали об этом трупце на леднике, о том, какую же надо иметь машину, чтоб вообще заехать на ледник. Вилли и раньше со мной это обсуждал. Он вспомнил матч в Спорткомплексе, а я посмотрел даты:

он проходил в тот самый вечер, когда исчез Сигюрвин. Мы решили, что это мощно. Конечно, времени с тех пор прошло изрядно, но датировка, в общем, точная.

– А вы можете назвать марку джипа, который видели?

– Я не заметил.

– «Форд Бронко»? – спросил Конрауд, вспомнив джип Хьяльталины.

– Скорее «Вранглер». Не знаю. На мой взгляд, я в машинах разбираюсь неплохо, особенно, конечно, в грузовиках, но тут я не заметил.

– А этот джип там был один? Водитель кого-нибудь ждал? А какого он был цвета?

– Когда мы пришли, он уже стоял у цистерн. Что было у него внутри, мы не увидели, неизвестно, был ли в нем кто-нибудь кроме водителя. И что он там делал, мы не знаем.

– Какие-нибудь особые приметы этого джипа вам запомнились?

– Ну, наверное, шины. Я его вообще из-за шин запомнил. Они мне показались просто огромными. Тогда же нечасто можно было увидеть такие специально оборудованные внедорожники. Это сейчас у всех жирные машины, завышенные, с разными прибабасами.

Ингвар почесал голову. Если в том, что касается всех других вещей, его память так же надежна, как в том, что касается матчей «Валюра», значит, его словам можно верить.

– А как вы думаете: это был тот же джип, что Вилли видел неделю спустя? Когда встретил того человека?

– Он сам считал, что это вполне возможно, – ответил Ингвар, – но уверен не был. Он не помнил, чтоб у того джипа, который видел он, были огромные шины. Не факт, что это один и тот же автомобиль.

Они еще немного пообсуждали джип и его шины, и выяснилось, что Ингвар помнит тот вечер на удивление хорошо. Не только из-за того, что тогда «Валюр» обыграл хапнарфьёрдовцев, или из-за того, что один игрок был именинником, а из-за того, что его отец недосчитался сигарет в своей пачке и выпорол Ингвара за кражу. Это был второй из тех двух раз, когда Ингвара отшлепали.

– Я пришел домой, и от меня пахло сигаретами, – вспоминал Ингвар, – и старик быстро смекнул, в чем дело. Он понимал, что сам курит много, и мне настрого запретил. Мой папа – он очень

пунктуальный. Два года в лиге мастеров. По футболу. Три гола забил. И все против акранесовцев.

34

Позже тем же днем у Конрауда была встреча со столяром и его женой, и ему рассказали новые подробности о кладе, который нашли супруги, когда наконец решили поменять кухонный гарнитур. Вся сумма, один миллион, была в нескольких пачках тысячекроновыми купюрами. Пачки лежали в целлофановом пакете, заткнутом между хлебопечкой и шкафом над нею: промежуток между ними был закрыт панелью под цвет дверей гарнитура. Пакет был с эмблемой супермаркета «Хагкёйп», сказала Фридни: она была явно рада, что наконец может облегчить совесть. Они стояли как приговоренные к смерти в своей кухне, красиво обставленной, с новой техникой и шкафами со стеклянными или деревянными дверцами. Судя по всему, на кухню здесь денег не пожалели.

– Хуже всего, если это просочится в газеты, – сказал столяр: он все еще думал о репутации своей и супруги.

– Вы точно знаете, что Сигюрвин жил здесь до вас?

– Да, – смущенно ответила Фридни. – Хотя они могли остаться и от Йоуханна. Никто их не забирал. Вот мы и оставили себе.

Ее прямота понравилась Конрауду, и он стал думать, как на их месте вообще поступали бы люди, если бы кому-то не хватало денег, и он вдруг нашел бы их в своей кухне – деньги, которые никто не спешит забрать. Фридни как будто прочитала его мысли.

– Я думаю, почти все взяли бы их себе, – сказала она. – Наверное, почти все поступили бы как мы. Правда-правда. Я думаю, что так. Мы же не хуже других, честное слово.

– Вы говорили с Йоуханном, который в свое время продал вам этот дом, купленный у семьи Сигюрвина?

– Да, я его подслушала, – ответила Фридни. – Он не понял, о чем я говорю. Но мы не сразу все потратили. Мы эти деньги стали хранить, потому что не знали толком, что с ними делать. Для нас это был какой-то шок. Вдруг – раз! – и находим такой пакет. Кто вообще такие суммы на кухне прячет?

– А потом мы хотели поговорить с вами, полицией, – прибавил Эйитль, – но как-то не получилось.

– А потом не успели мы оглянуться, как уже купили акции банка, – сказала Фридни. – И случилось с ними то, что случилось, и ни кроны у нас не осталось.

– Нам же придется это все обратно выплачивать? – спросил Эйтль.

– А вы знали, чьи это деньги?

– Разве не Сигюрвина? Нам ведь придется платить его наследникам?

– Нет никакой уверенности, – ответил Конрауд, – что эти деньги вообще принадлежали Сигюрвину, хотя это и вероятнее всего. Может, он прятал их для кого-то другого. Как там было на самом деле, никто не знает.

– Абсолютно то же самое другой ваш сотрудник сказал Эйтлю, – радостно выдохнула Фридни.

Он заметил, что супруги воспрянули духом. Когда он только пришел к ним, они были понурыми. Они показали ему, где были спрятаны деньги. Сейчас там стояла внушительная итальянская паровая печка. Эйтль сказал, что они ею вообще не пользуются. Фридни возразила: мол, иногда все-таки пользуются. Особенно хорошо в ней удавалась копченая свинина на Рождество, получалась такая сочная!

Конрауд смекнул, что тот «другой сотрудник» – эта Марта. Он рассказал супругам, что сам много лет расследовал дело Сигюрвина, а теперь он вышел на пенсию и занимается этим расследованием на досуге. Они это поняли.

– Вы правильно поступили, что связались с полицией сейчас, когда тело Сигюрвина обнаружили. Чтобы признаться в вашем поступке, вам потребовалось мужество.

– Нам показалось, что так будет правильно, – сказала Фридни. – У нас из-за этого на душе было скверно. И я вам скажу как есть: если бы мы нашли эти деньги сегодня, мы тотчас же заявили бы! Тотчас же.

– Вы не думайте, мы не воры какие-нибудь, – заверил Эйтль. – Просто так получилось. Что нам было делать?

– Значит, купюры были в целлофановом пакете?

– Да, – подтвердила Фридни. – Обычном пакете из супермаркета.

– Его вы, конечно, не сохранили?

– Мы его в мусор выбросили, – ответила Фридни. – И никому не рассказали.

– И зачем ему было держать дома столько деньжищ? – спросил ее муж.

– Это несчастливые деньги, – сердито возразила Фридни. – И хорошо, что они в кризис сгорели.

– А может, из-за них его и убили? – спросил Эйтль. – Могло такое быть?

Конрауд пожал плечами. У него были на этот счет догадки, но им было не место в этой шикарной кухне с итальянской паровой печкой у людей, растративших чужие деньги.

Он уже распрощался с супругами и сел в машину, как вдруг у него зазвонил телефон. Номер был незнакомый, и женский голос в трубке – тоже.

– Это Конрауд? – поинтересовалась она.

– Да.

– Это Хельга. Я поговорила с подругой, но она не помнит того человека, о котором вы спрашивали.

– Простите, кто это?

– Хельга.

– Хельга?

– Вы ко мне в студию заходили по этому поводу.

– Так вы из студии педикюра? – замялся Конрауд и наконец вспомнил свой визит к Хельге.

– Точно, – сказала Хельга. – Я помешала?

– Что вы, ничуть.

– В общем, она помнит тот вечер в спорт-баре, когда мы отмечали день рождения, но никакого человека в баре не помнит.

– Ну, значит, дальше разговора не будет. Я просто хотел спросить. Благодарю...

– Но у меня другое.

– Да?

– Она ушла домой раньше нас. И она вспомнила кое-что, что услышала на выходе из бара. Там какой-то человек в шапке, как вы описывали, стоял на улице и разговаривал по мобильнику. И она до сих пор помнит одну его фразу: она ее сильно напугала. Особенно тон, которым он ее произнес.

- А сам этот человек ей знаком?
- Совсем нет. И она не помнит, чтоб видела его в баре.
- И что же она услышала?
- Она только успела расслышать два слова, и он их так прошипел в телефон, таким яростным тоном, что она аж вздрогнула.
- И что это были за слова?
- «Убить его».
- Как-как?
- «Убить его». Вот что она услышала!
- «Убить его»?
- Да. Он это прошипел в телефон, и ее это так напугало, что прямо врезалось в память!

35

Три дамы неопределенного возраста сидели в парикмахерской и ждали своей очереди, листая старые журналы, посвященные сплетням да рекомендациям по стилю жизни. А еще двух дам уже обслуживала парикмахерша. Одна из них сидела у зеркала с полосками фольги в волосах и разговаривала о чем-то, что она называла «ундулированием», а другой мыли волосы. Войдя, Конрауд сразу понял, что худшего времени для визита выбрать не мог. Он уже собрался быстро сдать назад, как парикмахерша крикнула ему:

- Это вы, что ли, из полиции?
 - Уже нет, – ответил Конрауд. – Но когда-то я там работал. Я хотел поговорить... Вы Элиса?
 - Да, это я. Подруга Хельги. А вы, значит, тот самый Конрауд?
- Он кивнул.
- Она сказала, что вы интересуетесь тем человеком, который стоял на улице возле бара.
 - Правильно.
 - Это связано с каким-нибудь убийством?
 - Нет... там не ясно, связано ли это...
 - С убийством?

Три дамы посмотрели сперва на него, а потом на нее, синхронно, как тюлени в цирке. Дама с фольгой в волосах уставилась любопытным взглядом на отражение Конрауда в зеркале, а даме, которой Элиса мыла голову, было непросто его увидеть. И она, раз уж

ей больше ничего не оставалось делать, просто вытаращила глаза в пустоту.

– Наверное, я ужасно помешал? – сказал Конрауд. – Может, мне лучше попозже зайти?

– Да не стесняйтесь, все равно я собиралась кофе пить, – ответила Элиса, указывая головой в направлении каморки, в которой виднелась кофе-машина и бумажные пакеты из ближайшей булочной. – Садитесь вон там, наливайте себе кофе. А я скоро приду.

Дамы послали Конрауду сердитый взгляд, а он попытался приятельски улыбнуться им. Он не мог понять, вызвано ли их настроение тем, что его визит затянет их пребывание здесь на несколько минут, или тем, что его разговор с Элисой будет проходить с глазу на глаз, и они не узнают подробностей. Он готов был поклясться, что верно последнее. Дамы, судя по всему, никуда не спешили, а так и так запланировали провести большую часть дня в парикмахерской.

Конрауд уселся в каморке. Она была мала, но там помещались две табуретки и стол. На нем стоял кофейник со свежесваренным кофе. На стене висел календарь с накачанными мужчинами-моделями. Дверь была открыта, и Конрауд услышал, как Элиса разговаривает с молодой женщиной – судя по всему, своей коллегой. Она объяснила ей ситуацию и сказала, что собралась на перерыв. Затем она вошла в каморку к Конрауду и закрыла за собой дверь.

– А у вас всегда столько посетителей? – спросил Конрауд, только для того, чтоб не молчать.

– Да, эти душечки – они такие лояльные, они сюда любят заходить, иногда просто только затем, чтоб поболтать. Ужасные трещотки. Хельга мне говорила, что вы хотите разузнать про того человека, о котором я ей рассказывала. Это, что ли... какой-нибудь преступник?

– Да вот не знаю, – ответил Конрауд. – Я пытаюсь понять, что произошло в тот вечер в спорт-баре, куда вы с подругами заглянули и где, как рассказала Хельга, вы услышали слова этого человека. Мне стало любопытно.

– А это так важно? – спросила Элиса. – Сколько лет-то прошло...

– Я хотел бы разыскать его, если смогу.

– А он что-то натворил?

– Не знаю. Я над этим работаю для женщины, которая...

– Она родственница того сбитого мужика? – перебила Элиса. – Этого Вилли, про которого говорила Хельга?

– Она его сестра, – ответил Конрауд и подумал про себя, что если уж Хельга принялась распространять свою теорию заговора, то ее уже не остановить.

– И вы считаете, что тот, кого я видела, его и сбил?

– Учитывая, что вы от него услышали, вы так и не догадались связать это с гибелью Вилли?

– Нет. Мне и в голову не пришло. Ни на секунду. Я и не помню толком-то, что с ним случилось.

– Его сбили насмерть на улице Линдаргата.

– Да, это я знаю. Какую-то такую аварию я припомнила, когда Хельга мне рассказала, но в то время я не связывала одно с другим. Я хорошо помню тот вечер и парня – знакомого Хельги, который приставал и наблевал себе в стакан.

– Вы услышали два слова...

Тут дверь каморки открылась и вошла молодая женщина – коллега Элисы. Она спросила, каким составом та в прошлый раз окрашивала волосы Дисы. Элиса быстро ответила. Другая женщина – вероятно, та самая Диса, уселась на кресло у зеркала и ласково улыбнулась отражению Конрауда. Ему показалось, что она ему подмигивает.

– Надо бы тебе тоже подойти, – сказала молодая женщина, серьезным взглядом смотря на Элису. – Я тут одна не успеваю.

– Да, сейчас, – ответила Элиса.

Дверь закрылась.

– Вы услышали два слова, – повторил Конрауд.

– «Убить его», – произнесла Элиса и забеспокоилась, словно ей стало нельзя дольше разговаривать с Конраудом. – Я услышала от него эти два слова, когда проходила мимо. «Убить его».

– А как вы думаете, в какой связи он их сказал?

– По-моему, он это посчитал глупостью какой-то.

– Тот, кого вы видели?

– Да, тот, кто по телефону разговаривал. Он вообще прямо шипел. Как будто с кем-то ссорился.

– А как вы думаете, как звучала вся фраза целиком?

– Ну, не знаю. Может: «Не могу же я взять и убить его». Или: «Не можем же мы убить его». По-моему, он был против этого.

– А может, все было как раз наоборот: «Я могу взять и убить его», «Мы ведь можем и убить его».

– Вполне. Но все равно: он был возмущен или рассержен, он как будто ссорился с кем-то по поводу того, что ему делать.

– И этими словами заканчивалась его фраза?

– Да.

– А когда он это сказал, он посмотрел на вас?

– Нет. Вообще-то, я уже прошла мимо него, когда он это прошипел, и я оглянулась. А он стоял ко мне спиной и глаз не поднимал. Тогда я пошла прочь. Я даже не знаю, заметил ли он меня. Погода была плохая, а он повернулся к стене дома. Так что лица я не видела, и если я увижу его снова, то не узнаю.

36

Через десять дней после того, как отца Конрауда обнаружили убитым на улице Скулагата, самого Конрауда вызвали в полицию. Там с ним беседовал полицейский по имени Паульми. Он руководил расследованием дела и первым пришел к нему домой в тот судьбоносный вечер. Он был тихим, спокойным, выказывал Конрауду понимание и уважение – в отличие от полицейских, приходивших до него, на которых Конрауд в конце концов набросился, когда они с ненужной суровостью сообщили ему, что его отца убили близ Скотобойни. Конечно, Конрауд в тот день выпивал с друзьями и был в плохом настроении, когда вернулся домой, в свою подвальную квартиру, и застал у своих дверей полицию. Те двое полицейских порой бывали вынуждены иметь дело с его отцом и, кажется, не особенно огорчились, что его закололи.

Конрауду велели явиться в отделение полиции в переулке Поустхусстрайти, а когда он пришел, его встретил дежурный и попросил подождать у окошка. Ожидание длилось долго, и Конрауд заскучал и спросил, сколько ему еще ждать. Дежурный ответил ему: «Потерпите еще!»

Перед тем, как явиться в полицию, Конрауд проводил мать на автостанцию на улице Колькопнсвег. За несколько дней до убийства она приехала из города Сейдисфьёрда на востоке страны и жила у сестры. Там она познакомилась с хорошим человеком и заявила сыну, что вряд ли вернется жить в столицу. Бете в Сейдисфьёрде

понравилось, у нее там появились подруги. Мать зазывала на восток и Конрауда. Он там никогда не бывал. Никогда не навещал мать. В детстве отец запрещал ему это, а когда он стал старше и самостоятельнее, у него самого интерес уже угас. Зато мать сама приезжала в столицу, особенно в первые годы после развода, и тогда они виделись – но лишь на короткое время, и порой в это время отец стоял у них над душой.

Прощание на Калькопнсвег затянулось, и Конрауд почувствовал, что мать беспокоится. У нее был заказан билет на автобус до Сейдисфьёрда на дату, следующую за днем убийства. Когда ее автобус подъезжал к Блэндюоусу, его остановили и мать отправили обратно в Рейкьявик на допрос. Перед тем, как снова сесть в автобус на восток, она сказала сыну, что тогда полицейские проверяли, есть ли у нее алиби на тот вечер, когда был убит отец. А она сказала, что весь вечер пробыла у сестры и зятя.

– Скорее всего, тебя спросят о чем-нибудь похожем, – опасливо проговорила она, когда все, кроме нее, уселись в автобус. Водитель терпеливо ждал ее, сидя за рулем. Она как будто до последнего оттягивала признание в том, что переживает за него, – но в конце концов все-таки решила его сделать. Конрауд понял, что оно далось ей нелегко. Он еще раньше говорил ей, что в тот вечер, когда на его отца напали, был у друзей.

– Да, – сказал он. – Они так и спросили.

– А ты был у друзей?

– Да.

– Все правда так и было?

– Да.

– Точно?

– Мама!

– Прости, дружочек, я знаю, знаю, что ты бы ни за что так не поступил. Это все просто... так ошеломило: ты с ним, один, а он – таков, каков он был – и вдруг еще вот это... Это же запросто могли повесить на тебя.

– Все со мной будет хорошо, – ответил Конрауд. – Не беспокойся.

– А сейчас-то они от тебя что хотят? Зачем им тебя допрашивать?

– Не знаю.

Оклик дежурного вырвал Конрауда из его мыслей. Он прошел за ним по коридору в небольшую заднюю комнату. Там ему пришлось ждать еще полчаса, и вот наконец дверь открылась, Паульми поздоровался с ним и попросил прощения за то, что заставил ждать. В руках он держал бумаги, их он положил на стол и начал листать.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, пока искал нужный протокол.

– Вы, что ли, маму допрашивали? – спросил Конрауд.

Этот вопрос застал полицейского врасплох.

– Вы тут что, с ума посходили? – сказал Конрауд.

– Мы просто ведем расследование, – ответил Паульми. – Мы разговариваем с людьми. Задаем им вопросы, но это не значит, что мы их всех подозреваем. Вы это скоро поймете.

– Уж ее-то могли бы в покое оставить, – буркнул Конрауд.

– Спасибо за подсказку, – сказал Паульми, извлек из стопки нужный протокол и положил перед собой. – Согласно словам вашей матери, в тот день, когда на вашего отца было совершено нападение, вы с ней встречались в городе.

– Да.

– О чем вы говорили?

– Да не о чем особенном.

– Вы обсуждали вашего отца?

– Нет. Ей он не интересен.

– Насколько мы понимаем, вы вместе с отцом принимали участие в различных наказуемых деяниях, хотя сами не привлекались к ответственности. Это верно?

– Кто это сказал?

– Мы говорили со многими людьми, и они упомянули это. Значит, вы не покупали для него алкоголь и сигареты на военной базе в Кеплавике и не возили их оттуда?

– Нет.

– И не перевозили для него контрабандные товары, не договаривались об их покупке в Рейкьявикском порту?

– Нет.

– А также не привозили контрабандный алкоголь частным лицам и в рестораны Рейкьявика и области?

– С кем вы говорили? – спросил Конрауд.

– Как я уже сказал, мы собирали информацию в разных источниках, так что не волнуйтесь, – ответил Паульми. – Значит, вы отрицаете, что сопровождали своего отца, когда он угрожал человеку по имени Сванбьёртн, что покалечит его, а потом нанес ему телесные повреждения?

– Сванбьёртн его нагрел на большую сумму. И вы после этого поверите словам этого человека? Пусть он радуется, что там оказался я, иначе мой папа его бы вообще уколошил. А может, это он папу и убил? Вы его об этом не спрашивали?

– А из-за чего бы? Из-за этих драк?

– Ну, он мог подумать, что этот папа поджег его забегаловку, – ответил Конрауд.

– Почему вы так сказали?

– Сказал, и все. У него же был пожар?

– У Сванбьёртна была причина полагать, что в этом виновен именно ваш отец?

– Не знаю. Почему бы и нет.

– Что вам известно об этом деле?

– Я уверен, что он считает поджигателем именно папу, – сказал Конрауд. Он помнил, как однажды вечером отец вернулся домой с торжествующим видом: ему удалось взыскать со Сванбьёртна долг. В тот же вечер один из двух ресторанов должника подожгли. Отец не признал себя виновным, – но Конрауд был уверен, что знает, как все было на самом деле. Он считал, что тот долг выбили силой.

– А почему он должен так считать?

– Ну, считает, и все. Вы его самого-то спрашивали?

– Мы непременно спросим. – Паульми что-то черкнул на листке. – А вы сами? Чем вы занимались в тот день, когда был убит ваш отец?

– Я? – переспросил Конрауд. – Да ничем особенно.

В полиции его неоднократно спрашивали об этом, но другого ответа так и не получили.

– Мы поговорили с теми друзьями, у которых вы находились, когда было совершено нападение на вашего отца: их показания в большинстве деталей сходятся с вашими. Однако есть вероятность, что вы могли на какое-то время незаметно отлучиться. А еще вы могли попросить выгородить вас, если их спросят про этот вечер. Они не

самые надежные свидетели из всех опрошенных в ходе нашего расследования, а один из них уже имел дело с законом.

– Что за бред! – воскликнул Конрауд.

– О чем вы с отцом спорили? – спросил Паульми.

– В каком смысле?

– О чем вы поругались ранее тем же днем, в который его нашли убитым у Скотобойни?

– Да не ссорились мы, – ответил Конрауд.

Паульми полистал бумаги.

– Как вы, наверное, заметили, мы поговорили с вашими соседями, проживающими по той же улице, и двое из них заявляют, что за несколько часов до того, как ваш отец был обнаружен убитым, слышали из вашей квартиры в подвальном этаже громкую ссору.

– Это какая-то ошибка, – ответил Конрауд.

– Вы уверены?

– Да.

– Но вы оба в то время были дома. Вы сами нам раньше об этом сказали. И это было в последний раз, когда вы видели вашего отца.

– Да.

– И ссор между вами не было?

– Нет.

– Кто же тогда ссорился у вас в квартире?

– Не знаю.

– Вы с ним когда-нибудь ругались?

– Нет.

– У вас отношения всегда были хорошими?

– В целом, да.

– Вы бывали недовольны, что он заставляет вас выполнять его поручения?

– Я... я никогда и не выполнял его, как вы выражаетесь, поручений.

И в таком духе допрос продолжался два часа, пока Паульми не посчитал, что хватит. Конрауд крепко держался за свои показания и отрицал, что ссорился с отцом и занимался вместе с ним незаконной деятельностью. Паульми так и не смог заставить его показать другое – и он посчитал, что зацепиться здесь не за что, а значит, продолжать нет смысла. Алиби Конрауда прошло испытание. Его приятели сказали,

что он весь вечер неотлучно пробыл с ними. Ничто не указывало на то, чтоб они солгали.

– Я вижу, в глубине души вы неплохой человек, – заметил Паульми, когда допрос подходил к концу. – Вам пришлось выстоять в особенных и очень сложных условиях. Для вас наверняка было непростым испытанием – расти в доме такого человека...

– Значит, тут уже все? – спросил Конрауд и встал, чтоб уйти.

– По-моему, для вас это было не полезно, – продолжал Паульми. – Я общался с мальчиками, у которых ситуация такая же, и им плохо. По-моему, такая среда на кого угодно повлияет плохо, и вам предстоит трудная работа по ее преодолению.

Конрауд выскочил из комнаты, где проводился допрос, через двери на улицу, и поторопился домой в Теневой квартал. Полицейскому удалось задеть его за живое. Соседи порой слышали, как он орал на отца. Например, однажды они поругались из-за Сванбьёртна после того, как Конрауд сказал, что нельзя просто, как он, нападать на человека, избивать его, а потом поджигать его ресторан. Отец тотчас рассердился, и не успел Конрауд глазом моргнуть, как они уже орали друг на друга, отец обзывал сына «калекой убогим» и говорил, что его матери, пока она здесь жила, от побоев была только польза.

Конрауд солгал полицейскому, сказав, что именно в тот день, встречаясь с матерью, не говорил с ней об отце. И солгал, что они не ссорились, когда он пришел домой.

Тогда все закончилось тем, что он вылетел из дому, вне себя от ярости на отца, желая ему только одного – сдохнуть.

37

В клубе скаутов было собрание, Конрауд сел в коридоре и стал ждать, пока оно закончится. Он решил позвонить Марте, и она нашептала ему о том о сем, имеющем отношение к расследованию, словно Конрауд до сих пор был полноправным сотрудником полиции.

Ни Линда, ни Салоуме не знали ни того, что Хьяльталин и Сигюрвин прятали у себя дома большие суммы, ни тем более, того, зачем им было их прятать. Марта поговорила с ними обеими о деньгах, обнаруженных в бывшей квартире Сигюрвина, но они ничего про это не знали. Они не слышали о том, чтоб такая пачка купюр послужила причиной для ссоры партнеров по бизнесу, и не представляли себе, для

чего могли бы предназначаться эти деньги. По их словам, наркотики никто из тех двоих не принимал. Хьяльталиин употреблял алкоголь и порой сильно запивал, да и Сигюрвин тоже, но Линда заявляла, что, если б он стал принимать наркотики, она не могла бы не заметить – так что это исключено. Она не помнила, чтоб он занимался какой-нибудь деятельностью, открывающей возможности для нелегальной работы. Для сестры Сигюрвина обнаружение этих денег также стало полной неожиданностью.

Хотя времени с тех пор уже прошло много, имена Сигюрвина и Хьяльталиина еще раз разнесли по всем знакомым полиции в мире наркобизнеса, в надежде, что кто-нибудь вспомнит, что хотя бы одно из них (а лучше оба) связаны с какими-нибудь старыми историями, в которых фигурировала бы наркоторговля. И хотя тридцать лет назад уже было проведено тщательное расследование, не принесшее результата, Марта решила, что есть смысл попробовать снова.

– Привет, Конни, что в коридоре торчишь?

Мало кто называл Конрауда по уменьшительному имени. Он встал и поздоровался с тем, кто обратился к нему.

– Мне же сказали, что ты вроде на это собрание пошел? – ответил он.

– На все собрания не находишься, – ответил собеседник. Его звали Хоульмстейтн. Он занимал начальственную должность в скаутском движении и имел какие-то чины и звания, в которых Конрауд ни капельки не разбирался. Он был родственник Эртны – импозантный мужчина, высокий и красивый, возраст не портил его внешность. В скаутском движении он достиг многого и на своем веку старался спать с открытым окном, – если верить шуткам, которыми они с Конраудом перебрасывались при встречах. Это было единственное, что Конрауд знал из правил скаутов, и поэтому порой спрашивал того родственника, когда они виделись на семейных встречах, не надо ли открыть для него окошко.

– Это называется «натягивать лук братства», – сказал Хоульмстейтн, когда они сели в конторе скаутского клуба: его слова относились к собранию, которое все еще шло. Нежданный визит удивил его. Конрауд никогда не приходил к нему сюда, – но сейчас он объяснил, что хочет расспросить о Сигюрвине, который ведь когда-то был скаутом. От этого удивление Хоульмстейтна не стало меньше.

– На самом деле сейчас я расследую гибель другого человека, – пояснил Конрауд, разглядывая фотографии старых скаутских вожатых, улыбающихся ему со стен. – Ко мне обратилась одна женщина, которой захотелось узнать, связаны ли эти два дела между собой. Вот я и начал это рассматривать. На днях сестра Сигюрвина рассказала мне кое-что, чего я не знал: что он пошел было в скауты, но потом все бросил.

– Сигюрвин?

– Да.

Старый вожатый скаутов повернулся к компьютеру на столе перед собой.

– Я его не помню, – сказал он. – Но это не важно. Посмотрим-ка... Пару лет назад мы все архивы перевели в цифровую форму. Наверное, мне что-нибудь удастся отыскать про него здесь.

Конрауд посмотрел на свои часы. Других занятий для него все равно не было, тем более что общаться с вожатым скаутов ему было приятно.

Хоульмстейтн посерьезнел и пустился в рассуждения о том, как скаутская работа полезна в качестве подготовки к настоящей жизни – словно Конрауд был мальчиком, желающим записаться в отряд скаутов. Конрауд кивал головой. Он не стал говорить, что самому ему быть скаутом никогда не хотелось.

– Вот оно, – Хоульмстейтн наклонился ближе к экрану. – Конечно, я тогда был в Норвегии, – задумчиво проговорил он, – где провел три скучных года. Вы с Эртной ко мне туда никогда не ездили? Я там постоянно скучал.

– Ты видишь имя Сигюрвина? – спросил Конрауд.

– Да: вот он поступает к нам, и ему одиннадцать лет. Для большинства – это самое интересное время в скаутской организации, – сказал Хоульмстейтн, – но, по-моему, в данном случае это оказалось, что называется, «не его». Через два года он отвалился.

– А о нем есть какие-нибудь особые отметки?

– Нет, только это.

– А остальные, значит, продолжили? – спросил Конрауд. – Те, кто начал одновременно с ним? Стали вожатыми отрядов или как там это называется?

– Да, в то время пришла большая группа, и в ней было много способных ребят. Один из них, по-моему, был у нас в правлении. Лукас. Отличный парень. Не знаю, говорил ли ты с ним. Он переехал на восток страны. По-моему, он в Сельфоссе жил, не знаю, живет ли он там до сих пор. Он этого мальчишку может помнить. Я тебе распечатаю списки тех лет. Так пойдет?

– А с мальчиками в таком нежном возрасте поднимались на ледники? – спросил Конрауд. – В программе было предусмотрено что-то такое?

– Нет, – сказал Хоульмстейтн, потянулся к принтеру и включил его. – Ты спрашиваешь из-за Сигюрвина?

Конрауд кивнул.

– Нет, – повторил Хоульмстейтн. – Мы никаких походов на ледник не организовывали. Во всяком случае, я не припомню.

– Ладно, я только это, собственно, и хотел спросить.

– А как ты сам-то вообще, дружочек? – спросил Хоульмстейтн.

– Сам-то я отлично.

– На пенсии не скучаешь?

– Бывает иногда, – ответил Конрауд.

– Но ты ведь по-прежнему работаешь?

– Есть такое дело.

– Приходи как-нибудь к нам в скауты, – улыбнулся Хоульмстейтн. – У нас всегда найдется куча дел.

– Спасибо, не надо, – сказал Конрауд.

Сначала Конрауда позабавило, что метеоролог, с которым у него была назначена встреча позже в тот же день, носит имя Фрости^[24]. Но веселье улетучилось, когда тот оказался неприветливым, чванливым и крайне заносчивым юнцом. К немалому облегчению Конрауда, этот метеоролог раньше не видел его в полиции и начал расспрашивать его о том, что его не касалось: кто послал Конрауда да зачем ему нужны сведения.

– Кто послал? – удивился Конрауд. – Я сам по себе пришел. Этого не достаточно?

– И что вы собираетесь делать с предоставленными сведениями?

– Да ничего особенного. Мне нужны старые сводки погоды, я же не знал, что они у нас, оказывается, государственная тайна. Наверное, я

лучше кого-нибудь другого побеспокою ради этой мелочи.

– Старые сводки погоды, – как эхо повторил Фрости. – А в Интернете смотреть не пробовали? Там можно найти погоду за любой месяц, начиная с тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Или у вас Интернета нет?

– Мне нужен более ранний год.

– Более ранний?

– Вы хотите, чтоб я вам за это заплатил? Это не проблема.

– Нет, – вздохнул Фрости, сидящий в тесном и душном кабинете, и начал ворчать, что, мол, нельзя просто так прийти с улицы и получить все, что хочется. – Безвозмездно. О каком периоде у вас идет речь? – спросил он.

Конрауд уже готов был велеть собеседнику проваливать туда, где солнце не светит, – но все же не смог не улыбнуться такой неприветливости. Не каждый день он разговаривал с человеком, которому абсолютно наплевать, как он выглядит в глазах других, и который ведет себя, как ему заблагорассудится.

Конрауд назвал дату исчезновения Сигюрвина, а Фрости ввел ее в компьютер.

– Я, конечно, мог бы полистать наши справочники, но их явно уже оцифровали, – сказал Фрости, больше обращаясь к самому себе, чем к Конрауду. – У вас речь о Рейкьявике, да?

– Да, – ответил Конрауд. – для начала.

– А вы еще что-нибудь ищете?

– А вы уже нашли, что я просил?

– Хорошая погода для февраля, – сказал Фрости. – Минус три градуса, слабый ветер, собственно, почти штиль, видимость очень хорошая, без осадков. Просто отличная зимняя погодка. Вам этого достаточно?

– А около ледника Лаунгйёкютль посмотреть можете?

– Лаунгйёкютль?

– Да, на тот же день и следующие два-три.

– Какие у них там станции? – пробормотал себе под нос Фрости, вспоминая метеорологические станции возле ледника.

И снова он ввел данные в компьютер.

– Ума не приложу, зачем они силу ветра перевели в метрическую систему, – проговорил он ни с того ни с сего. – Вот зачем было все

менять?

Конрауд не нашелся, что ответить. С тех пор, как поменяли систему измерения, минуло уже очень много лет, и он лишь смутно помнил, как это критиковали, но не считал, что способен высказаться на эту тему. Поэтому он просто промолчал.

– Так... не... погода, – сказал Фрости.

– Не погода? А я же про погоду спрашивал?

– Вот я и говорю: непогода.

– Если не погода, то о чем же мы говорим? – не понял Конрауд.

Фрости посмотрел на Конрауда с глубоким отчаянием во взгляде.

– На леднике бушевала непогода, – медленно и четко произнес он, чтоб до Конрауда уж точно дошло, что он хотел сказать: погода на леднике была ужасная.

38

Возвратившись домой со встречи с метеорологом, Конрауд приготовил простой ужин и открыл бутылку хорошего тосканского кьянти – одного из любимых вин Эртны. Он поставил на кухонный стол свадебную фотографию, на которой они целуются, и зажег рядом с ней огарок свечи. Затем он отпил вина и включил диск с исландской поп-музыкой тысяча девятьсот семидесятого года. Воздух наполнили тихие мелодичные звуки.

Поначалу Эртна скрывала свою тревогу. Ей хотелось сперва точно все выяснить, а уж потом говорить с Конраудом и Хугоу. Для нее это было несложно: она была врачом, у нее было много друзей медиков и даже онкологов. Она обратилась к человеку, которому полностью доверяла, затем спросила мнение другого врача, незнакомого, а затем третьего – знакомого специалиста. После этого она уже никого не спрашивала.

Конрауд перемены не заметил. Он не обратил внимания, что она стала ложиться отдыхать днем, или что она похудела на несколько килограмм. Он не замечал тревоги на ее лице, когда заставал ее одну в ванной или на кухне. Сама она ни в чем не была уверена до первого обследования. Когда оно было уже позади и «приговор» оглашен, она пришла домой, откупорила бутылку красного вина и стала ждать Конрауда. Со смертью она имела дело с тех самых пор, как поступила на медицинский факультет. Она знала, что ей надо будет делать, как

она будет себя чувствовать, какова будет реакция близких, как в ее доме воцарится горе, как оно перекинется на жизнь ее любимых друзей, – до тех пор, пока все не минет и жизнь не потечет дальше без нее. Она думала о сыне, о внуках, о Конрауде – и беззвучно оплакивала свою участь.

Придя домой, он тотчас заметил: что-то не так. Она сидела одна в темной гостиной и попросила его не зажигать свет, а сесть с нею рядом. Налила ему бокал красного вина и рассказала, что сегодня получила окончательный результат анализов. Конечно, она может лечь на операцию по удалению самой крупной опухоли, может походить на лучевую и медикаментозную терапию, – но то все будет означать всего-навсего отсрочку неизбежного. Болезнь уже проникла в организм повсюду, и поделаться с нею ничего было нельзя.

Она не хотела пробуждать ложные надежды и рассказала все как есть, без утайки. Она не пыталась успокоить его, а была реалистична и описывала все с медицинской точки зрения. Да, ей хотелось бы уберечь его от таких новостей – но об этом не могло быть и речи. Чем раньше они смирятся с уже свершившимся, тем дольше смогут вместе наслаждаться тем, что им еще осталось.

– Не будем тратить время на ненужное, – сказала она, – нам это больше нельзя.

Он не понял ее слов сразу, все спрашивал да переспрашивал, все хотел узнать, как ей вылечиться, что они могут или могли бы еще предпринять, – а как же американские врачи, новейшие исследования? С каждым ее ответом он начинал понимать все больше – и вот он уже стоял безоружный перед лицом правды. Эртне оставалось жить всего несколько месяцев, в лучшем случае – целый год.

– Я в это просто не верю, – наконец простонал он. – Просто отказываюсь верить!

– Милый мой Конрауд! – произнесла она.

– И как ты только могла так спокойно это принять?

– Я хорошо пожила, – ответила Эртна. – У меня был ты, Хугоу, близнецы, любимая работа. У меня много друзей. Я достигла почтенного возраста. Я бы с радостью прожила еще двадцать лет с тобой – но не судьба. Мне не на что жаловаться. Весь вопрос в том, как на это смотреть, Конрауд. Я на это смотрю вот так и хочу, чтоб и ты тоже так смотрел.

– Так смотреть? – воскликнул Конрауд. – То есть мне просто смириться? И ты собираешься смириться?

– Это единственный вариант, – ответила Эртна.

– Должны быть и другие варианты, Эртна, наверное, это можно как-то победить.

– Нет, – ответила Эртна, – нельзя. Единственный способ победить смерть – это смириться с ней.

Он часто вспоминал, как они сидели в темноте гостиной и обсуждали весть о том, что Эртна обречена. Вспоминал, как мужественно она держалась, пытаясь облегчить его горе и тревогу, словно ее собственные чувства были второстепенны. Может, этому она научилась за годы работы врачом, при постоянной близости смерти. А может, будучи матерью, она научилась в первую очередь думать не о себе, а о других.

Дальнейшее произошло удивительно быстро. Они позвали Хугоу на разговор и объяснили ему ситуацию. Он выслушал это с холодным спокойствием врача, хотя ему и стало не по себе от известия, что его родная мать находится в таком состоянии и надежд на выздоровление нет.

Эртна отошла от дел, и Конрауд оставил работу в полиции и вышел на пенсию, и они все время проводили вместе. Он возил ее на природу, в длинные и короткие путешествия, где они ночевали в хороших гостиницах или на уютных хуторах. Они ходили в те места, куда раньше все время собирались, да так и не могли собраться. Она не хотела в хоспис – хотела провести последние дни жизни дома, в районе Аурбайр. Спальню превратили в больничную палату, где Конрауд и Хугоу день и ночь заботились об Эртне и давали ей морфий, чтоб она не мучилась понапрасну.

После ее смерти начались горестные дни, превратившиеся в недели и месяцы, которые дали ему понять, как же сильно его поддерживал сын – тот сам боролся с глубоким горем, но день и ночь хранил его благополучие, да таким образом, что он почти не замечал этого.

И вот, Конрауд остался в доме один: у него не было больше ни работы, ни супруги, он больше не обеспечивал семью. Словом, больше у него ничего не было. Его жизнь за короткое время так круто переменялась, что ему стало казаться – у него и жизни-то больше не осталось. Он бродил по дому – а там повсюду была Эртна:

фотографии, картины, книги, мебель – все принадлежало ей, каждая вещь навевала воспоминания об их совместной жизни. Он не хотел другой обстановки, но когда прошли месяцы, а ситуация осталась такой же, Хугоу стал предлагать ему что-нибудь изменить – вплоть до того, что предлагал продать дом и переехать на новое место. Конрауд и слышать об этом не хотел. Больше Хугоу о таком не заговаривал, почувствовав, что отцу нужно время, и больше не поднимал вопрос о переменах.

Конрауда ничто не подгоняло, кроме, очевидно, самого времени, и постепенно он снова стал собирать осколки своей жизни и выстраивать их в какую-никакую картину. Осколки не подходили друг к другу, самых важных фрагментов не доставало, и картина получалась не целостная. В ней были большие участки, которым будет суждено навсегда остаться незаполненными. Но в осколках проявился уклад жизни, сложившийся, когда Эртны не стало. Искоренить боль утраты было невозможно – но он научился жить с ней. Его мысли были очень привязаны к Эртне. Случалось, он забывался и собирался звонить ей на работу – а опомниться ему удавалось лишь, когда телефон уже был у него в руке. А когда ему сильнее всего не хватало ее, он почти ощущал ее присутствие и мог представить, что бы она посоветовала в связи с тем или иным, что лежало у него на сердце. Он неистово желал, чтоб она была рядом, неистово желал поговорить с ней, почувствовать ее близость – сильнее всего на свете желал побыть с ней хотя бы еще один-единственный раз.

Конрауд долго рассматривал свадебную фотографию. Он хорошо помнил тот поцелуй перед церковью. Все их поцелуй. Он потянулся в шкаф за другой бутылкой вина. Это вино было – австралийский шираз и называлось «The Dead Arm», или «Увядшая лоза». Эртна вычитала про него в каком-то журнале для гурманов, в исландских винных магазинах оно не продавалось, так что она специально заказала его. Она не смогла устоять, узнав, что лоза, на которой растут ягоды этого сорта, обладает странным увечьем, которое ей удалось обратить себе на пользу: когда она дорастала до определенной величины, одна ветка отсыхала и отваливалась. От этого здоровые ветви получали прилив сил, гроздья больше наливались и становились особенно мощными и насыщенными.

– Я не могла не купить это для тебя, – смеялась Эртна.

39

Конрауд какое-то время не заглядывал на улицу Линдоргата. Когда-то он был там частым гостем – и не только потому, что это были места его детства, а также и потому, что на этой улице располагался винный магазин, и он нередко делал там покупки. Тогда в этих магазинах не было самообслуживания, бутылки выдавал продавец, стоящий за длинным прилавком, и по вечерам в пятницу там всегда царило столпотворение, ведь на выходные все винные магазины закрывались. Культурное стояние в очередях было знакомо только по фотографиям из других стран. Конец очереди высовывался из дверей винного магазина прямо на тротуар, все лезли вперед, и давка возле прилавка была просто невыносимой. Продавцы выслушивали заказы клиентов, на которых напирала сзади, сновали взад-вперед за бутылками. Торговля пивом в ту пору была запрещена^[25], а культура потребления алкоголя, основанная на более изящном вкусе, по большому счету, не была знакома народу, – да и в ситуации, когда магазин вот-вот закроется, уже не до изящного вкуса! Тогда оставалось только одно требование: обслуживать побыстрее. Кто-нибудь кричал: «Две водки!» – и тянул купюры через прилавок. «Бреннивин!» – выкрикивал кто-то другой. «Две бутылки джина!» – и кулак с зажатыми деньгами вверх. «Какого сорта?» – «Да какого угодно! И одну бутылку бреннивина!» По сравнению с этим ажиотаж на нью-йоркской бирже казался тихой полуденной дремой.

Первые воспоминания Конрауда относились к Теневому кварталу. Он родился там в доме, который сейчас уже снесли, как и многое другое, связанное со старыми временами. Дутый экономический подъем предкризисных лет не пощадил этот квартал. Над детскими воспоминаниями Конрауда теперь высились бетонные дома поднебесной высоты – «кризисные» постройки, долго простоявшие пустыми при холодном северном ветре. В годы изобилия самая высокая цена за квадратный метр была именно в этих необитаемых домах. А сейчас все вновь вошло в привычную колею.

Конрауд остановился на пяточке, на котором сбили Вилли, и стал смотреть в даль улицы – до самых домов престарелых, выросших на месте Скотобойни. Отсюда до самого взморья тянулись его давнишние

места для игр. Зимой, когда выпадал снег, дети катались на санках с холма Артнархоуль. Летом они играли в прятки у Дома радио на улице Скулагата или пробирались во двор фирмы «Вёлунд», торгующей пиломатериалами, и залезали на высокие-высокие штабеля досок... Он подумал про себя, что такие места детства вовсе не надо считать хуже, чем какая-нибудь горная долина или обрывистый склон, только из-за того, что они располагаются в городе. Каждый раз, попадая на улицу Линдаргата, он преисполнялся чувства, что каким-то образом вернулся домой после бесконечно долгой дороги.

Недалеко от того места, где когда-то жил Вилли, вздымались к небесам высотные дома, словно мрачные отвесные скалы. Когда на Вилли наехала машина, ему оставалось дойти до дому всего пару метров. Движение на Линдаргате было односторонним, машина приехала с западной стороны. Если это был человек, с которым Вилли разговаривал в баре, то он, наверное, подождал его, заметил, как он выходит из бара и бредет домой сквозь метель. Он мог поехать за Вилли по пятам, скорее всего, по улице Квервисгата. Затем Вилли свернул на Линдаргату, вероятно, в переулки Ингоульвсстрайти или Смидьюстиг, а машина все ехала за ним. И так они добрались до улиц с более оживленным движением, и преследователь Вилли улучил момент, поддал газу и сбил свою жертву.

Пусть видимость была и плохая, пусть джип был огромный и мощный – трудно представить себе, чтоб водитель совсем не почувствовал, что сбил человека. Так что гораздо легче было вообразить, что на Вилли наехали нарочно. Но в сознании у Конрауда дремала и другая версия: что за Вилли никто не ехал по пятам из самого центра города, а что водитель – был ли он пьян или трезв – промчался по Линдаргате, превысив скорость, сшиб Вилли, не заметив его, и скрылся с места происшествия.

В этой связи были опрошены жители окрестных домов, но они не смогли пролить свет на это происшествие. ДТП произошло глубокой ночью, и все жильцы крепко спали. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Конрауд увидел, как по улице к нему направляется человек – и тотчас узнал его. Это был его старый товарищ по играм, с которым он долгое время не виделся, разве что мельком замечал его в толпе в винном магазине по пятницам. Его имя было Магнус, а в старые

времена его называли Магги Пепси. Конрауд не знал, сохранилось ли за ним это прозвище, а спросить – в те немногие разы, когда их пути пересекались, – стеснялся. Магги был упрям как черт. Однажды Конрауд видел, как он, пересиливая себя, пожирает сырой лук, который ребята стащили из магазинчика Лулли, – потому что поспорил на десять эйриров, что съест. Самым ярким воспоминанием о Магги Пепси было – когда у того по щекам струились слезы, а он с завидным упорством все уплетал этот лук.

– Так это же Конрауд! – воскликнул Магги, подавая ему руку. – Зачем ты снова пришел в старые места?

Конрауд поздоровался с ним. Они были сверстниками, возможно, Магги на пару лет старше. В юности он был застенчив и замкнут, быть может, от того, что сильно заикался. Тогда он жил один с матерью в красивом опрятном доме на Линдартате – и сейчас продолжал жить там же. Его мать давно умерла, и Магги после этого так и остался одиноким, не стал никуда переезжать из квартала и так и не встретил свою «истинную любовь», с которой мог бы вместе состариться. Когда-то он пробовал искать ее, но его мать сильно придиралась к его избранницам, и на все попытки заставить ее делить сына еще с кем-нибудь, только фыркала. Магги оказался каким-то недостаточно напористым, не сумел настоять на своем, и вот – после ее смерти остался одинок.

– Ты все тут живешь, – заметил Конрауд.

– Да, и никуда не перееду, – ответил Магги. – А ты просто пришел на старые места поглядеть?

– Есть такое дело, – ответил Конрауд. – Давненько я сюда не заглядывал.

– Даже не знаю, что я здесь до сих пор делаю, – сказал Магги, вытирая каплю из-под носа рукой. – Ей-бо-богу, все же разъехались. Только я остался.

– Наш квартал сильно изменился.

– Да. Здесь жи-жить невозможно! Где раньше стоял винный – там теперь квартиры для студентов и такой гвалт! А еще по эту сторону улицы вот такие громадины до самого моря. Ты же помнишь, какой вид открывался из этих домов: на залив, на острова, на Эсю. А сейчас у нас это все отняли и взамен нагородили эти сте-сте-стены. Кому вообще в голову приходит отгораживаться такими стенищами от

других? Строить высотки у подножья холма, чтоб они отбрасывали тень на жизнь окружающих?

– Здесь земля считалась хорошо подходящей для застройки, – сказал Конрауд, лишь бы не молчать.

– Да пропади они пропадом! Идиоты проклятые!

– Это точно, – согласился Конрауд.

– Ничего больше нет, все сгнуло: Скотобойня, «Вёлунд», «Домик Квельдульва», Дом радио, магазинчик Лу-Лу-Лулли и другие все магазины... Один Национальный театр остался, но в него я не хожу.

– А скажи-ка мне: ты помнишь ДТП на этой улице несколько лет назад?

– ДТП?

– Наезд на пешехода, который...

– Это ко-ко-когда Вилли погиб?

– А ты с ним был знаком? – удивился Конрауд.

– Немного, он тут не так давно жил, – ответил Магги. – Пару раз я с ним разговаривал. Если спросишь, это был отличный парень. А того, кто его сбил, так ведь и не нашли?

Конрауд помотал головой.

– Ты ничего не заметил тогда? – спросил он.

– Н-нет, – ответил Магги. – Вигга рассказывала, что это она нашла его. Ну, ты ее помнишь.

– Да, Виггу помню, – сказал Конрауд, и в его памяти встала женщина, жившая в обветшавшем доме, которую он в детстве всегда боялся. Она всегда ходила как нищенка: прохудившиеся кофты, надетые одна на другую, седые всклокоченные пряди во все стороны – и суровое выражение, никогда не сходящее с лица. Она, наверное, еще и побывала в этом страшном месте – Клеппе^[26]... Ребята старались, чтоб их мяч не залетал к ней во двор. Некоторых ребят она наказывала прямо на тротуаре перед домом за ничтожную вину – или вовсе без вины. Если в квартал забредали чужие ребята, продающие по домам значки, и по незнанию стучались к ней, – они запросто могли получить пощечину и целый поток ругани. Бывало, она утаскивала детей к себе и читала им нотации. Все это настроило ребят из квартала против нее, и они стали дразнить ее, обзывать, бить у нее стекла или звонить в дверь и убегать. А однажды сарайчик, стоящий вплотную к ее дому, подожгли.

– На самом деле я к ней недавно заходил, по делу, – сказал Конрауд: к Вигге он обращался в связи с событиями военных лет, в которых был замешан его отец. Он не припоминал, чтоб имя Вигги фигурировало в полицейских протоколах того ДТП.

– Н-ну, она, родимая, летом умерла. Несколько лет провалялась в доме престарелых, и мозги у нее окончательно поехали.

– Значит, умерла старушка? – переспросил Конрауд. До него эти известия не доходили.

– Оповещения о похоронах не было, – сказал Магги. – Я в этом доме престарелых сказал: когда помрет, пусть свяжутся со мной, ведь у нее самой никого нет. Так что я это все ус-ус-устроил, как говорится. Она хотела, чтоб ее сожгли. Прах теперь в колумбарии на Фоссвогском кладбище. Представь себе: дожить до таких лет и все время ругать все во-во-вокруг. Она же, родимая, до ста лет совсем чуть-чуть не дожила!

– В полицейском протоколе об этом ДТП ее имени нет.

– Они про нее не знали. Она никому ничего не сказала. Только мне рассказала два го-года назад, когда я ее навестил и речь у нас зашла об этом наезде.

– И что она рассказала?

– Это все было довольно туманно. Мне этот Вилли просто на язык по-подвернулся. Он жилье снимал по соседству с ней. Оказывается, она его помнила. Сказала, что обнаружила его на тротуаре. Что-то в таком духе. Не зна-знаю, стоит ли ей верить.

– И что?

– И все.

– Она сказала, что обнаружила его на тротуаре?!

– Ну, я точно не помню, но примерно как-то так она выразилась.

– А она ему помогла? Поговорила с ним?

– Мне больше ничего не удалось от нее добиться. У нее, бедняжки, с головой не в порядке было. Совсем не понимала, где находится. Она вокруг себя всяких су-существ видела, они к ней являлись...

– А о чем вы разговаривали с Вилли? – спросил Конрауд. – Это ты помнишь?

– Да о футболе. Он, как и я, болел за «Валюр». Но это были рядовые, ничем не примечательные ра-разговоры. Хороший парень. Грустно, что с ним так вышло.

Двое старых приятелей детства немного помолчали.

– Ты ведь насчет своего папаши так и не вы-выяснил? – спросил Магги.

Конрауд посмотрел на него.

– Нет.

– Очень странное дело.

– Да, очень странное, – согласился Конрауд, надеясь, что Магги больше не станет развивать эту тему.

– А ты про Полли слыхал? Он по-помер, – ни с того ни с сего сказал Магги, спеша поделиться новой мыслью, пришедшей ему в голову. – Сердечный приступ. Он толстый был – поперек себя шире. Я с ним в старые времена на Слипе работал.

– Полли?

– Ты его разве не помнишь? У него все зу-зу-зубы однажды оказались выбиты. Он сказал, что с лестницы упал. Вы ведь с ним вместе учились?

– Да, одну зиму. А потом он бросил. Так он умер? А когда это произошло?

– Примерно две не-недели назад. Вы же не особо дру-дружили, да?

– Нет, – ответил Конрауд. Он отлично помнил Полли, который был с ним в одной группе в реальном училище: крайне назойливый тип. – Она же была в нашем квартале самой старой жительницей? – перевел он разговор снова на Виггу.

– Да, бе-без сомнений.

– С Виггой мы тоже не особо дружили, – заметил Конрауд.

– Нет, она вредина была, – Сагги шмыгнул носом, и вдруг Конрауд ясно увидел перед собой, как он стоит на заднем дворе на Линдаргате и ест краденый лук на пари в 10 эйриров, и вот у него по щекам начинают струиться слезы...

Конрауд был уверен, что те десять эйриров ему так и не заплатили.

В конце концов он не смог сдержаться:

– А ты по-прежнему пьешь пепси, Магги? – задал он свой вопрос.

– Ах, пепси? – переспросил Магги. – Да, она лу-лучше всего.

40

Вечером Конрауд нашел музыку тысяча девятьсот восьмидесятых годов, которую Хугоу загрузил для него на планшет – свой подарок отцу на Рождество. Пока песни звучали на весь дом, он набрал

съестного в холодильнике, уселся с тарелкой за кухонный стол, – а его мысли в этот момент были далеко. Он давно не заходил в свой старый квартал, и мыслями все еще был там, на Линдаргате, с Магги и другими друзьями детства, родителями и старушкой Виггой. Линдаргата для него всегда была где-то рядом, и какие бы тревожления ни происходили на свете, пространство Теневого квартала в какой-то степени всегда оставалось его миром. Переклички работников Скотобойни, разряженная публика у Национального театра, запах древесины у «Вёлунда», суэта на центральных улицах, моряки в порту, – в его сознании этот мир детства был всегда рядом, и он мог заглядывать туда, сколько ему вздумается. Неважно, сколько высоток там понастроили, и во сколько этажей – им ни за что не отбросить тени на его родной квартал.

Частью этого мира была и Вигга. Как-то зимой под вечер Конрауд, подзуживаемый друзьями, решил сыграть с ней шутку. Он подкрался к ее входной двери по обледенелому крыльцу, дважды пнул ногой дверь, с быстротой молнии соскочил с крыльца – и угодил прямо в объятия Вигги. Она возилась в сарае на заднем дворе, подошла к Конрауду сзади и цепко ухватила его. Конрауд так перепугался, что подумал – он сейчас обмочится и тем самым опозорится до конца. Вигга держала одной рукой фонарик, а другой вцепилась в плечо Конрауда.

– Совсем совесть потерял! – прошипела она.

Он оцепенел от ужаса и не сопротивлялся, когда она утащила его за дом, распахнула дверь сарая, бросила его внутрь и заперла дверь. В сарае стояла крошечная тьма, так что ко всем остальным несчастьям мальчика сейчас прибавился еще и страх темноты.

Он услышал сердитый голос Вигги:

– Ну вот, теперь и сиди тут всю ночь!

И она ушла.

Унижение было окончательным. Недолго пробыв в этой темноте, Конрауд почувствовал, как что-то теплое стекает вниз по ногам прямо в ботинок. Ему было семь лет, он оцепенел от страха и дрожал как осиновый лист.

Остальные ребята быстро сбегали за его матерью, она поговорила с Виггой, вызволила сына из заточения и долго уговаривала его не дразнить бедную женщину, которой и так приходится туго: она

потеряла ребенка, и в жизни на нее постоянно нападали, вот она и считала нужным отбиваться.

– Ребенка? – переспросил Конрауд.

– Да, и с тех пор ей приходится туго.

Могло ли быть так, что Вигга подошла к лежащему на улице Вилли еще до того, как его, мертвого, обнаружил прохожий и сообщил в полицию? Ведь он все время был ее соседом. Он был немного знаком с Магнусом, жившим на другой стороне улицы. Могло ли также быть, что Вигга вышла на тротуар сразу после ДТП? А может, она своими глазами видела это происшествие? И водителя видела? Но не позвонила ни в полицию, ни в «Скорую помощь». Иначе в полиции знали бы про нее. Она явно не пыталась занести Вилли в дом. Зачем же она тогда вышла?

Вилли умер у нее на руках?

А может, это все фантазии? Она наврала Магнусу? По крайней мере, те, кто расследовал наезд на Вилли, упустили из виду, что Вигга – потенциальная свидетельница. Этому Конрауд не особенно удивился, потому что Вигга ни на кого не обращала внимания, и на нее никто не обращал внимания. Конрауд знал, что старуха непредсказуема. Могло быть и так, что полиция разговаривала с ней, как и с другими соседями по той улице, но она ничего не сказала. А возможно, ее просто посчитали ненадежным свидетелем. Люди, не знакомые с Виггой, не желали тратить на нее больше времени, чем требовала необходимость.

Конрауд решил позвонить сестре. После нескольких гудков Бета сняла трубку, и он рассказал ей про Магги и про его беседу с Виггой, и про то, что Вигга умерла.

– Надо же, умерла бедняжка! – воскликнула Бета. Она всегда защищала Виггу, не участвовала в розыгрышах над ней, а напротив, призывала ребят пожалеть одинокую женщину.

– Возможно, она последней видела Вилли, о котором я тебе рассказывал.

– Которого сбили на Линдаргате?

– Вероятно, она увидела, что произошло, и вышла к нему. Во всяком случае, она сказала, что обнаружила его на тротуаре. Она это Магги рассказала, ты его помнишь, Магги Пепси.

– Магги? А он до сих пор там живет?

– Да. Он немного общался со старушкой. Ей уже за девяносто было.

– И он считает, что Вигга видела, как его сбили?

– Она на это намекнула.

– И видела, кто это сделал?

– Наверное, но ты же помнишь, какая она была – немного не в себе.

– Вигга была хорошая. Ко мне она всегда по-доброму относилась.

А вот ты у нее от страха штаны намочил.

– Да я же не прямо у нее был, – ответил Конрауд. – Она меня в сарае заперла.

– Этот Вилли ведь строил какие-то теории заговора насчет дела Сигюрвина?

– Да, и делился ими с кем попало. Он же свидетель. Хоть и плохонький – зато свидетель! И раз уж он каждому встречному-поперечному из спорт-бара рассказывал, что он там видел, немудрено, что это могло привести к некоторым последствиям.

– Ты хочешь сказать, что его сбил кто-то, кто имеет отношение к исчезновению Сигюрвина?

– Я тут немножко развлекался такой версией, но сомневаюсь, что мы это когда-нибудь выясним.

– Разве за этим не стоит какое-то чудовищное отчаяние? Если уж человек прибегнул к такому способу?..

– Да, как я представляю себе, такого человека должно ужасно далеко занести.

– Конечно, когда у тебя на совести исчезновение человека, это не полезно для здоровья.

– Вот именно, что нет. Сколько ведь сил тратится на то, чтоб годами и десятилетиями скрывать такую тайну, и как от этого на душе скверно!

– Ты надеешься, что в конце концов он сам сознается? Не вынесет мук совести? Такие случаи бывали.

– Некоторые к такому относятся легко. А некоторых совесть мучает.

– А еще ты и сам знаешь, что смерть Вилли не обязательно связана с Эскьюхлид, – сказала Бета. – Ты просто хочешь, чтоб это было именно так. Хочешь верить в теорию заговора. Косвенные связи.

Совпадения. Слова, оброненные в баре, и приведшие к гибели. В этом ты весь. Рассуждаешь как полицейский.

– Должен же кто-то так рассуждать!

В гостиной замерли звуки последней песни. В доме воцарилась тишина.

– Просто удивительно, как ее дети дразнили, – сказала Бета.

– А что мама говорила про Виггу: она вроде ребенка потеряла?

– Да. Мама это как-то выяснила, уж не знаю, как. Ведь они с мамой подругами не были. Мама говорила, он у нее умер от какой-то детской болезни. А больше она про это ничего не знала. Знала только, что у Вигги был ребенок и умер в раннем детстве, и что для нее это стало тяжелым ударом. Она от того так и не оправилась.

– Разумеется.

– Да, разумеется.

41

Они распрощались, Конрауд поставил новую музыку и собрался было открыть бутылку вина, как зазвонил телефон. Это была Хердис. Она попросила прощения за то, что так поздно беспокоит, а Конрауд ответил: «Ничего страшного, время еще детское».

– Я просто хотела узнать, есть ли что-нибудь новенькое?

– Я вам как раз собирался звонить завтра с утра, – сказал Конрауд. – Вы не помните, Вилли когда-нибудь упоминал старушку, которая жила рядом с ним на Линдартате? Ее все звали Вигга.

– Вигга?

– Одинокая, жила одна, такая резковатая. Интересно, он ее когда-нибудь при вас упоминал?

– Такая, со странностями?

– Так вы ее знали?

– Да не особо. Он когда-то говорил о своей соседке, сказал, что она очень старая. Но как ее звали, я не помню. Я с ней не встречалась.

– Но с ним она немножко знакома была?

– По-моему, да. А что с ней?

И Конрауд рассказал ей, как наведалься в Теневой квартал, и как Магги передал ему слова Вигги о том, что она нашла Вилли, когда его сбили. Хердис молча слушала его рассказ. Для нее было новостью, что, вероятно, кто-то был рядом с ее братом в его смертный час.

– Это правда? – спросила она.

– Это вероятно.

– А почему она не позвала на помощь? В полицию не позвонила?

– Вигга была особенная женщина, – сказал Конрауд. – Не факт, что все ее слова – правда. Не факт, что она видела это ДТП, и что она вышла к Вилли – тоже не факт. Но это могло и произойти. Не надо исключать ничего.

– Значит, он умер не в одиночестве?

– Не исключено, что она была рядом с ним. Но не исключено также, что, когда она подошла, он уже был мертв.

– Не знаю... Так странно через столько лет это услышать!

– Да уж, могу представить.

– А почему она про это сразу не рассказала?

– Как я уже говорил, она с особенностями.

В разговоре возникла пауза. Конрауд понимал, что Хердис требуется время, чтоб принять то, что он сообщил о ее брате и Вигге.

– Я в связи с этим всем думаю об одной вещи, – наконец произнесла она.

– И о чем же?

– Если за этим ничего не стояло, если Вилли погиб просто из-за случайности, то почему водитель не стал ему помогать? С его стороны это было просто глупо!

– Не знаю.

– Может, он бы успел его спасти. Почему же он этого не сделал?

– Потому что он как раз хотел его сбить, – ответил Конрауд.

– И это единственное объяснение?

– Наверное, это единственное толковое объяснение.

Конрауд налил в бокал вина и, попивая его, стал вспоминать прошлое. В школе его обычно не дразнили из-за сухой руки, но бывали и исключения, особенно, когда он пошел в реальное училище. А сейчас, когда он услышал о смерти Полли, на него нахлынули воспоминания.

Он не рассказывал отцу о Полли и неудобствах, которые он доставлял Конрауду – а проще говоря, грубой травле. В те годы слова «буллинг» еще не было. Конрауд пытался не обращать на него

внимания, но не получилось, потому что Полли вскоре начал проявлять к нему особый интерес из-за его руки.

Полли было новичком в классе для отстающих – трудный подросток из Кеплавики, недавно переехавший в подвальную квартиру в Тингхольте с родителями и двумя сестрами. Он был большим, сильным, от природы глупым и на удивление быстро обратил внимание на увечье Конрауда.

Вначале Полли как будто собирался подружиться с Конраудом, но тот не дал себя провести и сразу почувал, что новенького скорее надо опасаться, – и он не пожелал с ним общаться. Это лишь разожгло азарт Полли, но подлизываться к Конрауду он больше не пытался. В один прекрасный день после занятий он встал перед Конраудом и попросил показать сухую руку. Конрауд не удостоил его ответом и собрался пойти дальше своей дорогой, но Полли столкнул его на тротуар и спросил: «А мозги у тебя тоже высохли?». Разница в силе у них была значительная, и Конрауд отступил. Но это было только начало. После этого Полли не давал ему прохода: дразнил, обзывался, зажимал в углу и беспощадно лупил, не давая опомниться. Порой Конрауд возвращался домой в порванной одежде, с разбитым носом или с синяками, но он не жаловался, не ябедничал на Полли, а если его спрашивали, придумывал какие-нибудь другие причины. Так продолжалось всю зиму.

Полли дразнил и бил не только Конрауда. Он особенно любил во дворе училища стаскивать штаны с тех, кто не мог дать ему отпор, а однажды на уроке плавания сдернул с Конрауда плавки и столкнул его голого в бассейн, а сам стал торжествующе размахивать этими плавками как трофеем, чтобы все видели унижение Конрауда. Когда никто не разделил его восторгов, радость победы у Полли несколько поутихла, и он выкинул плавки в мусорное ведро, где они и лежали, пока одноклассник не вытащил их оттуда и не принес Конрауду в бассейн.

Так это и продолжалось: рукоприкладство, пинки, ругань, – пока в один прекрасный день они не пошли на урок физкультуры. Конрауд задержался в душевой, как порой бывало, потому что ему нравилось долго стоять под струей воды. И вдруг перед ним вырос Полли, совершенно голый, и спросил, не хочет ли он потрогать у него между ног. Конрауд не ответил и собрался быстро прошмыгнуть в раздевалку,

но Полли схватил его, стал удерживать, щупать и тереться об него – пока Конрауд не улучил момент и не ударил его по лицу. Полли разжал объятья, и Конрауд высвободился. Он собрался выбежать со своей одеждой в охапке в коридор, но тут в дверях появился дежурный и спросил, что он так мечется да почему он до сих пор копается в раздевалке, когда все уже ушли, и велел поскорее одеваться. Полли затаился в душевой, а Конрауд сказал, что забыл про время, быстро оделся (в свитер он влезал уже на бегу в коридоре) и со всех ног помчался домой.

Конрауд понял, что этому нужно положить конец, и никто здесь ничего не сделает кроме него самого. Вскоре после происшествия в душевой он тайком залез в отцовский ящик с инструментами, нашел там большой разводной ключ, взвесил в руке и решил, что он годится. Затем он пошел из Теневого квартала на холм Скоулавёрдюхоульт, где жил Полли, и стал следить за его квартирой. В тот раз Полли не вышел, и на следующий вечер тоже, а на третий день, когда Конрауд проторчал перед домом целый час, двери открылись, Полли вышел из подвала и пошел через весь холм в сторону Хлемма^[27]. Погода была холодная, мела метель, и Полли быстро шагал в зимней мгле.

Конрауд пошел за ним по пятам и в той части холма, где темнота была гуще всего, окликнул Полли. Тот остановился, обернулся – и очень удивился, увидев, что на него смотрит в упор калека-слабак. Он не успел спросить: «Чего ты тут шляешься?» – потому что Конрауд, ни говоря ни слова и не мешкая ни секунды, приблизился к нему, сжимая ключ в здоровой руке, и без предупреждения нанес мощный удар по лицу. Удар пришелся по щеке, да так, что кожа лопнула, а Полли взвыл от боли. Это нападение было неожиданным, яростным, Полли было больно, и он никак не мог защититься. Конрауд ударил его ключом по коленке, так что тот упал и, не успев и глазом моргнуть, получил еще удар по лицу, над бровью. От этого он снова упал ничком и ударился головой о камень. Конрауд быстро ударил его в четвертый раз – прямо в середину лица. Этот удар был самым мощным, он пришелся на полуоткрытый рот, почти лишил Полли сознания и выбил ему шесть зубов.

Лежа на земле в полубессознательном состоянии, Полли стонал от боли, а Конрауд напоследок пнул его и спокойно зашагал в Теневой квартал, где смыл с ключа кровь, насухо вытер его и положил обратно

в ящик с инструментами. Отец когда-то научил его двум правилам, позволяющим одержать победу в драках с превосходящей силой противника. Первое: по возможности захватить противника врасплох, чтоб он растерялся, когда его атакуют. Второе: не колебаться и не мешкать, и отделать противника так, чтоб он век помнил.

Когда у Полли спросили, где он так поранился, он ответил, что упал. С той поры он больше никого не доводил в училище, а весной и вовсе ушел оттуда.

42

Конрауд проснулся с головной болью. Накануне он выпил целую бутылку, открыл другую, выкурил множество сигарилл и переслушал еще больше песен и наконец заснул на диване в гостиной, среди ночи проснулся и перешел в кровать. Заснуть опять ему так и не удалось, он принял снотворное и после этого успокоился.

Уже перевалило за полдень, когда он не спеша поехал снова в Сельфосс, где у него была назначена встреча с Лукасом – единственным, кто, как говорил вожатый скаутов, был в скаутском отряде вместе с Сигюрвином. Конрауд не очень точно изложил ему свою цель, сказал что-то общее насчет старых товарищей по скаутскому движению – и упомянул Сигюрвина. Лукаса его запрос удивил: ведь ему, как и другим, дело Сигюрвина было известно, – и он назначил Конрауду встречу в одном кафе в городе. Конрауд вовремя подъехал туда и припарковал машину у здания. Уютное помещение наполнял аромат кофе и свежесдобитого хлеба. Конрауд вошел и осмотрелся. В этом часу посетителей было мало. Из-за одного столика поднялся человек, подошел к нему и поздоровался.

Они сели за стол со своим кофе. Как и вся страна, город Сельфосс и его окрестности сильно пострадали в кризис. Там была безработица и жители испытывали трудности, пока не развилась туристическая индустрия и жить не стало полегче. Лукас промаялся без работы два года, у него отобрали дом за долги, они женой жили на маленькой съемной квартирке, принадлежавшей одному ее родственнику, – рассказывал он Конрауду. Но потом дела поправились, он отучился в школе гидов, какое-то время возил по югу Исландии автобус с туристами, и работы у него хватало.

Лукас прихлебывал кофе. Конрауд хотел угостить его кусочком торта или бутербродом, но он отказался. Внешность у Лукаса была топорная, волосы русые, всклокоченные, лицо широкое, а одежда такая, какую, по представлениям Конрауда, и носят гиды: плотная зимняя куртка и альпинистские ботинки. По его словам, он родился и вырос в Рейкьявике, начал ходить на киносеансы «Христианского общества молодых людей», а оттуда была прямая дорога в скауты.

Лукас сказал, что о скаутском отряде у него остались теплые воспоминания – и тут оказалось, что ему очень нравится вспоминать то время. Он признался, что до мозга костей столичный житель и все хочет переехать обратно в Рейкьявик, но цены на жилье там – «неадекватные». Ему часто приходилось бывать в столице по делам, но надоело постоянно мотаться туда-сюда, особенно зимой, когда над страной бушевали циклоны и он рисковал застрять на пустоши Хетлисхейди в буран.

– Со мной так случалось не однажды и не дважды! – с улыбкой говорил он.

Они спокойно пили кофе и некоторое время болтали о проходимости дорог и ценах на жилье, и о том, каково было детство в Рейкьявике в старые времена, и как изменился город, – а потом Конрауд снова перевел разговор на скаутов.

– У нас на всю эту униформу просто средств не хватало, – улыбаясь, вспоминал Лукас. – На гольфы эти зеленые кусачие, скаутские шапочки и прочее. В Первый день лета^[28] мы обычно маршировали – на морозе, а на День независимости при дожде. Но было весело. Походы были интересные. И люди там были все добрые. У меня о скаутах остались только хорошие воспоминания.

– Я общался со старым вожатым, Хоульмстейном...

– Ах, старик Хоульмстейн!

– Он мне рассказал, что вы были в одном отряде с Сигюрвином, который, правда, в скаутах надолго не задержался.

Лукас посмотрел на Конрауда.

– Простите, вы в полиции не работали?

Конрауд кивнул.

– То-то мне ваше лицо показалось знакомым, – сказал Лукас. – Я вас помню из новостей, когда по телевизору показывали про это давнишнее дело. Вы до сих пор там работаете?

– На самом деле уже нет, – ответил Конрауд, – но я расследую другое преступление, которое может быть с ним связано, – добавил он, не вдаваясь в подробности.

Но Лукасу хватило и такого ответа.

– Сигюрвина я немножко помню, – сказал он, – наверное, в основном, из-за одного происшествия с ним. Как вы сами сказали, он в скаутах надолго не задержался, но мы с ним были в одном отряде, и насколько я помню, парень он был хороший, разве что немножко застенчивый, и чувствовалось, что все эти скаутские дела ему быстро наскучили. Но в наш коллектив он влился хорошо. У нас там были Гунди, Сигги и Эйоульв, и... А потом он бросил, и...

– А после этого ваши пути не пересекались.

– Нет, я его больше не встречал. Только видел фотографию в газетах в то время, когда он был в розыске. Этот их бизнес, и этот друг его... это же все из-за него, да? Вот деньги из человека такого дурака способны сделать! Мы сами это на собственной шкуре почувствовали, и еще как! Вся наша страна.

– А вы и дальше остались в скаутах?

– Да-да. Некоторые из нас там остались подольше, и кое у кого это плавно перетекло в работу в спасательном отряде, – хотя я там долго не пробыл. Мои приятели пошли в спасательный отряд в Рейкьявике, а я не мог: я в довольно молодом возрасте получил работу на торговом судне. А потом сошел на берег, переехал сюда, недолго просидел в правлении скаутской организации, и если здесь что-нибудь будет происходить – то вот он я. Я им всегда говорю, что в случае чего мне можно звонить. Если им людей не будет хватать.

– А кто-нибудь из этих мальчишек потом стал увлекаться джипами? Вы не помните?

– Джипами? Нет, такого не припомню.

– А у кого-нибудь из них был большой джип?

– Да ничего у этих мальчишек не было.

– А позже? Когда Сигюрвин пропал? Вплоть до две тысячи девятого года?

– Вполне могло быть, просто я их не настолько хорошо знаю. А почему именно две тысячи девятый?

– Это связано с одной маленькой деталью нашего дела, – ответил Конрауд. – У спасательных отрядов ведь наверняка были мощные

джипы с рациями и прочим.

– Конечно.

– И с большими антеннами?

– Да. Для поисков на высокогорье оборудование должно быть хорошим.

– А на ледниках?

– Да, разумеется.

Посетителей в кафе прибавилось. Собеседники допили свой кофе, и у Лукаса зазвонил телефон. Его ждала группа туристов. Они распрощались на улице, Конрауд побрел к реке Эльвюсау, протекавшей неподалеку, и стал глядеть на бурлящие волны. Этот поток завораживал – а из уроков географии Конрауд помнил, что его исток находится на леднике Лаунгйёкютль. Он смотрел на ледниковую реку, и его мысли уносились на высокогорье, где во льдах все эти годы покоилась тайна, и в памяти у него до сих пор была свежа застывшая ухмылка Сигюрвина, когда того наконец спустили с ледника, – словно он смеялся ему в лицо.

43

По дороге в Рейкьявик Конрауд позвонил Марте и попросил сообщить ему имя полицейского, который вел расследование гибели Вилли. Марта раздраженно поинтересовалась, зачем ему это, а Конрауд ответил, что ему нужны сведения о том о сем в связи с расследованием.

– О том о сем? – уточнила Марта.

– Да, общая информация.

– Например?

– Например, с кем они разговаривали и каков был результат.

– Никакого результата они не добились, – ответила Марта.

– Это-то я знаю. Я просто хотел бы с ним самим побеседовать. Это же ничего?

– Это был твой друг Лео.

– Лео? Тогда не удивительно, что дело развалилось.

– Вот не надо так. Будь с ним вежлив. Он бедняжка, только что из клиники вернулся.

– Я с ним хочу просто побеседовать. Не беспокойся. Да сколько раз он вообще в клинику-то ложился! Почему на таких типов вечно

приходится бюджет тратить!

– Твое добросердечие просто поражает, – сказала Марта. – Только не цепляйся к нему из-за того, что он пьющий.

– Не обещаю, – ответил Конрауд.

– Вот именно этого я и боюсь, – и с этими словами Марта повесила трубку.

Позже в тот же день Конрауд застал Лео, выбегающим со двора отделения полиции на улице Квервисгата. Конрауд окликнул его, но, когда Лео его заметил, он сделал вид, что не слышит и направился дальше на улицу Скулагата. Конрауд пустился за ним и нагнал его у Дома масонов. Он знал, что Лео ходит в ложу и смекнул, что он торопится туда на собрание.

– Лео, ну что ты, я же с тобой только поговорить хотел! – крикнул Конрауд.

Лео не ответил и не остановился – Конрауду пришлось схватить его за руку.

– Мне тебя кое о чем спросить надо, – сказал Конрауд. – А ты себя ведешь все время как дурак!

Лео повернулся к нему.

– Что тебе нужно? – спросил он. – Тебе какие-нибудь старые алкаши еще что-то наплели?

– Несколько лет назад на Линдаргате был совершен наезд на человека и водитель скрылся с места происшествия. По-моему, то дело расследовал ты. Жертва ДТП скончалась, звали его Вильмар.

– Ты же вроде уже на пенсию вышел? – спросил Лео, отдергивая руку.

– Да, но я...

– Да. Мне с тобой говорить не о чем! – отрезал Лео. – Отстань!

Он собрался подняться на крыльцо Дома масонов, но Конрауд преградил ему дорогу.

– Ты когда-нибудь разговаривал с пожилой женщиной, которую называли Вигга, и которая проживала на Линдаргате?

Лео остановился. Его лицо буквально излучало недовольство.

– Ты помнишь, чтоб ты говорил с пожилой женщиной? – спросил Конрауд.

Лео собрался было оттолкнуть его не глядя, но Конрауд стоял твердо. Он ожидал, что возникнут трения, и его бывший коллега не

обманул его в этих ожиданиях. Когда-то они были друзьями, но уже не дружили.

– Да не помню я никакой старухи на Линдаргате, – зло проговорил Лео. – Отстань от меня!

– Она свидетельница, – сказал Конрауд. – Как тебя угораздило ее пропустить?

– Не знаю я никакой старухи-свидетельницы с Линдаргаты, – ответил Лео. – О чем ты говоришь вообще?

– Она нашла жертву того ДТП лежащей на улице, – ответил Конрауд. – Как ты мог это пропустить?

– Ничего про это не знаю.

– Да уж, не удивительно. Ты это дело не хотел доводить до конца.

– Ври больше! Меня этим враньем уже не удивить.

– А как же водитель? Почему вы его не смогли разыскать?

– Ну что за вопросы! Не собираюсь я перед тобой оправдываться.

– Как был организован поиск? Чем вы руководствовались? С кем разговаривали?

– О чем ты? Ты и сам все знаешь! Что за идиотские расспросы!

– С кем вы разговаривали?

– Со всеми, кто был важен, – ответил Лео. – И не надо передо мной задаваться. У тебя для этого оснований нет.

– Ну, может, и нет, но я-то думал, что дело на Линдаргате было несложное.

– Мы... вот не знаю, зачем я тебе это все говорю... мы опросили всех, кто неоднократно был задержан за езду в пьяном виде. Мы получили описание пары-тройки машин, замеченных в окрестностях в ту ночь, но данных было слишком мало. Погода скверная, видимость плохая, народу на улице почти не было. Мы побеседовали с несколькими автовладельцами, но с них спросу не было: машины у них были в порядке, и они могли точно рассказать, когда и куда на них ездили.

– Вы рассматривали возможность, что того человека могли сбить нарочно?

– На это ничто не указывало. Ничего. Да и с чего бы это?

– Разве ты не должен знать лучше, чем я? – спросил Конрауд. – Не я же это расследование запарол. И не я принудил старика оговорить Хьяльталину! О чем ты думал вообще?

– Мне сказать тебе? Хочешь узнать? – прошипел Лео. – Это ты все расследование запарол! Хьяльталин угрожал Сигюрвину. Он последний видел его живым. Сигюрвин пропал после их ссоры на стоянке. Так что это задачка простая как дважды два. Нам пришлось оживить это дело, ведь в твоих руках оно совсем заглохло. Нам нужно было кого-нибудь арестовать. Чтобы не выглядеть совсем уж полными неудачниками.

– И что? По-твоему, решить дважды два – это то же самое, что бросить человека в тюрьму?

– Его убил Хьяльталин. А ты запорол все расследование. Других подозреваемых ведь и не было. Смирись уже с этим. А Линда была соучастницей. Он у нее в тот вечер не был, как она сейчас утверждает. Врет она. Они оба хотели разделаться с Сигюрвином. Он хотел отомстить, а она, убрав мужа, осталась с прибылью. Все эти годы они скрывали, что были в сговоре, и после этого не могли нигде показываться вместе. Но они как будто не все продумали до конца – в нашей-то маленькой стране. А все остальное у них шло как по маслу. На месте Марты я бы ее уже давно в тюрьму законопатил!

Внутри у Конрауда бурлила ярость.

– Хьяльталин тебя очаровал, и нам всем это известно, – продолжал Лео. – Не знаю, как ему это удалось, но он нашел к тебе подход, у тебя отказала логика, и ты его отпустил. Он с ней тебя одурачили, Конрауд. Провели как младенца!

– Перестань горячку пороть! – воскликнул Конрауд, вне себя от гнева.

– А ну, замолчи! – сказал Лео, отпихнул его и толкнул тяжелую дверь в здание масонской ложи.

– А может, когда его сбили, ты выпивал, и тебе было неохота заниматься этим как следует? – спросил Конрауд. – Тогда понятно.

– Заткнись! – прошипел Лео, побагровев.

– Ну, хорошо тебе повеселиться в своей ложе! – крикнул Конрауд. И в ту же секунду дверь захлопнулась.

44

Последнее, что они делали вместе – ездили на Сельтъяртнарнес наблюдать лунное затмение. Тот год был богат всплесками сейсмоактивности и необычными природными явлениями. Маленькое миленькое извержение на Фиммвёрдюхаульс было лишь предвестником другого, гораздо более масштабного извержения на Эйяфьятлайёкютле, парализовавшего авиасообщение во всей Европе. Оно сопровождалось обильными выпадениями пепла и наводнениями. Завершился год лунным затмением рано поутру под зимний солнцеворот. Эртна лежала дома, прикованная к постели, но потребовала свозить ее посмотреть затмение – и Конрауд, как всегда, поспешил исполнить ее желание.

Она стала очень слаба, и Конрауд помог ей дойти до машины. Он заранее прогрел машину печкой, потому что холод в том декабре был пронизывающий. Ветер какое-то время дул с севера, мороз сковал плотным покровом улицы и площади. Промерзшая земля хрустела под ногами. Небо было ясным, и они четко видели полную луну, плывущую высоко в западной части небосвода, пока ехали вниз с Ауртунской горки. На луну начала наплывать красноватая тень Земли, и когда они въехали во мглу на мысу, ночное светило заволокло необычным красным мраком.

Он не стал заглушать мотор джипа, потому что хотел оставить печку включенной, но фары погасил. На мысу они были не одни. Другие люди тоже уехали подальше от ярких городских фонарей, чтоб посмотреть затмение. Кое-кто установил у себя на машине небольшой телескоп и навел на луну. Другие, не боящиеся холода, стояли впереди на приливной полосе. Вокруг джипа завывал ветер. Чем дольше они сидели, привыкая к темноте, тем лучше раскрывалось перед ними звездное небо – море света из глуби времен.

– Хочу на улицу, – попросила Эртна.

– Эртна! – возразил Конрауд.

– Мне нужно на улицу.

– Эртна, там слишком холодно. Не надо было тебя сюда привозить.

– Я ненадолго. Ну, пожалуйста. Совсем на чуть-чуть. Через стекло машины смотреть на затмение смысла нет.

Он сначала колебался, но в конце концов уступил ей и вышел из джипа. На нем была теплая зимняя куртка, а на голове шапка. Эртна также была укутана в теплую куртку, на ней были шапка с наушниками, хороший шарф и теплые варежки. Конрауд открыл пассажирскую дверь, обнял Этну, вывел ее из джипа здоровой рукой и повел на приливную полосу. Там он усадил ее и попытался укрыть от северного ветра. Из темноты доносился шум прибоя. Эртна долго глядела на луну, превратившуюся в темно-красную розу на ночном небосклоне. Впервые с тех пор, как она рассказала Конрауду о своей болезни, он увидел, что она плачет.

Он взял ее на руки и понес ее слабое изможденное тело назад в машину. Двигатель он не выключал, так что в джипе было тепло и уютно. Он осторожно усадил Эртну на переднее сидение.

– Спасибо, Конрауд, спасибо за все, – еле слышно произнесла она.

Они продолжили сидеть в машине, и ветер выл вокруг нее, и на мыс приезжали все новые желающие посмотреть, как курсируют по своим древним орбитам небесные светила. Тень утратила свой красный цвет, потемнела и поползла дальше по лику луны. Круглый силуэт Земли стал медленно-медленно опускаться, пока не превратился в крошечную дугообразную полоску и не скрылся с глаз, и луна вновь не стала целой.

Когда на рассвете они собрались домой, Эртна сказала, что лунного затмения под солнцеворот не бывало с самого семнадцатого века и не предвидится в ближайшие сто лет. Она была тронута тем, что они провели вместе тот миг, когда время было разом и днем, и вечностью.

Конрауд вывел машину со стоянки задом. Эртна крепко спала: подействовал морфий. Он не спеша поехал домой, а когда припарковал машину у их дома в Аурбайре и собрался помочь супруге выйти, она уже была мертва. Конрауд долго сидел в машине неподвижно и лишь потом осторожно расстегнул на ней ремень безопасности, на руках внес ее в дом, положил на кровать и сказал ей то, что забыл сказать в машине по дороге домой: как описывается луна в одном стихотворении: это пряжка ночи, подруга влюбленных.

Тот день был самым коротким в году – и при этом самым длинным в жизни Конрауда.

Длился он всего четыре часа двенадцать минут.

И целую вечность.

45

Ее звали Паулина, работала она водителем такси и была задержана за езду в состоянии алкогольного опьянения на улице Фраккастиг в тот вечер, когда сбили Вилли. Через два года ее лишили прав за наезд на пешехода, которого она к тому же оставила лежать на дороге без помощи. Через некоторое время после наезда ее застали дома, и она созналась во всем. Количество алкоголя у нее в крови зашкаливало. Она отправилась лечиться от алкоголизма и с тех пор не прикасалась к спиртному.

Так она рассказала Конрауду – и явно гордилась тем, что ей потребовался лишь этот единственный «пинок», а так она справилась со своей зависимостью более-менее самостоятельно. Она почти не ходила на собрания «Анонимных алкоголиков», от силы два раза, не

общалась ни с каким куратором. Конечно, порой у нее возникало желание, ведь у всех так бывает, но снова запивать всерьез она не собиралась.

Несмотря на свою словоохотливость, она так и не рассказала, отчего стала пить без меры, – да Конрауда это и не касалось, – наверняка против нее объединенными силами выступили время и привычка. Зато она описала, как обычно пили во времена ее детства: тогда были только крепкие напитки, и по всему городу валялись пьяные.

– Разумеется, – задумчиво произнесла Паулина, – культура питья в нашей стране находилась на нуле.

– Она и сейчас недалеко ушла, – согласился Конрауд.

– Я всегда считала, что могу абсолютно все контролировать, что справлюсь с этим, но первое, чему учат, когда ты идешь лечиться – это что алкоголизм контролировать невозможно и что сам человек тут ни в чем не властен. А я такси водила! Понимаете! И иногда даже под градусом! Я просто считала, что мне это раз плюнуть. Ну и дура же я была!

Паулина была четвертой, с кем беседовал Конрауд после того, как Марта по телефону сообщила ему сведения из расследования Лео. Она составила список тех, кого видели в окрестностях Теневого квартала в вечер гибели Вилли. Конрауд пообещал отнестись к этому расследованию как к убийству и сердечно поблагодарил ее. В последнее время он не разговаривал с Мартой о своих собственных разысканиях, понимал, что у нее и без него хлопот много, и не хотел беспокоить полицию из-за мелочей, возникавших у него на пути. Он пообещал своей давнишней коллеге сообщить, если наткнется на что-нибудь действительно стоящее внимания.

Первый, с кем говорил Конрауд, в тот памятный вечер угнал машину сына и чуть было не угодил в аварию на Квервисгате. Во встречной машине сидели муж с женой, возвращающиеся с вечеринки, и им пришлось вырулить на тротуар, чтоб избежать столкновения. Несмотря на плохую видимость, они записали номера и сообщили о небрежном вождении. Водитель (его звали Оумар) при этом не остановился, а поехал дальше, и его нашли позже тем же вечером у автостанции. Но он не помнил, чтоб проезжал через Линдаргату.

Он любопытствовал, почему Конрауд решил покопаться в том через столько лет, Конрауд начал объяснять, но водитель не слушал, стал раздражительным, сказал: «Что за бред вообще!» – и захлопнул дверь у него под носом. Конрауду показалось, что от него пахло спиртным.

Собеседник номер два был не так разговорчив, как Паулина, отнесся к Конрауду с подозрением и все без конца выпрашивал о его целях. Конрауд ответил как есть: что он ищет водителя в связи с ДТП на улице Линдаргата семь лет назад по поручению сестры человека, который погиб в результате этого несчастного случая – если это и впрямь был несчастный случай, и что водителя, виновного в ДТП, до сих пор не нашли, а сам он работает с новыми показаниями по этому делу и хочет вновь побеседовать с теми, кто в свое время имел к нему отношение.

– Значит, вы не из полиции? – спросил тогда тот человек. Его звали Тоумас, а жил он в переулке Ингоульвсстрайти. Соседи видели, как в ту ночь он сел в свой джип в самый поздний час, поехал в сторону Теневого квартала и, как показалось тому соседу, весьма суетился. Когда с Тоумасом разговаривал Лео, тот заявлял, что ездил в гости к женщине из восточной части города. Он назвал имя той женщины, и она подтвердила его показания. На его джипе никаких следов не было.

– Нет, это... расследование личного характера, – ответил Конрауд, – я в полиции больше не работаю, если для вас это важно.

– Тогда мне с вами и не нужно разговаривать.

– Как хотите.

– Тогда до свидания, – сказал Тоумас.

– У вас был джип...

– До свидания, – повторил Тоумас, прикрывая дверь.

– Вам здесь есть что скрывать? – спросил Конрауд, удивляясь его реакции. Он стоял на лестничной клетке в обшарпанной многоэтажке и вел разговор сквозь полуприкрытую дверь. Не успел он закончить эту фразу, как собеседник захлопнул двери перед ним.

Такой же прием Конрауд получил и у третьего, хотя тот и вел себя вежливее. Его звали Бернхард, жил он в таунхаусе, и его Конрауд также застал дома. Когда тот человек узнал, по какому вопросу к нему обращаются, что его хотят расспросить насчет наезда на Линдаргате несколько лет назад, он ответил, что в свое время уже дал на этот счет

показания, про это ДТП ничего не знает, – и вежливо, но твердо сказал: «До свидания». Конрауд мог его понять. Он сам вел бы себя точно так же, если б к нему в дверь позвонил кто-то незнакомый и изъявил желание поговорить о таких серьезных вещах. Того человека видели едущим по улице Скулагата в восточном направлении: так показал добровольно вызвавшийся свидетель, который хотел поймать попутную машину, чтоб в метель выехать из столицы, но тот водитель, ехавший прямо, не стал останавливаться. Что было в салоне его машины, свидетель толком не разглядел и не мог сказать, был ли водитель там один – а вот номер частично запомнил: в нем было три семерки. Тогда тот водитель ответил, что ехал вместе с женой и что никаких неприятностей в дороге с ними не случилось.

Разговор с Паулиной был совершенно иного рода. Она пригласила его к себе, отлично поняла, зачем он пришел, и на его вопросы отвечала бойко. По спорт-барам она не ходила, джипа у нее никогда не было, человека на Линдаргате она точно не сбивала, и никогда не состояла в спасательном или скаутском отряде. Зато ее любопытство не знало пределов, и она так и эдак выпрашивала Конрауда, что он разыскивает. Конрауд ловко избегал прямых ответов и дивился ее настойчивости, которой, впрочем, вскоре нашлось объяснение, одновременно простое и понятное.

– Понимаете, я детективы читать обожаю, – призналась Паулина, – а ведь не каждый день удастся пообщаться с настоящим полицейским из отдела расследований.

– Ах, вот как, – равнодушно произнес Конрауд.

– Так что... по-моему, это как раз интересно. Встретиться с вами, и... а то дело, Сигюрвина, когда-то не вы расследовали?

Они сидели одни в кафетерии логистической компании, где трудилась Паулина. Она работала в конторе, за руль, по ее словам, больше не садилась. Она предложила ему кофе, который он охотно взял, и печенье с кремом, от которого он отказался. Времени у них было немного: ведь работа на предприятии кипела, и в коридоре Паулину ждал водитель грузовика, которому было пора выезжать в город Хёпн в Хортнафьёрде.

– Так и есть, – ответил Конрауд.

– Вы к нам из-за него пришли?

– Нет, причина другая, – сказал Конрауд, сам не зная, правда ли это.

– Загадочное дело, – заметила Паулина. – А тот, кого вы ищете, – он ездил по городу в то же время, что и я?

– Это одна из наших версий.

– Я эту аварию на Линдаргате плохо помню, – задумалась Паулина. – Наверное, в новостях про нее много писали, но я, конечно, в это время пила, причем сильнее, чем вообще когда-либо.

– Вы в тот вечер видели в городе кого-нибудь, кто вам запомнился? Кого-нибудь, кто себя странно вел? Неаккуратно водил машину?

– Ничего такого не помню. Я из того времени вообще помню мало что.

Конрауд улыбнулся.

– Ну, так получилось, – вздохнула Паулина и начала пересказывать ему детективный роман, который недавно прочитала, про какое-то загадочное убийство в сельской местности в Швеции. Судя по всему, она вовсе не заметила, что Конрауду ни капли не интересно.

Конрауд оставил свет на кухне и в гостиной, а также в комнате, когда лег в кровать, погруженный в тяжелые раздумья. Весь вечер он беспокоился. Он чувствовал, что что-то упустил. Но так и не мог понять что. Он перебирал в уме свои разговоры со всеми этими людьми, которые так по-разному его встретили. Его мысли задержались на третьем человеке – том самом, который прогнал его. В его имени было что-то знакомое, но он не мог вспомнить, что именно.

Его звали Бернхард.

Бернхард.

Он помнил, что где-то уже слышал или читал это имя. Где-то оно ему недавно попадалось, но в какой связи – Конрауд не мог понять.

В конце концов он бросил ломать голову над этим и, как часто бывало перед сном, преисполнился глубокой тоской по Эртне. Он вспомнил светлый летний вечер с нею много лет тому назад и почти ощутил ее присутствие перед тем, как провалиться в тяжелую дремоту.

– Кто это? – услышал он шепот у себя над ухом. – Кто этот человек?

– Не помню, – ответил он. – Хоть убей, не помню.

Она лежала в кровати рядом с ним в светлом летнем платье, которое купила сразу после того, как они познакомились, и он ощутил исходящий от нее далекий аромат. Запах солнца, цветов и мягкого

песка на пляже в Нейтхоульсвике. Он повернул голову и стал смотреть, как она лежит рядом с ним – молодая и красивая, как всегда в его снах.

– Его имя мне где-то встречалось, – сказал он. – Я уверен. Просто не помню... Я же ничего не записываю.

Он увидел, что она улыбнулась, потянулся к ней, желая погладить ее губы, прижать ее к себе. Страстно желая еще хоть разочек прикоснуться к ней.

– Прости меня, – шептал он. – Прости...

Конрауд открыл глаза – и его снова встретила серая действительность. Он лежал один в холодной постели, положив руку на одеяло – и понял, что пытался прикоснуться к грезе, которая никогда не сбудется.

46

На следующий день Конрауд сидел с близнецами. Была суббота, и он смотрел с ними футбол. Вечером он повел их в закусочную поесть гамбургеров, а потом отвез домой. Хугоу хотел непременно угостить его ужином, но он сказал, что лучше поедет домой. Через некоторое время в гости заглянула Бета, и вид у нее был весьма пришибленный.

– Что тебя беспокоит? – поинтересовался Конрауд.

– Ах, ничего, – ответила Бета.

– А все-таки что?

– Мне папа снился, – ответила она.

– Да ну?

– Не люблю, когда он мне снится, – сказала Бета. – Не к добру это.

– И в этот раз тоже?

– Да, мне плохой сон приснился, – продолжала Бета. – В нем был ты. Вы с папой вдвоем. Ты чем-нибудь опасным занимаешься?

– Бета, за меня волноваться ни к чему. Честное слово.

– Папа как будто стоял спиной к Национальному театру. Там, где во время войны нашли девочку.

– Так...

– А с ним был кто-то, кто стремился остаться незамеченным. Он был...

– Что?

– Да нехорошее что-то с ним было связано. Он был весь в крови, что ли. Я его толком не видела, но знала, что это ты. Ты точно уверен,

что тебе не угрожает никакая опасность?

– На сто процентов. Не беспокойся обо мне, Бета.

– Ты собираешься что-нибудь натворить?

– Натворить?

– Да.

– Бета!

– Ты в тени спрятался.

Конрауд покачал головой. Бета смотрела на него с серьезным выражением лица.

– Ты уверен? – спросила она.

– Конечно, уверен. Что я такого мог бы натворить?

– Ты не знаешь, сколько в тебе от папы, – ответила Бета и поднялась, чтобы уйти.

– Все я знаю, Бета, – сказал Конрауд. – Не надо мне про это говорить.

Он проснулся среди ночи в кромешной тьме, зажег свет и пошел в туалет. Он уже много лет просыпался для этого каждую ночь. Он снова залез под одеяло и уже начал засыпать, как его угораздило подумать о рассказе Беты про Национальный театр – и тут он понял, что не уснет. Этот сон Беты зацепил его – хотя, разумеется, он не показал виду. После ее визита он нескоро успокоился – и вот опять бессонница.

Конрауд ворочался с боку на бок, беспокойный, напряженный, перебирал разные способы снова обрести душевный покой – но безрезультатно. Способ, который он использовал чаще всего: подумать об Эртне – в этот раз оказался бесполезен. И во время этой борьбы с бессонницей он вспомнил, где же ему попадалось имя Бернхард.

Он вышел из спальни и вынул списки, которые дал ему Хоульмстейн: имена ребят, бывших в скаутском отряде в одно время с Сигюрвином.

И вот это имя было перед ним.

Бернхард Скули Гвюдмюндссон.

Теперь Конрауду уж точно стало не до сна.

Когда он в первый раз сидел в засаде перед домом, отдел расследований еще находился в ведении уголовного судьи Рейкьявика.

В ту пору Конрауда и его коллегу по имени Рикхард послали в засаду на человека, который скрывался и которого подозревали в контрабанде алкоголя в особо крупных масштабах на торговом судне. Они видели, как он пьяный крадется домой под покровом ночи, а когда они арестовывали его, с ним вышло много возни. Впоследствии Конрауд часто участвовал в подобных операциях, сидел в полицейской машине без опознавательных знаков и пытался поймать людей, у которых были нелады с законом. Эти засады порой бывали долгими и ужасно скучными и сопровождались какими-то дурацкими мурашками по коже, как в плохом кино.

И вот – он снова в такой ситуации. Злой, невыспавшийся – он уже долго просидел, следя за домом, но не увидел там ни малейшего движения и стал гадать, не подобраться ли ему поближе. Он припарковался чуть поодаль на той же улице среди других машин и старался держаться незаметно. О хозяине дома, Бернхарде, он знал мало, – но тот был единственным жильцом, прописанном в этом доме. В телефонном справочнике в Интернете было написано, что он автомеханик.

Конрауд понимал, что доводов у него мало. Даже если это тот самый Бернхард, который был вместе с Сигюрвином в скаутском отряде, это само по себе мало значило, даже хотя он и ехал с женой по улице Скулагата в ту ночь, когда погиб Вилли.

Время шло. На улице все было спокойно. Конрауд всю ночь не мог заснуть и приехал на место рано поутру, а машины хозяина перед домом не оказалось. Было воскресенье, и Конрауд решил, что, наверное, Бернхард работает вахтами. Он до сих пор ничего не знал о месте его работы. С собой в машину Конрауд взял термос с кофе и пару бутербродов. Когда он разговаривал с этим Бернхардом пару дней назад, время шло к вечеру, и тот, очевидно, только что пришел с работы домой. А может, сейчас он вовсе не работал, а развлекался и оставался у кого-нибудь ночевать. А еще была вероятность, что он уехал из города на выходные.

Время медленно тянулось. Конрауд слышал в отдалении церковный колокол. Ему никогда не приходило в голову сходить в церковь на службу.

Он почувствовал все возрастающее желание размяться и наконец вышел из машины, хотя это и было против всех правил. Ему

понравилось, что можно разогнать кровь, и он стал тихонько приближаться к дому Бернхарда. Это была последняя секция длинного таунхауса, стоящая вплотную к дороге. Задний двор был обнесен глухим забором, и что в нем, Конрауд не видел.

Он снова направился к машине, сел за руль – и вдруг ни с того ни с сего стал вспоминать старые песни. Он без труда припомнил «Три колеса у машины, а она все везет... туман над пустошью крылья простер, под градом гложет мотор...», а также «Бьёсси, Бьёсси, Бьёсси, любимец дам». А вот в песне «Синие глаза твои» он забыл некоторые строчки. Он никак не мог вспомнить, то ли взгляд этих глаз был «глубок и чист», то ли «высок и чист», – и в самый разгар борьбы с этой загадкой незаметно задремал.

Когда он проснулся, к дому Бернхарда подъехала машина. Входная дверь открылась. Бернхард вышел из дому, сел в машину, и она поехала в ту сторону, где сидел Конрауд. Он сполз вниз по сидению, но Бернхард, кажется, его не заметил. Конрауд завел мотор, развернулся и медленно покатился за ним в сумерках.

Бернхард держал путь на восток, вскоре он уже поднялся на Ауртунскую горку, но свернул вниз в индустриальный квартал, в сторону моря. Там он поколесил по улицам среди автомастерских и автосалонов и наконец остановился у одной мастерской. Конрауд припарковался на безопасном расстоянии и стал наблюдать. Бернхард вошел в здание. Над дверями висела маленькая табличка, но Конрауду не было видно, что на ней написано. Перед мастерской стояло множество машин – развалюх, пригодных разве что на запчасти.

Бернхард провел некоторое время в мастерской и наконец вышел оттуда с каким-то предметом в руке (каким именно, Конрауд не разглядел) и уехал прочь. Конрауд решил больше пока за ним не следить.

Он направился к мастерской. Она мало чем отличалась от других авторемонтных мастерских, разве что была грязнее. В чем причина этого, он понял, прочитав табличку на двери: это была не мастерская, а место торговли автозапчастями. На двери была наклейка с надписью «Запчасти почти на все марки машин». У дощатой стенки, отделявшей двор этого места от территории соседней фирмы, возвышался полуобрушенный штабель негодных покрышек. Рядом лежала куча старых ржавых ступиц, на них – перевернутое автомобильное сидение.

К стенке были прислонены две оторванные дверцы. Сама дверь, ведущая в лавку автозапчастей, была ржавая, с двумя заляпанными окошками. Конрауд попробовал в них заглянуть, но ему ничего не было видно.

Он посмотрел вокруг, и его взгляд остановился на побитом непогодой куске брезента, который когда-то был зеленым, а сейчас выцвел. Им была укрыта большая куча в углу возле самого здания. Он подошел к этому брезенту, потянул за него и обнаружил, что он тщательно закреплен веревками. Конрауд поднял глаза. Он не заметил, чтоб в это тихое воскресное утро здесь были бы другие люди, кроме него и Бернхарда. Он снова повернулся к брезенту и начал отвязывать его. Получалось плохо. Очевидно, узлы были затянуты с таким расчетом, чтоб их уже нельзя было развязать, да и вдобавок довольно давно. Но постепенно ему удалось перетереть веревки и осторожно стащить брезент с того, что он скрывал.

Его глазам предстал старый джип «Вагонер», – точнее, его останки. Обшарпанный выцветший корпус стоял на подставках: шины, ступицы и передние крылья давно уже сняли, а одно заднее крыло и вовсе исчезло. Внутри машины уже свинтили все, кроме руля. Ни сидений, ни приборной доски, ни коробки передач не было.

Конрауд обошел джип со всех сторон. Он не мог наверняка сказать, какой это год выпуска, но машине едва ли было намного меньше тридцати лет. Перед у нее был относительно целым. Капот был на месте, только бампера и решетки не хватало, и на месте радиатора в капоте зияла большая дыра. Там, где положено было находиться мотору, была пустота. Конрауд присел на колени и погладил пальцем место под бампером, и ему показалось, что он нащупал крепление для лебедки.

Он встал. В индустриальном квартале по-прежнему было безлюдно. Он не знал, скоро ли вернется Бернхард, но решил поторопиться. Он схватил брезент и собрался было снова укрыть им останки джипа, как его взгляд упал на капот. Он склонился над ним, погладил рукой поверхность, всю ржавую и во вмятинах, внимательно рассмотрел почти облезшую выцветшую краску.

Потом он решил не рисковать и не задерживаться здесь дольше, укрыл остов джипа брезентом и попытался убрать наиболее заметные

следы своего присутствия. Некоторое время провозившись с этим, он поспешил к себе в машину и уехал прочь.

По дороге домой он вспоминал, как Бернхард показался в дверях, когда Конрауд зашел к нему перед выходными. Он позвонил в звонок и долго ждал, пока дверь не открылась и на пороге не встал хозяин. Он был довольно высокого роста, ровесник Хьяльталины и Сигюрвина, волосы редеющие, виски тронуты сединой, черты лица крупные, губы толстые, а нос правильной формы. Судя по приему, который он оказал Конрауду, с незнакомыми он обращался весьма сухо. И он ничего не знал и не помнил.

– Бернхард? – осведомился Конрауд.

– А вы кто?

– Мне хотелось бы видеть Бернхарда, он здесь живет?

– Ну, это я, – раздраженно ответил хозяин.

– У меня к вам немного необычный вопрос, – сказал тогда Конрауд. – Я расследую наезд на улице Линдаргата, который произошел...

– Наезд? – переспросил хозяин. – Не знаю я ни про какой наезд.

– Этому я не удивлюсь, ведь он произошел несколько лет назад. Считается, что это был джип, и...

– Зачем вы меня об этом спрашиваете? – удивился собеседник Конрауда.

– По поручению сестры человека, которого тогда сбили. Если не ошибаюсь, полиция по этому поводу с вами говорила, – сказал Конрауд. – Когда это произошло, вы находились где-то по соседству.

– Да, говорили они со мной, – ответил тот. – Но я ни на кого не наезжал.

Конрауд поинтересовался, может ли это подтвердить его жена, которая, насколько ему известно, тогда была с ним в машине.

– Да, была она там, – был ответ. – Я уже тогда полиции все рассказал.

– А сейчас она дома? – спросил Конрауд.

– Развелись мы с ней.

– Ну, – сказал Конрауд, – я вам...

– Ничем не могу вам помочь, – ответил хозяин дома, готовый захлопнуть дверь под носом у Конрауда.

– А джип, на котором вы тогда ехали, у вас еще остался? – спросил Конрауд.

– Нет. Простите, мне некогда. Я про это дело вообще ничего не знаю, – и он закрыл дверь.

Конрауд думал об осто́ве джипа под брезентом во дворе лавки автозапчастей. Он не знал, что это за джип, – но полагал, что если нужно укрыть от посторонних глаз подозрительную машину, то лучше вот такой лавки места не найти.

48

Воскресенье все тянулось. Вечером Конрауд съездил к сыну и поужинал у него. Хугоу заметил рассеянность отца и поинтересовался: неужели дело Сигюрвина – такое тяжелое бремя. Конрауд пропустил этот вопрос мимо ушей. Он пробыл в гостях недолго, сказал, что собирается лечь спать рано.

Конрауду предстояла долгая беспокойная ночь. Он лежал без сна и пытался подытожить все, что знал о деле Сигюрвина – как он часто делал и раньше. Он ощутил, как же устал от этого запутанного дела, так долго главенствовавшего в его жизни. Он попытался поискать новые связи, новые лакуны, посмотреть, что он упустил из виду, что переоценил или недооценил. Он пытался представить себе, как выглядел ход событий с точки зрения какого-либо одного человека, пытался осознать роль каждого из них: чего он добился, какие точки соприкосновения у его истории есть с другими участниками этого дела.

Так он выстраивал системы одну за другой, но был все так же далек от разгадки – пока наконец милосердный сон не снизошел на него, и он не забылся на несколько часов.

На следующий день Конрауд выехал из дому кратчайшим путем в индустриальный квартал по ту сторону проспекта Вестюрландсвег и остановился у лавки запчастей. Брезент, укрывающий останки джипа, был на месте, и Конрауд решил, что ему удалось расстелить его так, что казалось – его никто и не трогал. Большая дверь в лавку была закрыта, но рядом была маленькая дверца, и Конрауд открыл ее. Он сразу наткнулся на небольшой прилавок, преграждающий посетителям путь в помещение. Прошло время. Он стоял у прилавка и разглядывал склад запчастей. Там было так же грязно, как и всюду возле этой

лавки. По всему помещению были стеллажи с какими-то частями моторов, деталями. С потолка свешивались глушители и выхлопные трубы. На другом конце помещения были окна, выходящие на запад, но сквозь них ничего не было видно из-за грязи.

– Эй! Ау! – позвал Конрауд.

Ответа не было. Он немного подождал, а потом зашел за прилавок и тотчас заметил, что там есть маленькая комната, в которой устроена столовая для питья кофе. Он заглянул туда, но там никого не было. Из столовой был ход в крошечную каморку-контору. Он увидел экран компьютера с заставкой – фотографией солнечного тропического острова.

Он вышел и позвал Бернхарда.

– Секундочку! – раздался ответ, и вскоре Бернхард вышел: с деталью от мотора в руке и шумозащитными наушниками на шее. Он сразу узнал Конрауда.

– Вы здесь что делаете? – спросил он.

– Хотел поговорить с вами о том самом наезде, о котором я спрашивал. Я собирался...

– Мне нечего об этом сказать, я этого дела не знаю, я уже говорил. И вообще, отстань от меня! – произнес Бернхард и собрался снова уйти на склад в задней части помещения.

– А там во дворе – это ваш старый джип? Под брезентом?

Автомеханик снова повернулся к нему.

– Вот что, дружок, иди-ка ты отсюда, – серьезным тоном произнес он. – С тобой мне говорить не о чем.

– А вы случайно в юности не были в одном скаутском отряде с человеком по имени Сигюрвин? Не помните?

– Убирайся!

Бернхард подошел к Конрауду, словно намереваясь вышвырнуть его, если тот не захочет покинуть помещение по-хорошему.

– Вы о нем наверняка слышали, – произнес Конрауд, не двигаясь с места. – С ним связано одно знаменитое уголовное дело. Тело Сигюрвина недавно нашли на леднике Лаунгйёкютль замороженным в лед. Вы наверняка слышали об этом.

Бернхард замялся. Сперва наезд на Линдаргате, а теперь еще и труп на леднике...

– Не знаю я, о чем ты говоришь, – ответил он.

– Сигюрвина из скаутского отряда помните?

– Еще раз: кто ты?

– Я выполняю поручение сестры человека, которого сбили на Линдаргате. Я считаю, что эти два дела связаны между собой. И она так считает.

– Значит, ты не лёгга? – спросил Бернхард.

– В свое время я расследовал дело Сигюрвина, но сейчас я уже давно в полиции не работаю. Я на пенсию вышел.

Выражение лица у Бернхарда не изменилось. Конрауд улыбнулся.

– Ну, такое со всеми случается, – сказал он.

Бернхард не был в настроении для шуток.

– Не о чем мне с вами говорить, – повторил он. – Вообще не понимаю, что вы городите. Мне это все не знакомо.

– Свидетель видел в спорт-баре человека, беседующего с Вилли в тот вечер, когда он погиб. Его Вильмар звали, этого погибшего, сокращенно Вилли. Вы не помните, вы не встречались с ним? Это имя вам знакомо?

Бернхард помотал головой.

– Вы в баре не сидели, с ним не разговаривали?

Бернхард не ответил.

– До Линдаргаты за ним не ехали?

Бернхард вышел из-за прилавка, приблизился вплотную к Конрауду и стал оттеснять его к выходу.

– Вот не все равно тебе, что я там делал и что не делал? – он распахнул дверь. – Выматывайся! Ты меня с кем-то спутал. Уж лучше бы ты работу свою как следует выполнял. Еще раз ко мне сунешься – полицию позову! И чтоб я тебя здесь больше не видел!

Конрауд вышел во двор. Он ожидал, что реакция на его появление может быть и такой. Бернхард стоял в дверном проеме. Конрауд указал на брезент.

– А этот был когда-то серебристым или серым? – спросил он, но Бернхард уже закрыл дверь и ушел в свою лавку. Конрауд так и остался стоять.

– Неужели ты так и не избавился от останков той машины? – прошептал он перед тем, как вернуться в свой автомобиль.

В поведении Бернхарда во время их короткой встречи Конрауд не заметил ничего особенного или странного, если не считать грязи и

беспорядка вокруг и одной странной особенностью в его внешности (эту черту Конрауд лучше разглядел сейчас, чем в свою первую встречу с торговцем запчастями): тот как будто отстал от века. Эпоха диско миновала в прошлом столетии, а Бернхард как будто все еще сохранял верность ей.

49

Бернхард ранее к суду не привлекался и закон не нарушал. Он был разведен, бездетен, когда-то под сорок лет он женился, но его неудачный брак распался. Вместе с женой они купили тот таунхаус, в котором он сейчас жил. Ему удалось оставить его за собой при разводе. Лавку автозапчастей он приобрел еще до брака, и согласно его налоговым декларациям, особо крупных доходов она не приносила.

Конрауд прикинул, какие варианты у него есть в сложившейся ситуации – и понял, что нужно собрать об том человеке побольше информации прежде, чем подключить Марту – или снова дать Бернхарду указать ему на дверь. Он не боялся, что до Бернхарда дойдет, что о нем что-то выспрашивают и разведывают в связи с делами Сигюрвина или Вильмара. Если совесть у него нечиста – он забеспокоится и наделает ошибок. И выдаст себя.

Конрауду пришло в голову поговорить с его бывшей женой, Йоуханной, и после некоторых разысканий он обнаружил, что живет она в государственной квартире в Верхнем Брейдхольте. Он поехал туда, припарковал машину у высокого многоквартирного дома, который явно уже давно не ремонтировали. Голубая краска стен выветрилась настолько, что они стали почти бесцветными, от окон и балконных перил тянулись потеки ржавчины, оконные рамы были потрепаны ветром.

Дверь подъезда была не заперта, и Конрауд позвонил в дверной звонок на втором этаже. Он не услышал звук звонка в квартире и нажал кнопку еще раз. Судя по всему, звонок не работал, и Конрауд постучал. Через какое-то время он постучал снова, и тогда за дверью послышалась возня, кто-то кашлянул, затем дверь открылась.

Весьма неопрятная полная женщина уставилась во все глаза на незваного гостя. Ей было лет шестьдесят, всклокоченные волосы торчали во все стороны. Она смотрела на него с таким удивлением, словно не ожидала, что к ней в жизни еще хоть кто-нибудь заглянет.

– Здравствуйте! – сказал Конрауд.

– Кто вы? – неприветливо спросила она.

– Меня зовут Конрауд, я собираю сведения о вашем бывшем муже, Бернхарде.

– Бернхарде?

– Да.

– Что собираете?

– Сведения.

– Какие еще сведения? Вы о чем вообще? Что еще за сведения такие?

Конрауд решил, что он, наверное, разбудил эту женщину.

– Вы были замужем, верно? За Бернхардом?

– Что вы сказали, кто вы? – спросила Йоуханна, слегка нечетко выговаривая слова.

– Я хотел бы задать вам пару вопросов о Бернхарде, если можно, – ответил Конрауд. Он сразу проникся жалостью к этой неухоженной женщине и захотел что-нибудь сделать для нее – он сам не знал, что именно. – Это связано с ДТП на улице Линдоргата несколько лет назад, – добавил он. – Наезд на пешехода.

– А? – переспросила женщина. – Какое еще ДТП?

– Там сбили молодого человека, и он погиб. Я выполняю поручение его сестры. Можно с вами на минуточку поговорить?

– А Бернхард знает, что вы здесь?

– Бернхард? Нет.

Йоуханна пристально смотрела на него.

– А с самим Бернхардом вы встречались?

– Он не пожелал со мной разговаривать.

Йоуханна замялась.

– Входите, – наконец произнесла она и ушла обратно в квартиру, оставив дверь для него открытой. Конрауд тихонько вошел и закрыл за собой.

– Извините, у меня тут бардак, – сказала Йоуханна.

Она прихватила с собой по пути пару предметов, чтоб убрать их – но больше для видимости. Конрауд никогда не встречал более захлавленной квартиры, даром что большую часть жизни проработал в полиции и перевидал там много чего. Повсюду валялись одежда, вещицы, коробки и газеты, мебель и кухонная утварь, немывые

тарелки, кастрюли с запекшейся коркой внутри, стаканы и пустые бутылки. В квартире был не только хлам – там стояла кислая вонь. Конрауд осмотрелся вокруг и вспомнил Бернхарда. Если причиной развода была неряшливость – ею грешили оба супруга.

Он не решился входить дальше в эту помойку, к тому же не хотел сильнее необходимого беспокоить женщину, потому остановился между прихожей и гостиной.

– У меня как-то на уборку вечно времени нет, – произнесла Йоуханна, окидывая взглядом гостиную.

– Да, – сказал Конрауд, только для того, чтоб не молчать в ответ. – До нее часто руки не доходят.

– Я вам вот что скажу: мы с Бернхардом не дружим, – вздохнула она. – Ума не приложу, как это я столько лет его терпела. Я ему говорила. Часто. А он не слушал. Вообще ничего не слушал, что я говорю. И был такой мрачный. Наверное, это депрессия. Из него целыми днями слова нельзя было вытянуть, а если ты делал что-нибудь, что ему не нравилось, он смертельно обижался и мог днями, неделями с тобой не разговаривать. Разве можно такое долго выносить? Нельзя. Никто такого не вынесет.

– Он пил?

– Да, и это тоже. Да-да. А потом пошел лечиться от алкоголизма и с тех пор, по-моему, ни капли в рот.

– А тогда он в бары часто ходил?

– Да не особенно, только футбол посмотреть. Футболом он сильно увлекался, а на подписку на спортивные телеканалы раскошелиться не хотел. Хотел, чтоб бесплатно. Так что... короче, он туда матчи смотреть ходил. А еще это у него был предлог, чтоб выпивать. Я сперва подумала: а вдруг вы из социалки? Но вы же не оттуда, да?

– Нет, я насчет того ДТП.

– Ах, да, ДТП.

– Насколько я понимаю, вы тогда были вместе с ним.

Женщина рассеянно глядела на свалку, в которую превратилась ее квартира.

– Хотите, я замолвлю за вас словечко социальной службе? – через некоторое время спросил Конрауд. У него возникло ощущение, что Йоуханна немного не в себе. – Вам нужна помощь?

– Нет-нет, что вы, я отлично справляюсь. Тут только немного прибраться надо.

– А когда Бернхард пошел лечиться, для вас это стало неожиданностью?

– Учитывая, сколько он пил – нет. Но случилось это буквально ни с того ни с сего.

– Что он отправился на лечение?

– Да, это все так внезапно произошло.

– Сам Бернхард говорит, что ни о каком ДТП не знает, и в свое время, когда искали свидетелей, не дал знать о себе полиции, – сказал Конрауд. – Но в округе его видели. Он утверждает, что вы были с ним.

– Да, – ответила Йоуханна.

– И вы никакого наезда не помните?

– Нет.

– А с тех пор Бернхард жил один? После вашего с ним развода?

– Да.

– Вы с ним как-нибудь поддерживаете общение?

– Нет. Никак. Я с ним даже почти не виделась... с тех пор, как... нам друг от друга ничего не нужно, а детей у нас нет.

– Он вам когда-нибудь рассказывал про те времена, когда был скаутом?

– Скаутом? Нет. На вызовы-то он ездил, а вот...

– Вызовы?

– Ну, когда ему звонили.

– Кто?

– Да эти, из спасательного отряда...

– Он работал в спасательном отряде?

– Да, а потом бросил.

– А Сигюрвин? Бернхард когда-нибудь упоминал человека с таким именем?

– Сигюрвин?

– Это имя в новостях было. Его тело недавно нашли на леднике Лаунгйёкютль.

Даже если бы Конрауд внезапно ударил Йоуханну в челюсть – это едва ли ошеломило бы ее больше.

– Его...? Бернхард его знал?!

– Они когда-то были в одном скаутском отряде, – ответил Конрауд. – Очень недолго.

– Неужели?! А я и не знала.

– И Бернхард при вас это никогда не упоминал?

– Нет. Вот как странно. Я и понятия не имела...

– Когда вы жили с Бернхардом, он был состоятельным?

– Состоятельным?

– Деньги у него водились?

– Он всегда был ужасным сквалыгой. Этого не отнять. Нет, серьезных денег у него не бывало. Он держал эту лавку запчастей, и дела там шли ни шатко ни валко. И еще он там машины ремонтировал. Конечно, нелегально. И на этом он неплохо наживался, гораздо больше, чем на продаже запчастей.

Все это время Йоуханна смотрела на кучу одежды на полу, а сейчас подняла глаза на Конрауда. И в ее взгляде читался вопрос.

– Он был как-то с этим связан?

– С чем? – не понял Конрауд.

– С Сигюрвином? И всем этим вот?

Конрауд помотал головой.

– Я про это ничего не знаю, – ответил он.

– А зачем вы тогда спрашиваете, были ли у Бернхарда деньги? Откуда бы он их брал?

– Такой вопрос всем задают в обязательном порядке, – успокоил ее Конрауд.

– Извините, что здесь такой беспорядок, – произнесла женщина после непродолжительной паузы. – Надо бы мне тут прибраться. Просто... вот как-то руки не доходят.

– Наверное, я к вам лучше попозже зайду поговорить, – сказал Конрауд. Задерживаться у этой женщины чересчур долго ему не хотелось. Ей требовалось время, чтобы «переварить» этот внезапный визит, – и тогда она, может быть, вспомнит что-нибудь, полезное для Конрауда.

– У Бернхарда много друзей? – спросил он, собираясь уходить.

– Нет. Вообще нельзя сказать, чтоб они у него были. К нам на свадьбу пришло полторы калеки, – но она у нас была совсем скромная, мы у сислюманна^[29] регистрировались. А родни у него мало. Единственный раз, когда он с кем-то виделся – это с бывшими

одноклассниками на встрече выпускников. А у меня друзья были. Но ему было неинтересно с ними знакомиться.

Конрауд попятился к входной двери. Йоуханна смекнула, что он собирается уходить.

– А про измену вы спрашивать не будете? – спросила она.

– Какую измену?

– Ну, его, конечно.

– А Бернхард вам изменял?

– Я всегда его подозревала, – ответила Йоуханна.

– Ну?

– Я его спрашивала. И довольно часто. А он все отрицал.

– А почему вы решили, что он вам изменял?

– Женщины такое знают, – сказала Йоуханна. – Вот знают – и все.

– Он сам на это намекал?

– Нет, ничего он не говорил. Но у него на душе всегда была какая-то тяжесть, которая была мне непонятна. Он всегда был такой тяжелый, в дурном настроении.

– А вы его об этом спрашивали?

– Спрашивала. А он мне велел молчать. А потом у меня не стало сил терпеть, и я ушла от него. Он ни на что не был способен. Просто ни на что.

– А вы не знаете, кто это был? С кем он встречался?

– Да ему все время какие-то сучки названивали. Он говорил, что они по поводу автозапчастей. По-моему, это началось после той встречи выпускников.

– А вы знаете, кто были эти женщины?

– Нет. Разумеется, он мне их не представлял. Вы мне не верите, что ли?

– Почему же, верю, – ответил Конрауд. – Такие вещи бывают.

– Какие вещи? О чем вы?

– Бывает, что люди изменяют женам, – сказал Конрауд.

– Да... оно... вот однажды... какая-то девка позвонила ему по мобильнику, а когда ответила я, тотчас бросила трубку. А я... у него бы такой... определитель номера, и я пробила номер по компьютеру. И спросила его, что это за девка. Он ответил, что это по поводу автозапчастей.

– А вы помните, как ее звали?

- Звали?
- Ну, ту, которая звонила Бернхарду.
- Нет. А когда-то помнила... Ее звали... а как ее звали-то? Какое-то библейское имя. Вот, вспоминаю. Что-то библейское.

50

Уже начало смеркаться, когда Конрауд припарковался на значительном расстоянии от лавки автозапчастей Бернхарда. Сюда мало кто заходил. За те два часа до закрытия, пока он следил за обстановкой, туда зашли трое посетителей, а вышел с купленной запчастью только один. Если в таких лавках есть нужные детали, можно хорошо сэкономить. Однажды Конрауд столкнулся с этим, когда в его джипе испортился какой-то совершенно ненужный датчик, в фирменном магазине стоивший несколько десятков тысяч крон. Конрауд и не стал бы покупать новый, но на приборной доске в его джипе постоянно горела красная лампочка. Он обзвонил все лавки автозапчастей и наконец нашел нужный прибор всего за пару тысяч крон. Стало быть, деятельность Бернхарда была полезной, хотя, судя по всему, и не очень прибыльной.

Один раз Бернхард вышел из лавки, покурил, попил из пластикового стаканчика. Конрауд следил за ним издалека. На Бернхарде был комбинезон, судя по всему, никогда не знавший стирки. В час закрытия огни в лавке стали гаснуть, хозяин вышел и тщательно запер дверь. В руках у него были термос для кофе и контейнер для еды. Он прошел прямо к своей машине, сел и уехал. Конрауд последовал за ним в сумраке.

Бернхард проехал прямо к своему таунхаусу, не заметив преследования, а Конрауд припарковался на значительном расстоянии и стал ждать, сам толком не зная чего. Он не мог сказать, не закрыл ли Бернхард лавку в необычно раннее время: время было – меньше шести часов вечера. Может, сегодня никаких клиентов больше не ожидалось. Конрауд послушал радио, бросил на половине какую-то убийственно скучную передачу о вопросах культуры и стал пытаться поймать исландскую музыку. Потом посидел еще, следя за домом Бернхарда, и в конце концов решил, что на сегодня хватит.

По пути домой Конрауд проезжал мимо школы, в которую, по словам Йоуханны, ходил Бернхард, и заметил, что в ней везде горит

свет. На окрестных улицах стояло множество машин, у главного входа теснились взрослые. Конрауд подумал, что там, наверное, родительский вечер или что-нибудь в этом духе – и тотчас решил воспользоваться моментом и заглянуть туда.

Всю вторую половину дня он ломал голову над словами Йоуханны о том, что когда-то Бернхарда искала женщина с библейским именем. Она была убеждена, что с этой женщиной Бернхард изменял ей и ходил к ней на свидания.

Конрауд подошел к дверям школы, когда там начиналась презентация для родителей. Перед небольшой сценой были расставлены стулья, а на сцене мужчина в костюме, очевидно, директор школы, возился с микрофоном, стучал по нему, проверял, включен ли он, и снова стучал. Родители на сиденьях болтали друг с другом. В зале преобладали женщины.

Конрауд пошел по школьному коридору, ветвящемуся во все стороны. Здесь при старом здании школы неоднократно возводили пристройки, и все эти длинные коридоры вели в новые крылья. Классы стояли открытыми, и в них висели работы учеников. На стенах красовались всяческие рисунки, демонстрировавшие, какие у школьников разнообразные успехи в рисовании. У сына Конрауда по этой части был талант, когда-то он и своего отца пытался научить рисовать, но результатов не добился: тот научился разве что более-менее сносно изображать машины. Эртна сохранила все рисунки.

В коридорах в старой части здания также висели старые фотографии классов в рамках, начиная с момента основания школы. Это были выпускные фотографии, каждый класс отдельно – их было много, они висели в два – в три ряда. Эти фотографии датировались разными десятилетиями, и по ним можно было проследить, как менялась мода на одежду и прически, от мужских стрижек через битловские патлы до современного отрицания моды. На некоторых старых фотографиях девочки-подростки были сильно накрашены и с зачесанными волосами.

Конрауд долго пытался разобраться, в каком порядке развешаны фотографии – и не спеша стал двигаться к году выпуска Бернхарда. Тот выпуск подразделялся на четыре класса. На одной фотографии он узнал лицо Бернхарда. Она была черно-белой. Снимок сделан в каком-то школьном кабинете, ребята улыбались фотографу, не подозревая,

что этот миг будет храниться все время, пока открыта школа, и они потом смогут в любое время прийти туда на свидание со своим детством.

За все эти годы Бернхард изменился мало. Он стоял в середине в первом ряду – высокий, долговязый, волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор. Он был одет в полосатый свитер и вместе с одноклассниками улыбался каким-то словам фотографа, которые тот сказал, чтоб расположить ребят к себе.

Йоуханна рассказала, что он ходил на встречи выпускников. Значит, всех этих людей он увидел вновь – уже позднее, когда утро жизни закончилось и уступило место хлопотливому дню.

Пока Конрауд стоял в одиночестве в коридоре и рассматривал фотографии, у него зазвонил телефон. Звонила Марта.

– Давно я с тобой не разговаривала, – сказала она. – Чем занимаешься?

– Да особенно ничем, – ответил Конрауд. – А ты?

– Аналогично. Я все думаю об этих ключах от машины.

– От машины?

– От джипа Сигюрвина. Почему их при нем не обнаружилось. По моему, объяснение может быть только одно. Если, конечно, они не выпали у него из кармана.

– И какое же объяснение?

– Напавший на Сигюрвина собирался потом перегнать его джип. Отвезти его к леднику.

– Да, это вполне вероятно.

– Это ведь единственное объяснение? – спросила Марта.

– Нет ничего невероятного в том, что он решил обставить все так, чтоб казалось, что Сигюрвин сам приехал к леднику и замерз там. Правда, одет он был для такой поездки неподходяще, но это уже частности.

– Но в этом есть какая-то незавершенность, – ответила Марта. – В том, как спрятали тело Сигюрвина. И что джип в одном месте, а сам он в другом. Как ты говоришь, это как будто не доведено до конца.

– Возможно, точку в этом поставила погода, – сказал Конрауд. – В последующие дни после того, как Сигюрвин пропал, на леднике бушевал буран. Наверное, им пришлось уходить раньше, чем они смогли осуществить все, что задумали.

Взгляд Конрауда задержался на фотографии класса. Его внимание вдруг привлекло другое лицо на снимке – красивое лицо девушки, сидевшей на полу в переднем ряду. Она была единственной, кто не улыбался, а смотрел на фотографа серьезными глазами. Конрауд не был полностью уверен – но заметил достаточно сходства, чтоб его сердце дрогнуло.

Марта что-то говорила по телефону, но он не слышал. Он думал о словах Йоуханны насчет женщины, которая позвонила Бернхарду, притворившись, будто собирается покупать запчасти – женщины с библейским именем, которого Йоуханна не могла припомнить сквозь алкогольный туман, – женщины, в изменах с которой она подозревала мужа.

– ...как будто не доведено до конца? – повторила Марта в трубку. – Дело ведь в этом?

Конрауд не мог оторвать глаз от фотографии.

– Да, – рассеянно ответил он, – ничего не доведено до конца, все грязное и гадкое.

51

Он был не в силах дотерпеть до утра и вознамерился поехать прямо в Верхний Бредйхольт к Йоуханне, чтобы проверить, подтвердятся ли его подозрения, и лишь потом решать, каков будет следующий шаг. Поспешно распрощался с Мартой и заторопился прочь из школы. Час был уже поздний, движение на дорогах стало меньше, но он не мог терпеть, все время обгонял другие машины, а один раз даже проехал на красный свет.

По пути он думал обо всем, что знал о деле Сигюрвина – а также о том, чего он о нем еще не знал, несмотря на годы расследований, работы, засад, допросов, общения с людьми из всех слоев общества, имевших хоть какое-то отношение к Хьяльталину и Сигюрвину. Разумеется, с обнаружением тела на леднике поступили новые сведения, сужавшие круг поисков, но Конрауд подумал про себя, что, если бы не Вилли – человек, с которым он сам никогда не встречался, расследование, наверное, никогда не пошло бы по тому пути, по которому оно двигалось сейчас.

Он думал о Бернхарде и скаутах, Сигюрвине и девушке с выпускной фотографии, спасательном отряде и пачках денег,

спрятанных в кухне у Сигюрвина. О грязной лавке автозапчастей и неудачном браке Бернхарда. О загадочном упорстве Хьяльталина. О делах, в которые Сигюрвин влез и которые в конечном итоге свели его в могилу: каковы они были и почему он так скверно кончил.

Он думал о том, какой отпечаток это дело наложило на его собственную жизнь, сформировало его облик больше, чем он осознавал или хотел осознать, – о том, как неудачное расследование повлияло на него как полицейского, о причине, по которой его когда-то на время отправили в неоплачиваемый отпуск. Это было в один из тех немногих раз, когда он не смог сдержать себя.

Он помотал головой, выругал самого себя и посигналил машине впереди, которая, казалось, целую вечность не могла тронуться на зеленый свет. Он всегда жалел о том, что произошло. Его коллега Рикхард спрашивал: «Ты что, с цепи сорвался?» Видимо, так оно и было, когда он сбегал в свой джип, припаркованный за отделением полиции, принес оттуда монтировку, снова вошел с ней в здание, ворвался к задержанному и уже замахнулся, но его схватили, бросили на пол и не давали встать, пока он не успокоился и не был отправлен домой.

Конрауду не было никакого оправдания, даже хотя задержанный, на которого он замахнулся монтировкой, сам набросился на него, ударил в лицо и сломал нос, так что кровь брызнула, а боль была нестерпимой. Даже хотя этот задержанный обидно обзывал его и угрожал его семье. Даже если он насмеялся над ним и отпускал по поводу расследования дела Сигюрвина унизительные комментарии, называл Конрауда «самым жалким слабаком и неудачником во всем этом поганом участке».

Даже хотя того задержанного звали Хьяльталин.

Конрауду надо было вытерпеть все – но он взорвался.

И разлетелся тысячей осколков.

В одну ночь незадолго до Рождества Хьяльталина задержали за вождение в пьяном виде. Он был несговорчив, при задержании сопротивлялся, и его отправили в камеру в отделении полиции – проспаться, и вдобавок взяли у него кровь на анализ – который показал, что он был в состоянии сильного опьянения. Когда Конрауд с утра пришел на работу, он узнал, что тот провел ночь в камере. Тогда Конрауд уже долго не встречался с Хьяльталином и сделал ошибку,

решив заглянуть к нему. Он сразу почувствовал, что за ночь Хьяльталин не просох – он все еще был пьян, рассержен тем, как с ним обошлись, и готов вот-вот взорваться. Он тотчас начал выкрикивать в лицо Конрауду оскорбления и обвинил его в том, что он поломал ему всю жизнь.

– Я тебя укокошу, и семейку твою проклятую! – прошипел Хьяльталин, когда страсти накалились до предела. – Слабак сухорукий!

– Заткнись! – проорал Конрауд.

Они стояли друг напротив друга в тесной камере. Их недовольство, копившееся годами, снова поднялось на поверхность и забурлило.

– Вот угроблю тебя, придурок, если захочу! И бабу твою, и вообще всех!

– Если ты...

Но закончить фразу Конрауд не успел. Его застало врасплах нападение. Хьяльталин вдруг наскочил на него и ударил в лицо. Боль была жуткая, Конрауд громко вскрикнул, из глаз брызнули слезы, он почувствовал горячие струи крови. Хьяльталин отшвырнул его к стене, схватил за горло, сказал «Угроблю!», кинул на пол и пинал до тех пор, пока не примчался надзиратель и не ухватил его за шею.

У Конрауда в глазах помутилось от ярости. Он не помнил себя, когда сбегал в машину за монтировкой и набросился на Хьяльталина, который уже сидел в коридоре, и его руки были скованы наручниками за спиной. Конрауд размахнулся монтировкой – удар обрушился на стену и рядом с Хьяльталином, и на пол посыпалась цементная крошка. Нанести другой удар Конрауд не успел: его схватили и повалили.

Хьяльталин не стал писать жалобу на Конрауда – да и тот не стал жаловаться на нападение на сотрудника полиции при исполнении и на угрозы в адрес его семьи. Большую часть своего годовичного отпуска он провел с Эртной в Швеции. Она когда-то говорила, что ей хочется обратно в Сткогольм, где она училась своей специальностью. Она нашла работу в Каролинской больнице, и в конце февраля они выехали из страны, а возвратились лишь осенью. Спустя год с лишним Эртны не стало, а он уволился.

Конрауд припарковался у многоквартирного дома в Верхнем Брейдхольте и при мысли о том нападении на Хьяльталина тяжело

вздыхнул. В вечерней темноте дом выглядел еще более мрачно. В окне у Йоуханны горел свет, и Конрауд понадеялся, что она дома. Он взмыл к ней на этаж, перескакивая через две ступеньки, и, запыхавшись, постучал в дверь. Из квартиры не донеслось ни звука. Он постучал снова – чаще и сильнее, затем приложил ухо к двери. Услышал шорох. Принялся с нетерпением ждать. Собрался постучаться еще раз – но тут дверь открылась, и на пороге показалась Йоуханна, еще более неопрятная, чем прежде.

– Что за шум? – спросила она, щурясь. Судя по всему, ее разбудили.

– Я бы хотел поподробнее расспросить вас о Бернхарде и...

– Ты кто? Зачем в дверь так барабанишь?

– Меня зовут Конрауд, я заходил к вам сегодня днем. Извините, что мне пришлось пошуметь, я...

– Снова явился? Что это тебя сюда все время тянет?

– Да вот, хотел узнать, не смогу ли я помочь вам вспомнить имя женщины, которая звонила Бернхарду и притворялась, будто это насчет запчастей.

Йоуханна вытаращила на него глаза, не в силах понять, куда он клонит.

– Вы же сказали, что знаете, что он встречался с другими женщинами, – сказал Конрауд.

– Может, ты войдешь? – предложила Йоуханна. – Про такие вещи на лестничной площадке не говорят. Значит, ты Конрауд?

До Йоуханны только сейчас дошло, что происходит.

– Точно, – сказал Конрауд.

Во второй раз за этот день он вошел в захлавленную квартиру вслед за женщиной, когда-то бывшей замужем за Бернхардом – продавцом автозапчастей, и закрыл за собой дверь. С тех пор, как они виделись в последний раз, Йоуханна не тронула ни одного предмета. Она тяжело опустилась на тот же стул.

– Имя той женщины? – переспросила она.

– Вы его помните?

– Пыталась вспомнить, когда ты ушел, – ответила Йоуханна.

– Вы сказали, что оно библейское.

– Это да.

– А помните, какое именно?

Йоуханна наморщила лоб. Конрауд с нетерпением ждал ответа. Лучше всего, если она сама вспомнит. Он переминался перед ней с ноги на ногу. Но ничего не случилось.

– Может, Салоуме? – наконец спросил он.

Йоуханна немного оживилась.

– Да, наверное, Салоуме, – произнесла она. – Ее ведь так звали? Он притворился, что не знаком с ней, а только запчасти ей продает.

– Вы уверены?

– Да, Салоуме. Припоминаю, что ее так и звали.

Йоуханна смущенно посмотрела на Конрауда, и он увидел, что она как будто пытается решиться что-то высказать.

– Вы хотите меня о чем-то спросить? – поинтересовался он.

– Ты раньше говорил, что...

Она не закончила.

– Да?

– Ты говорил... что Бернхард Сигюрвина знал.

– Немного. В детстве.

– А как ты считаешь, он ему что-нибудь сделал?

– Не знаю, – ответил Конрауд. – Возможно.

– Убил его?

– Не знаю.

– А того паренька на Линдаргате?

– Это я и пытаюсь выяснить. Вы же сидели с ним в машине, вам лучше знать.

– Да, – сказала Йоуханна, – конечно, но... тут вот что...

– Что?

– Я этому человеку ничего не должна, – сказала Йоуханна.

– Кому? Бернхарду?

– По-твоему, я ему что-то должна?

– Я не могу...

– Врун несчастный!

– О чем вы?

– Он со мной обращался как с дешевкой. И после этого я... и после этого я еще должна его выгораживать и врать.

– О чем врать?

Йоуханна выпрямилась на своем стуле.

– Однажды Бернхард позвонил мне и попросил сказать, что в какую-то ночь я сидела с ним в машине... Ух, ну вот я и высказалась! А раньше я про это ни одной живой душе не говорила!

Конрауд засомневался, что верно понял ее.

– Он вас попросил?..

– Меня ведь с ним в машине не было.

– И вам надо было так соврать?

– Да. Он попросил, чтоб я соврала ради него. С ним полиция разговаривала про какой-то наезд. Он сказал, что был за рулем пьяный и не хотел неприятностей, и попросил меня, если спросят, сказать им, что я была с ним и что он был трезв. И что он меня подвозил с работы или с вечеринки, уж не помню, и по дороге ничего не случилось, и ничего необычного мы не заметили. Я даже не знала, о чем он говорит.

– Это было в ту ночь, когда сбили того паренька на Линдартгате?

– По-моему, запросто могло быть и так. Это было когда-то в то время. Когда ты раньше приходил, я начала об этом думать. По крайней мере, то был единственный раз, когда он меня о чем-то таком попросил.

– И вы так и сказали полиции, что были с ним?

– Полиции? Нет, я им ничего не сказала.

А почему?

– А меня и не спрашивали. Так что мне этого всего говорить не пришлось.

– Что вы имеете в виду?

– Я с полицией вообще не говорила, – ответила Йоуханна.

– Никто не попросил вас подтвердить? – спросил Конрауд, вспоминая Лео, торопящегося в масонскую ложу.

– Со мной вообще никто не разговаривал.

– То есть, когда он сказал, что был вместе с вами, то на самом деле ехал один?

Йоуханна кивнула.

– Не знаю, зачем мне его без конца выгораживать. Ты это узнал – да ради бога! Мне все равно. Не знаю, попросил он меня соврать из-за этого парня или как.

– А вам не показалось странным, что вас просят о таком?

– Я его не расспрашивала. Он просто сказал, что был за рулем пьяный. С тем пареньком я это не связывала. Новости не слушала. По-

твоему, это Бернхард его сшиб? И Сигюрвина убил? У меня в голове не укладывается. Я просто не верю. Не верю, что это он... Бернхард не такой. Он был... не думаю, что он бы такое держал в себе.

Конрауд не знал, что и ответить.

– А вы не помните, он в то время не изменился? – спросил он.

– Изменился?

– Стал более тяжелым в общении? Более мрачным? Более нервным? Стал больше пить?

– Нет. Да только вот лечиться от алкоголизма он пошел именно тогда. Это я помню. Причем буквально ни с того ни с сего.

Конрауд услышал все, что хотел. Он поблагодарил Йоуханну за помощь и подумал: сколько же ему в жизни встречалось женщин, которые говорили неправду и выгораживали своих мужей: оттого, что были созависимы или желали им помочь, или ни о чем не подозревали.

– Да, точно, ее звали Салоуме, – сказала она, беря его за руку. – Я помню, что из Библии что-то. У нее же... ну как там... я же в воскресную школу ходила, должна помнить... Она же его голову на серебряном блюде принесла? Иоанна-то? Это ведь она? Танцовщица? Это ведь ее Салоумеей звали?

Конрауд вышел из квартиры. Это вряд ли могло быть совпадение. Салоуме – редкое имя в Исландии. Она была невестой Хьяльталины. И она же – одноклассница Бернхарда.

– Да, это она, – сказал Конрауд. – Танцовщица, которая поднесла нам Хьяльталину на блюдечке, – пробурчал он себе под нос, закрывая за собой входную дверь.

52

Конрауд снова подъехал к дому Бернхарда и увидел, что его машины на месте нет. Какое-то время он не сводил глаз с этого таунхауса, но ничего не происходило, и он направился к лавке автозапчастей. Приехав туда, он увидел в окне огонек, а перед зданием – машину Бернхарда. Конрауд заглушил мотор. По улице позади лавки через равные промежутки времени проносились автобусы, а в остальном было тихо.

Он попытался осмыслить вновь обнаруженные, ранее не известные ему связи – и они все упирались в Салоуме, невесту Хьяльталины. Откуда она взялась? Какова ее роль на самом деле?

У Салоуме был собственный магазин женской одежды. А как она его приобрела? В разгар экономического кризиса в Исландии самым невероятным людям порой удавалось вдруг разбогатеть, – наверное, она могла принадлежать к этой группе: была прозорлива в финансовых делах и сама смогла купить магазин – за счет собственного экономического чутья и смекалки. Как выяснил Конрауд, ее воспитала мать-одиночка, после школы она не пошла учиться дальше, а начала работать, в основном в торговле. Так она познакомилась с Хьяльталином: в его магазине она работала. Она уже жила с Хьяльталином в то время, когда Сигюрвин пропал. В его деле она была ключевым свидетелем против Хьяльталина, и, сказав в самом начале, что он был у нее, она уже не отступала от того своего показания, что в тот вечер, когда Сигюрвин пропал, Хьяльталин собирался встретиться с каким-то другом «насчет каких-то вин». Хьяльталин настаивал, что она врет, и все же ее показание сочли надежным, и Хьяльталин в конце концов признал, что встречался с Сигюрвином.

Бернхард и Салоуме ходили в одну школу – очевидно, на протяжении всего детства. Как они относились друг к другу? А еще Бернхард знал Сигюрвина: они вместе были в скаутском отряде. Имеет ли он отношение к исчезновению Сигюрвина? Он ли сбил Вилли на Линдаргате?

Конрауд тихо сидел в машине, а вокруг ничего не происходило, только автобусы проезжали мимо каждые двадцать минут с грохотом, удалявшимся во мглу.

Уже перевалило за полночь, когда двери лавки открылись и на пороге показался Бернхард. Он осмотрелся по сторонам в темноте и закурил. У него зазвонил мобильник. Он вынул его из кармана брюк и ответил. Разговор занял некоторое время. Конрауд заметил, что Бернхард качает головой. По окончании разговора Бернхард продолжил курить, стоя на пороге. Он выкинул окурочек, еще раз осмотрелся в темноте, снова зашел в помещение и закрыл за собой дверь. Вскоре Конрауд увидел, как огонек в лавке гаснет – и стал ждать, что Бернхард сейчас выйдет.

Прождав так некоторое время, он заметил, что на улицу въезжает машина. Она медленно проехала мимо него, развернулась и снова проехала мимо. Улица была освещена плохо, и Конрауд не разглядел

водителя. Машина остановилась перед лавкой. Фары погасли. Время шло, но ничего не происходило.

Открылась дверца, водитель вышел и медленно направился к лавке. Это была Салоуме.

Она тщательно осмотрелась по сторонам, словно ожидая, что за ней следят – но Конрауда не заметила. Затем она ускорила шаг. До входа в лавку она добежала уже бегом. Там было не заперто, и она юркнула за дверь.

Через полчаса, пока Конрауд раздумывал, что же ему предпринять, дверь вновь открылась, и Салоуме вышла из лавки. Закрыв за собой дверь, она решительно направилась к своей машине. Конрауд рванулся было выскочить и встать у нее на пути – но не стал. По соседней улице прогрохотал автобус. Салоуме села в машину, зажгла фары – и через миг ее уже след простыл.

Зачем Салоуме приезжала к Бернхарду в лавку так поздно ночью? Чем таким они там занимались? Конрауд пытался сообразить, что происходит. Он в упор смотрел на дверь лавки. Свет там по-прежнему был выключен, и Бернхарда было не видеть.

Конрауд не спускал глаз с дверей, словно ожидал, что Бернхард в любой миг выйдет, сядет в машину и уедет. Но ничего не происходило, и Конрауд, перебрав все варианты действий, наконец вышел из машины и медленно направился к лавке автозапчастей. Во дворе и на рабочем месте Бернхарда царила тишина, везде было темно. Фонаря на здании не было, а на ближайшем фонарном столбе была поломка.

Конрауд подошел ко входу, на миг замялся, а потом взялся за дверную ручку. Дверь была не заперта. Его окутала темнота. И страх перед тем, что таится в этой тьме. Он вспомнил рассказы, где действие происходило в темноте.

Он вошел.

– Бернхард?! – позвал он в темноту.

Ему показалось, будто он услышал слабый шорох.

– Бернхард?!

Тот не отвечал.

– Я знаю, что ты все еще тут, – крикнул Конрауд.

Выключателя он нигде не нашел и на ощупь медленно подошел к прилавку. Он попытался вспомнить по своему первому визиту это место, какая там обстановка. Он помнил стеллажи с запчастями и

свисающие на креплениях с потолка ряды глушителей, бамперов, крыльев.

– Бернхард! – снова позвал Конрауд, но не получил ответа. И снова ему почудился шорох.

– Я знаю, что ты здесь, – крикнул Конрауд. – Я тебя слышу.

Ответа не последовало.

Он зашел за прилавок и встал там. У него не было уверенности, стоит ли заходить дальше. По какой надобности сюда приезжала Салоуме? Почему они встречались после полуночи?

– Бернхард!

Ответа нет.

– Я знаю, что ты знаком с Салоуме. Я знаю, что она сюда к тебе приезжала. Почему ты не хочешь со мной говорить?

Конрауд на ощупь прошел чуть дальше, к окну в глубине помещения. Оттуда исходил слабый свет, но потом он погас.

– Зачем вы с ней встречаетесь? – выкрикнул Конрауд. – Почему погиб Сигюрвин?

Он приблизился к самому окну. Шорох и скрип, который он слышал раньше, теперь стал отчетливее. По обе стороны тянулись темные стеллажи с деталями двигателей. В нос била вонь железа, смазочного масла и резины. Он осторожно и медленно продвигался вперед шаг за шагом, поминутно оглядываясь на дверь: все-таки он был один, совсем беззащитный, окруженный темнотой.

Он услышал, как за домом с шумом мчится последний автобус, и перед тем, как он удалился, его фары на миг осветили сквозь заляпанное оконное стекло самый дальний закуток лавки. Конрауд в изумлении уставился туда.

И снова стало темно.

Неизвестно, сколько он простоял неподвижно на том же месте – но вот снова раздался шорох. Но он исходил не от Бернхарда – а от рваного целлофанового пакета, который прибило ветром к окну, он застрял в щели и при ночном сквозняке бился о стекло.

Шорох этого пакета был последним, что Бернхард слышал в своей жизни. Его тело свисало с крепления в потолке на тонком канате. Он залез на стеллаж, накинул на шею петлю, сделал шаг в пустоту – и теперь пребывал среди деталей, которые сам когда-то достал из старых поломанных машин и разложил по полкам.

Конрауд содрогнулся. Ветер холодными пальцами перебирал целлофан в окне, и в лавке раздавался шорох, словно заупокойная служба по грешным и осужденным.

53

Когда Конрауд наконец подъехал к дому Салоуме, начал падать первый осенний снег. Она жила богато: в просторном особняке в Гардабайре, одна, не замужем, без детей. Из всего дома он видел лишь огромную кухню, куда она пригласила его после препирательств у двери. Конрауд настоял, чтоб его впустили, несмотря на поздний час: ему срочно нужно с ней поговорить, и ждать нельзя. Насчет того, что ждать нельзя, была чистейшая правда. Конрауд уговорил Марту разрешить ему поговорить с Салоуме прежде, чем она сама примется за дело: он напомнил, что она ему обещала. Немного поупиравшись, Марта согласилась, но сказала, что времени ему даст немного.

Марте он позвонил еще в лавке автозапчастей. Вскоре туда уже приехала полиция. Про то, что здесь какое-то серьезное происшествие, пронюхали журналисты, и ночную мглу осветили вспышки фотоаппарата.

Конрауд рассказал Марте все, что знал о взаимоотношениях Бернхарда, Салоуме, Сигюрвина и Хьяльталина, начавшихся еще в школе и в скаутском отряде, и о том, как он напал на след благодаря сестре Вилли, о том, как судьба Вилли привела его к Бернхарду, который в свою очередь дал ему выйти на Салоуме.

– Даю тебе десять минут, – сказала Марта. – И не секундой больше.

И вот – он стоит перед Салоуме – годы спустя после того, как в полицию в один холодный февральский день поступило сообщение о Сигюрвине. Это ее он разыскивал добрую половину из тех лет, что провел на своей работе? Владелицу и сотрудницу магазина моды? Он не знал, какие чувства ему испытывать. Упрекать себя за то, что поиск ответов в этом деле давался ему с таким трудом? А может, чувствовать упоение победой? Он не стал спешить. Он не ощущал ни облегчения, ни радости – скорее, скуку и глубокую печаль.

Время приближалось к трем часам ночи. Салоуме еще не ложилась: сказала, что отлучалась из дому. Она беспокоилась и явно была очень удивлена визитом Конрауда в такое неподходящее время суток. Он сказал, что он только что из лавки автозапчастей Бернхарда – и

заметил, что Салоуме трудно притворяться, будто ничего не происходит.

– Я видел вас около нее, – произнес он.

– Бедняга... а он... с ним все хорошо? – спросила Салоуме. – Вы с ним говорили?

– Насколько я понимаю, вы с ним дружили, – сказал Конрауд, разглядывая плиту с шестью конфорками, двойной холодильник и двухстворчатую печку среди мрамора и полированного дуба.

– В каком смысле дружили?

– Его жена подозревала, что он ей изменяет. И считала, что разрушительница их семейного очага – именно вы. Что вы с Бернхардом творили вместе?

– Я его знала с детства. Он... мы не были любовниками. Это какая-то ошибка.

– Какое отношение он имеет к Сигюрвину?

– Я сама об этом узнала буквально только что, – забеспокоилась Салоуме.

– Так я вам и поверил! – ответил Конрауд. – Что вы с Хьяльталином и Бернхардом замыслили и из-за чего Сигюрвину пришлось погибнуть?

– Хьяльталин? Он тут вообще ни при чем. Да и я тоже. Это... это просто глупость, что вы так считаете. Как вы вообще до такого додумались?

– Тогда что вы делали у Бернхарда среди ночи?

– Он мне позвонил. Сказал, что он у себя в лавке и хочет меня видеть. Просто умолял. Был не в себе. Говорил, что все кончено. Что вы к нему приходили. Я так и не поняла, о чем он. Только знала, что он боится, что у него какой-то шок, и он просит меня о помощи.

– А почему? Почему именно вас?

– В детстве мы были соседями, – ответила Салоуме. – В одном доме жили. И даже на одной площадке. У него семья была неблагополучная. Его папаша... в общем, он сильно злоупотреблял, и Бернхард с сестрой часто жили у нас. У него сестра была, сейчас она умерла. Потом мы вместе в школу пошли, но потом мама переехала в другой район, и мы перестали общаться, я Бернхарда много лет не видела, но однажды после миллениума у нас была встреча одноклассников, и с тех пор он решил поддерживать со мной контакт.

Одно время он жутко пил, но потом завязал. А потом снова запил, стал просто несносным...

– А вы знаете, из-за чего?

– Тогда не знала. Только знала, что ему плохо, что он в депрессии. И лишь сегодня ночью узнала, отчего... почему ему так плохо. И почему ему захотелось со мной общаться. Почему... Это был кошмар! Он мне во всем признался. Я предложила ему поговорить с полицией, и, по-моему, он так и собирался сделать. Прямо завтра. Я вызвалась сходить с ним. Поддержать его. Ему было ужасно плохо. Он вам не рассказывал... о Сигюрвине?

– Мне с ним так и не удалось поговорить, – ответил Конрауд.

– Он уже ушел?

– Ну, можно выразиться и так. Когда вы уехали от него, он решил свести счеты с жизнью.

Салоуме вытаращила глаза.

– Что...

– Бернхарда нет в живых.

– Как?.. Что вы говорите!

– Он повесился в своей лавке.

Салоуме как будто не поняла слов, которые он произнес – и Конрауд понял, что мог бы проявить больше чуткости. Она оперлась на стол, села на стул и все смотрела на Конрауда: непонимающе, вопрошающе, испуганно.

– Я хотел с ним поговорить, – сказал Конрауд. – Но опоздал. Мне очень больно вам это говорить.

– Он... он же собирался рассказать полиции, – недоумевала Салоуме. – Всю правду, без утайки. Он же мне обещал. Он был рад. Рад, что наконец облегчит душу. Ведь он все эти годы жил с этим, а сейчас собрался рассказать, как было на самом деле.

– Что вы сказали, почему он хотел поддерживать с вами контакт? – спросил Конрауд. – По какой-нибудь особой причине? Кроме той, что когда-то вы были знакомы.

– Он хотел быть в курсе, – ответила Салоуме. – Он сам это признавал. Конечно, он знал, что я была с Хьяльталином и оказалась замешана в это дело, а ему хотелось знать, что там творится: расследуют ли это дело до сих пор, связывались ли вы со мной по этому вопросу. Он меня иногда об этом спрашивал. Мол, как дела у

Хьяльталина, с ним ли я сейчас, общаюсь ли с сестрой Сигюрвина. Вот про это все. Теперь я понимаю, что за этим стояло не просто обыкновенное любопытство... Он, бедняга, был совершенно раздавлен. Я помню, он иногда размышлял, что именно там могло произойти, и говорил, что вот так исчезнуть с лица земли значит напрасно погибнуть... Теперь я понимаю, что таким образом он все время просил о помощи.

– Он сознался, что причастен к гибели Сигюрвина?

Салоуме кивнула.

– Он это признал.

– Он совершил это один?

– Их было двое.

– Кто второй?

– Он не захотел мне говорить.

– И они его отвезли на ледник?

– Да, – сказала Салоуме.

– А о Вилли, о молодом парне по имени Вильмер, он что-нибудь говорил?

– Нет, – сказала Салоуме. – Он говорил кое о чем другом, довольно неясном. Что, мол, ему приходилось жить с этим и даже прибегать к крайним мерам, – но он об этом не распространялся.

Салоуме помотала головой.

– Наверное, мне следовало бы это предвидеть. Он позвонил мне в ужасном настроении, но мне показалось, что ему как будто немного полегчало, когда он рассказал мне про Сигюрвина и вознамерился пойти в полицию вместе со мной. На том мы и распрощались. Мне показалось, что ему стало лучше. И вот... и потом он поступил вот так!

– Мне кажется, я нашел останки джипа, сбившего Вилли, – сказал Конрауд. – Они стоят перед лавкой. Отлично спрятанные на самом видном месте. Этот джип все еще там, хотя от него остался один остов, и я задавался вопросом, отчего Бернхард не стал окончательно избавляться от него.

Салоуме смотрела на него, и на ее лице не читалось никакого выражения.

– Про то дело я ничего не знаю. Он только про Сигюрвина рассказывал, – ответила она.

– Но почему ледник? – спросил Конрауд. – Зачем везти труп аж на Лаунгйёкютль? Неужели он не мог найти места получше и попроще?

Судя по всему, у Салоуме ответа не было.

Тут раздались частые звонки в дверь.

– Они пришли, – Конрауд понял, что это Марта с коллегами.

54

Ночью Конрауд снова вернулся к лавке автозапчастей Бернхарда. Ему не хотелось ехать домой спать, он не мог успокоиться. Тело Бернхарда уже увезли, а сотрудники технического отдела завершили свою работу. Возле здания дежурили полицейские: двое сидели в патрульной машине перед лавкой. Тот из них, что постарше, был старым знакомым Конрауда. Они перекинулись парой слов, и этот знакомый без всяких комментариев пропустил Конрауда, когда тот объяснил, что работает над расследованием дела вместе с Мартой.

– А я-то думал, ты уволился давно, – удивился знакомый.

– Мне все покоя нет, – ответил Конауд.

В лавке горел свет, и теперь Конрауду было все видно лучше, чем когда он робко и нерешительно приковылял туда в темноте. Он зашел за прилавок, завернул в крошечную столовую с грязной кофемашиной, столом и всего одним стулом: кроме Бернхарда здесь никто больше не работал. Он заглянул и в контору, которая была еще меньше по размеру, а стол и стул в ней были точно такими же. Там были полки с папками, а на столе валялись отдельные листки, лежали телефон и картридер, стояли монитор и клавиатура с мышью, когда-то давным-давно бывшая белой. Под столом стоял на боку системный блок. На нем спереди мигала зеленая лампочка. В целом контора была неброской. На стене висел календарь, а других украшений интерьера не было. И в столовой, и в конторе пол был покрыт грязным протертым линолеумом.

Конрауд уселся за стол в конторе, полистал всякие ненужные бумаги, распечатки счетов, номеров клиентов, разные комментарии насчет запчастей, выписки из банка. На бумагах были грязные следы от рук Бернхарда, не утруждавшего себя тем, чтоб держать архивы в порядке. Там везде царил хаос.

Конрауд посмотрел по сторонам: папки на полках, старый календарь, обшарпанный линолеум и грязь на всем и повсюду. Все

говорило о том, что торговля автозапчастями не приносила сказочных доходов, – но также и о неопрятности, какой-то обессиленности, как будто было ни к чему содержать вещи в порядке, наводить чистоту, создавать уютную атмосферу. Возможно, Бернхард уже давно махнул рукой на всякое наведение порядка в своей лавке. Может, это случилось в ту пору, когда его жизнь приняла иное направление – более скверное, чем он сам мог себе представить, – и он окончил свои дни здесь, повиснув под потолком на канате.

В столе было два ящика, оба незапертые. В них в основном был хлам: старые телефонные справочники, папка со счетами, выписка из банка. Никаких личных вещей. Ничего, относящегося к жизни самого Бернхарда.

Конрауд включил монитор и нажал кнопку на клавиатуре. Системный блок под столом зажужжал, и вскоре на экране появилось изображение. Оно было другим, чем то, которое он видел, когда заглядывал сюда в прошлый раз. Конрауд стал смотреть на него и гадать, неужели Бернхард и впрямь потратил последние минуты жизни на то, чтоб сменить фон на рабочем столе.

Это была фотография, сделанная много лет назад. Когда ее растянули на весь экран, она сделалась грубой, но в общем осталась четкой. Она была цветной, на ней были мальчишки-ровесники, позировавшие у старого сломанного трактора. Один из мальчишек сидел за рулем, второй – на заднем колесе, а третий стоял возле трактора. Вроде бы снимок был сделан за городом. Небо было голубым, ясным, лица мальчиков лучились радостью. Все трое были одеты в скаутские рубашки, зеленые гольфы и короткие штанишки. Они улыбались в объектив.

Возле каждого мальчишки Бернхард подписал имя.

Сам он сидел за рулем.

Сигюрвин стоял возле трактора.

А третий, сидящий на колесе, был Конрауду мало знаком. Он лишь однажды встречал его – и остался при хорошем впечатлении.

Конрауд смотрел на лицо Бернхарда на фотографии – и понимал, что тот неспроста поставил именно этот снимок на рабочий стол компьютера перед тем, как покончить с собой.

Ночью Конрауд не спал – и это сказалось на нем, когда он наконец сел в машину и выехал из города. После бессонных ночей он как будто терял связь с окружающим миром. А в эту ночь он даже и не пытался заснуть: большую ее часть он провел в отделении полиции с Мартой. Они договорились о том, каким будет следующий шаг. Они предупредили других полицейских.

Конрауд извинился перед Салоуме за то, что ввалился к ней среди ночи с упреками. Она отнеслась к нему с пониманием – хотя он вряд ли заслуживал такого. Марте она дала показания, во всем совпадавшие с тем, что она той ночью поведала Конрауду.

Она повторила то, что сказала ему раньше. Что они с Бернхардом были знакомы в детстве. Что через много лет их жизненные пути вновь сошлись, и он захотел встретиться с ней.

– Я думала об этом, когда мы несколько лет назад увиделись на встрече выпускников, – сказала Салоуме.

– У него тогда все еще была эта жена?

– Да, он сказал, что женат. Но у нас с ним общение было не такое. Мы не были любовниками. Как я уже сказала, ему просто нужно было перед кем-то выговориться. Ему и вправду было плохо. У него как будто развилась какая-то мания преследования. Он никому не доверял и считал, что все вокруг о нем плохо отзываются. Я, конечно, не знала, что его так угнетает. Бернхард был очень скрытный, и, если о чем-то у него поинтересоваться – он сердился и уходил. Перед тем, как пойти лечиться от алкоголизма, он стал очень нервный. Тогда я однажды с ним увиделась, и он буквально сломался. Плакал. А почему – говорить не хотел. А когда он вернулся из клиники, ему стало лучше, но тогда он уже общался со мной меньше. Когда нашли этот труп на леднике, он опять мне позвонил. Хотел обо всем этом поговорить, хотел узнать, не спрашивала ли меня опять полиция, не напали ли они на след, предвидится ли какая-нибудь разгадка.

Салоуме сделала паузу.

– А зачем вы выслеживали Бернхарда? – спросила она потом. – Почему считали, что я с ним как-нибудь сговорила?

– Я выяснил, что вы знакомы, и в свете обстоятельств это сразу показалось мне подозрительным.

– А этот Вилли, о котором вы говорили, – кто он? Бернхард ему что-нибудь сделал?

– Вероятно, – ответил Конрауд. – Но точно мы не знаем.

– А вы думали, что это мы с Бернхардом сделали с Сигюрвином что-то плохое?

– Тут я сплеховал, – признался Конрауд. – Это дело мне все мозги заморочило, и я надеюсь, что скоро все закончится. Надеюсь, что это проклятое дело завершится.

Конрауд не спешил. Он ехал навстречу солнцу, поднимающемуся из-за гор Блауфьётль. Дни сейчас убывали: близилась зима. День будет длиться лишь четыре коротких часа, бессильных полностью развеять ночную мглу.

56

Того человека не было дома. Конрауд сообщил о своем прибытии в местное отделение полиции, согласно договоренности, и на место его сопровождала полицейская машина. Дом стоял на жилой улице у западного берега реки Эльвюсау, за старым мостом. Никто не открыл Конрауду, и он по какому-то наитию спустился к реке и увидел человека, сидящего, свесив ноги с высокого берега. Он как будто узнал его со спины. Он знаком сообщил полиции, что собирается спуститься туда один. Полицейские кивнули ему.

На берегу росли невысокие березки, и мох тянулся до самого уступа, на котором сидел тот человек. Недалеко был американский армейский барак времен Второй мировой войны, весь заросший травой, обращенный своим выкрашенным в серое фасадом к реке. Из реки вздымался живописный скальный столб, словно противостоящий неистовой силе волн. Его верхняя часть поросла травой, а на самом верху возвышалась одинокая ель, казалось, вот-вот готовая свалиться в бурный поток.

Человек на берегу услышал приближение Конрауда и обернулся.

– Значит, вы пришли? – сказал он, словно давно поджидал его.

– Здравствуйте, Лукас, – Конрауд осторожно подошел еще ближе. – Красивое место.

– Иметь у самого порога такую реку совсем не лишне, – сказал Лукас. – Несмотря на холодную погоду, одежды на нем почти не было. Он был небрит, а под глазами хорошо заметны темные круги. У его ног бурлила река.

– Может, я рядом присяду? – спросил Конрауд.

– Пожалуйста, – сказал Лукас. – Я тут часами могу сидеть и смотреть на реку.

– Неудивительно.

– Когда я переехал сюда, то нашел это красивое место и теперь иногда прихожу сюда любоваться видом, и мне здесь нравится. Конечно, надо быть осторожным и знать, где здесь опасно. На самом деле я всегда жутко боялся этой реки. В ней есть какая-то сила, которая притягивает – и ее нужно уважать.

– Эта река такая мощная, – согласился Конрауд.

– Если начистоту, то я вас ждал.

– И очевидно, довольно долго, – заметил Конрауд.

– Конечно. По большому счету, годами и десятилетиями. Я вижу, сейчас вы не один, – сказал Лукас, оборачиваясь на полицейских, стоявших на значительном расстоянии от берега.

– Да, не один.

Конрауд посмотрел, как мутная, ледникового цвета, река неистовствует вокруг скалы, как и бесчисленные тысячелетия до того, как на эту землю ступила нога человека. Ее течение сопровождалось тяжелым рокотом, не удивительным для самой полноводной в стране реки, и Конрауд отлично понял слова Лукаса насчет ее притягательной силы.

– Зачем Сигюрвину нужно было...

– Глупость, – ответил Лукас, словно не желая дослушивать вопрос Конрауда до конца. – Неопытность. Дурость. Глупость. В основном глупость. Она, проклятая.

– Бернхард погиб, – сказал Конрауд.

Лукас стал смотреть в то место, где русло реки сужалось под мостом.

– Погиб?! – он взглянул на Конрауда. – Как?..

– Повесился. В своей лавке автозапчастей.

– Нет... Бедняга Бенни! – простонал Лукас. – Он же... Этому конца нет... И не будет...

– Он больше не смог терпеть, – сказал Конрауд.

– Глупость проклятая, – выругался Лукас.

Они помолчали.

– Он что-нибудь сказал? – поинтересовался Лукас.

– Он направил меня сюда, – ответил Конрауд.

Они еще помолчали.

– Вы не... не возражаете, если мы еще немножко посидим у реки? – спросил Лукас.

– Немного времени у нас еще есть. Не хотите мне рассказать, как это было? Что произошло? И почему?

Лукас молчал.

– Лукас?

– Ах, простите... С чего мне начать?

– Наверное, начнем с того, что вы мне расскажете про Вилли, – предложил Конрауд.

– Вилли?

– Паренька из спорт-бара. Его же Бернхард сбил?

– Его звали Вилли?

– Полное имя – Вильмар, и у него есть сестра, которая захотела узнать, при каких обстоятельствах он погиб.

– Бернхард с ним однажды столкнулся, когда пошел в бар посмотреть футбол. И сразу разнервничался, потому что после того, что мы сделали, он так и не оправился. Он сказал, что тот парнишка его узнал. Он позвонил мне среди ночи и сказал, что парнишка наверняка пойдет в полицию. Я велел ему успокоиться. Но Бернхард был в растрепанных чувствах. Он сказал, что разболтал пареньку свое имя. Он в то время сильно выпивал. Пил все больше и больше, это у него шло по возрастающей, и в конце концов он больше не мог себя контролировать, стал очень нервный, боязливый, и у него развилась какая-то мания преследования.

– Из-за Сигюрвина?

– Да. На нем это плохо сказалось, и с годами ему становилось все хуже и хуже.

– Наверное, он помнил мальчика, которого повстречал у цистерн.

– Это во-первых. Бернхард постоянно думал об этом мальчишке, о том, что тот его видел на Эскьюхлид и что они с ним поговорили. Этот мальчишка у него просто из головы не шел. Он о нем говорил. Боялся его. Конечно, боялся, что все вскроется.

– И когда Вилли вышел из бара, он поехал за ним по пятам? – осведомился Конрауд.

Лукас не ответил, а перевел разговор на другую тему.

– Как он вас сюда направил? – спросил он.

– У него была старая фотография вас двоих с Сигюрвином. А еще он поговорил со своей старой подругой Салоуме и рассказал ей, что сделал.

– Подругой Хьяльталина? Я знал, что они знакомы. Я ведь... Он собирался мне услугу оказать, – сказал Лукас. – Я рад, что это все наконец закончилось. Просто не представляете, каково было с этим жить. С этой вечной игрой в прятки. Со страхом. Опасениями. Кошмарами. Это... Никто не в состоянии поставить себя на место того, кто...

Слова на устах Лукаса постепенно замерли. Конрауду было трудно найти в себе сочувствие к нему.

– Бернхард поехал вслед за Вилли на своем джипе?

– Да.

– И сбил его?

– Да.

На противоположном берегу молодая пара катила детскую коляску. Они на миг остановились, мать склонилась над коляской, посмотрела на ребенка, а потом они продолжили путь, не обращая ни малейшего внимания на Конрауда и Лукаса.

– Значит, он сдержал свое слово.

– Какое?

– Убить того мальчишку, как он грозился, – ответил Конрауд. – Через столько лет.

Лукас в ответ промолчал.

– И потом он бросил пить? – продолжал Конрауд. – Пошел лечиться?

– Да.

– А свой джип он прятал под брезентом во дворе лавки?

– Нет, – ответил Лукас. – Его джип давно разобрали на атомы. Он избавлялся от него по частям, продавая детали, и в конце концов остался один корпус, но я думаю, он и его продал.

Они немного помолчали.

– Почему Сигюрвину пришлось умереть? – спросил Конрауд.

Лукас глубоко вздохнул.

– Мы придурками были, – ответил он. – Мы с Бернхардом. Ничего не умели. Ничего не знали. У Бернхарда возникла эта идея: использовать спасательный отряд, чтоб зашибать большие деньги.

Наркотики с его помощью ввозить. Вот такой у нас был план, но все пошло насмарку.

Они заглянули друг другу в глаза – двое незнакомцев, которых судьба довела до самого края, – и Конрауд почувствовал, что у Лукаса на душе скверно, причем уже давно.

– Наверное, вы знаете, откуда большая часть этой воды, – сказал Конрауд, смотря вверх по течению реки в сторону высокогорья и ледников, думая о злой насмешке судьбы. – С какого ледника течет эта река?

– Конечно, – ответил Лукас. – Знаю, что с Лаунгйёкютля.

– Возможно, это служило вам постоянным напоминанием?

– Да.

– Ведь по ночам вы слышали ее рокот.

57

Лукас смотрел вниз по течению реки туда, где она сворачивала в просторное ущелье под мостом, неутомимо спеша к морю.

– Вы хотите совершить какую-нибудь глупость как Бернхард?

Лукас посмотрел со скального выступа вперед и помотал головой.

– Не беспокойтесь об этом, – сказал он. – Я этой реки всегда до смерти боялся.

– Вы сказали, что ваш план пошел насмарку.

– Ничего из этого не случилось бы, если бы в один прекрасный день мы не встретили Сигюрвина в кино. Не помню, что за фильм там показывали. Помню только, что плохой. Мы Сигюрвина не видели с тех пор, как вместе были в скаутском отряде, и разговорились, и по какой-то причине разговор зашел о спирте, потому что я на торговых судах плавал. Я сказал, что, если он хочет, я могу достать ему водку. У меня были бутылки объемом с галлон, их один мой приятель контрабандой провез, – и одну-две из них я на следующий вечер завез Сигюрвину. Моя цена ему понравилась, и после этого я порой продавал ему эти галлоновые бутылки, если они у меня были, и мы с ним общались и лучше познакомились, и...

– Не припомню у него дома таких бутылок, – сказал Конрауд. Он продолжал искать, что же ускользнуло от него при том, первом расследовании. – И вообще чего-либо, что указывало бы на связь с контрабандистами. Ничегошеньки.

– Да, он вел себя осторожно. По-моему, он водку из этих галлоновых бутылок переливал в обычные. Когда-то он про это говорил.

– А что насчет наркотиков?

– Никто не знал, что мы знакомы с Сигюрвином, – казалось, Лукас спешил наконец рассказать все-все. – Он был единственный среди моих знакомых, у кого водились деньги. Я рассказал ему об этой идее Бернхарда. Насчет того, чтоб задействовать спасотряд. Сигюрвин подумал и сказал, что согласен. Его обуяла жадность. Денег много не бывает, говорил он. Мы сказали ему, что деньги, вложенные в наркотики, можно отбить в двадцатикратном размере. И это чистейшая правда. И что никто никогда не догадается, что он к тому причастен, а если догадается, то он будет все отрицать. И что мы не оставим следа, который можно возвести к нему. Мы с Бернхардом вызвались поехать за счет спасательного отряда в Амстердам. Раньше я ввозил наркотики по мелочи и знал, как с ними поступать. Все шло как по маслу, мы закупили вещества, подложили их в контейнер с товарами, который должны были отправить спасательному отряду в Исландии. Наркотики мы спрятали в двух подержанных снегоскутерах из Германии. Все шло просто отлично – но вдруг Сигюрвин струсил. Сначала он сказал, что не доверяет нам. Что мы его обманываем, что он не силах убедить себя, что это не так. А мы его не обманывали, только он все равно нам не верил. Сейчас мне кажется, что он просто хотел из всего этого устраниться. Свою прибыль он получил, и к тому же мы дали ему еще денег из-за его поведения, и в итоге вышла такая глупость, что мы захотели, чтоб он отдал часть денег назад. Но он об этом и слышать не хотел.

– Недавно мы узнали, что он прятал у себя дома большие суммы. Вы встречались с ним по этому вопросу?

– Они с Бернхардом встречались на Эскьюхлид.

– А до того они там встречались? – спросил Конрауд, вспомнив рассказ Ингвара о внедорожнике у цистерн.

– Да, один раз. Бернхард был автомехаником и часть своей прибыли вложил в лавку автозапчастей. Купил ее у какого-то мужика, потом собирался перепродать и открыть автомастерскую, и еще у него какие-то мечты были, покрупнее. На том контейнере мы много выручили. Мой брат был немного связан с этой средой и помогал нам

распространять те наркотики. Он думал, что мы с Бернхардом провезли их одни. Про Сигюрвина я ему не рассказывал. Вышло так, что мы с Сигюрвином больше не могли разговаривать – сразу начиналось что-то неменяемое. Бернхард решил это уладить, встретился с Сигюрвином на Эскьюхлид и с трудом уломал его вместе поехать в лавку автозапчастей, где их ждал я. И мы должны были помириться. Но мы с Сигюрвином сразу начали ссориться. Сильно поскандалили. Он угрожал все про нас рассказать. Говорил насчет анонимного звонка в полицию. Сказал, что мы нипочем не докажем, что он соучастник. И это ведь было правдой! Мы сами так устроили, чтоб напрямую его с этим не связывать.

– Кто из вас двоих ударил его по голове?

Лукас не сразу ответил ему.

– Сейчас было бы проще всего свалить это на Бернхарда, – наконец проговорил он.

– Конечно, – ответил Конрауд. – Если это вам хоть как-то поможет.

– Я часто думал, надо ли говорить, что это был Бернхард, – на случай, если нас поймают. Спихнуть все на него и посмотреть, вынесут ли мне более мягкий приговор. И сейчас проще всего было бы сказать, что это был Бернхард, но я уже устал от бесконечного вранья. Его ударил я. Дважды.

– Чем?

– Какой-то ерундовиной, которую схватил у него со стола в лавке запчастей.

– Что это была за ерундовина?

– Монтировка. Сигюрвин собирался выходить. А я взорвался. Я... я не совсем был трезв, да и из этих наркотиков кое-что уже употребил, а еще был очень зол.

– И он сразу умер?

– Да. Это не должно было так быть. Я не хотел его убивать, хотел только остановить. Поверите ли вы мне – решайте сами. Это не должно было заходить так далеко.

– Нет, и все же ударов было два, – заметил Конрауд. – Причем очень сильных. Так что у вас явно было твердое намерение.

– Да, – сказал Лукас. – Я... я палку перегнул... Это... Я...

– А куда делась та монтировка?

– Я... Ее Бернхард куда-то убрал. Не знаю куда. Я его не спрашивал.

– С тех пор вы еще занимались контрабандой? – спросил Конрауд.

– Нет.

– А Хьяльталин? Вам было совсем наплевать на то, через что ему пришлось пройти?

– Не наплевать, но что нам оставалось делать? Мы не были под подозрением, мы скрывались. Не признавались, что это мы. Время шло. Расследование никогда не затрагивало нас. Вы двигались в каких-то совершенно других направлениях, и Хьяльталина так и не осудили. И дело повисло. До тех пор, пока его не нашли на леднике.

– Зачем вы отвезли его на ледник?

– Это Бернхард придумал. Он хотел спрятать труп, а на леднике как раз побывал неделю назад. Это было единственное место, которое пришло нам в голову. И хотя мы много в чем там напортачили, оно оказалось подходящим. На все эти годы. Мы понимали, что для того, чтоб Сигюрвина не нашли, нам придется забраться очень высоко на ледник. Это было два дня спустя, или около того, но тут разбушевалась непогода, так что пришлось срочно убираться оттуда, и мы сами потеряли то место, где положили его. Резко потемнело, потом налетел буран и... мы его хотели сбросить в глубокую расщелину, и если бы его нашли, то разбитую голову можно было бы объяснить этим, но...

– Вы взяли его ключи от машины?

– Мы хотели, чтоб все выглядело так, будто Сигюрвин сам потерялся или заблудился на леднике. Когда мы наконец вспомнили про его джип и собрались перегнать туда, то его уже нашли вы. В итоге Сигюрвин окончательно пропал. Если б мы успели перегнать его джип к леднику, то его исчезновению было бы какое-никакое объяснение. Мы знали, что если его машину найдут у ледника, то будут искать на нем, но полагали, что труп найти будет невозможно. Мы собирались так поставить этот джип. Это Бернхард придумал все устроить так, чтоб все думали, что Сигюрвин сам заблудился в горах и погиб. В трещину провалился. Бернхард часто участвовал в поисках пропавших при разных обстоятельствах и утверждал, что это верное дело.

Лукас пожал плечами, словно сдаваясь. Под ними текла река, и Конрауду показалось, что в ее тяжелом рокоте он ощущает мощь ледника. Полицейские медленно подошли еще ближе.

– А потом пошли все эти разговоры про глобальное потепление, про то, что все ледники в мире тают. На тот ледник стало приезжать больше людей, и мы поняли, что кто-нибудь непременно наткнется на Сигюрвина, вопрос только когда. И мы поехали туда, чтоб первыми найти его, но нам не удалось. Мы знали, что рано или поздно он найдется. Мы все время про это знали – и это ужасное чувство! Ждать, что он найдется... Порой это было невыносимо.

– Что вы сделали с ключами от машины?

– Выкинул. Съездил на свалку на Гювюнесе и забросил как можно дальше в мусор.

– Сотрудники спасательного отряда разыскивают человека, которого сами же и потеряли, – сказал Конрауд. – Только не для того, чтоб спасти его жизнь, а для того, чтоб спрятать получше. В этом ведь есть что-то нездоровое? Вы сами не видите?

– Я это вижу в каждом своем кошмарном сне, – сказал Лукас. – И у Бернхарда то же самое...

– Это вовсе не...

– Нам за это никогда не будет прощения, – сказал Лукас и посмотрел на Конрауда. – Это было очень трудно и с этого момента будет только хуже. По-моему, Бернхард это понял.

– Ах вы, бедняжки, – прошептал Конрауд, уставший сдерживать злость.

– Что вы сказали?

Слушая Лукаса, Конрауд уловил в его словах сожаление и раскаяние, смешанные с самооправданием, – но сочувствия к нему не испытал. Он вообще не испытывал к нему никаких чувств, не считая злости. Злости – из-за тех, кто умер по его вине. Злости – из-за тех, кому пришлось плохо. Злости – из-за того, что эти двое так и не явились с повинной и не рассказали всю правду. Злости – из-за того, что преступники затаились и попрятались по норам. Но в основном он был зол из-за того, что Хьяльталин все эти годы твердил, что невиновен, но как будто разговаривал со стеной. Чем дольше Лукас рассказывал, тем больше злился Конрауд. Он смотрел в бурлящую реку и понимал, что его чувства бурлят точно так же. Такого отвращения он не испытывал с тех самых пор, как давным-давно вышел в последний раз от своего отца. И вскоре эти чувства начали нашептывать ему, как легче всего выбить из седла Лукаса.

– А на Хьяльталина вам, значит, было наплевать? – сказал Конрауд, вставая, чтоб завершить разговор. – И на все, что вы ему сделали? Сигюрвин был уже мертв, его вы больше мучить не могли – а Хьяльталин из-за вас прошел сквозь самый настоящий ад. Вы вообще отдаете себе отчет, что ему пришлось вынести? Что вы ему устроили? Как поломали ему всю жизнь?! Как окончательно разбили ее?!

– Да, конечно, да, это... всегда... Да, мы переживали...

Лукас начал с трудом подниматься на ноги, но тут случилось что-то, чего Конрауд толком не успел заметить. Лукас так и недоговорил свою фразу и издал сдавленный крик. Он то ли поскользнулся на камне, то ли у него сорвалась рука. Все произошло молниеносно, и Конрауд увидел испуг в глазах Лукаса, когда тот упал и начал сползать вниз с уступа. Конрауд протянул ему руку, и Лукас ухватился за нее. Не успел Конрауд найти точку опоры, как его едва не утащило вниз вслед за Лукасом. А тот в отчаянии искал спасения, но, схватившись за руку Конрауда, понял, что этого недостаточно.

Конрауд увидел, когда именно он это понял. Увидел в его широко распахнутых глазах, когда именно ему стало ясно, что спасения нет. Что он ухватился за нечто непрочное. Тогда Лукас издал вопль человека, находящегося в смертельной опасности.

Он сорвался в реку. Поток тотчас подхватил его и понес вниз по течению, он гнул его и вертел во все стороны, подгонял вперед, выкидывал на поверхность и тотчас снова бросал на глубину. В мутных волнах Лукас ничего не видел, а ее ледниковый холод сковывал конечности, и когда он пытался кричать от ужаса, легкие заполняла вода. Его вынесло на поверхность, он стал откашливаться. А над ним возвышался скальный столб, стоящий посреди реки, и на фоне неба виднелась ель, наклонявшаяся к нему.

Его снова бросило на дно вниз головой, он ударился о камень, раскинул руки, уцепился было за выступ скалы под водой, но потерял хватку. Он шарил в темноте наугад как безумец, не понимая, находится ли он в бурлящем потоке вверх или вниз головой, – но вот его снова выкинуло на поверхность, он ухватился за камень, и ему удалось немного замедлить свое движение, а потом опора снова выскользнула у него из рук. Он порезался о камни и порвал кожу на пальцах, но снова ухватился за выступ и в этот раз смог там задержаться. Его

бросило на шершавую скальную стену, над ним нависла ель – и он осознал, что его отнесло к скале посреди реки.

Волны без конца бились об него, а он мертвой хваткой вцепился в скалу, и ему удалось чуть-чуть продвинуться вдоль нее туда, где течение было не такое бешеное. Так он и держался за каменную стену исцарапанными онемевшими пальцами, вытянув голову над поверхностью, так что ее постоянно обдавало водой – и в его глазах читалась надежда, что его спасут. Он больше не смел шевельнуться, из страха сорваться, а крепко прижался к камням и попытался сидеть как можно тише.

Конрауд наблюдал его борьбу за жизнь с уступа и понимал, что закончиться это может только одним образом. Ему было трудно представить, чтоб в руках Лукаса от холода еще осталась чувствительность. Он смотрел на это – пока Лукас не разжал руку и не закружился вниз по реке, и в конце концов он скрылся под волнами и больше не показывался на поверхность.

58

Масштабные поиски Лукаса по берегам реки Эльвюсау до самого устья длились много дней, но результата не принесли. Тела так и не нашли, очевидно, его унесло в море.

Конрауд навестил сестру Сигюрвина, а она сказала, что не знакома с теми двумя, убившими ее брата. От Марты она услышала подробный рассказ о том, как Сигюрвина убили в ссоре из-за контрабанды наркотиков. Она сказала, что ничего подобного не знала о своем брате – и горевала, что он влез в «такую чушь», со всеми вытекающими оттуда последствиями. Конрауд долго сидел у сестры Сигюрвина и ощутил, каким облегчением для нее было наконец получить ответы на все вопросы, не дававшие ей покою много лет, – даже если эти ответы прискорбные, – а на прощанье она обняла его и поблагодарила за упорство.

Когда в СМИ утихла буря, вызванная раскрытием этого известного старого дела, и страсти поулеглись, Хердис тайком сходила к Конрауду – тихонько, как и в тот давний вечер, в который она рассказала ему о своем брате Вилли. Они сели в гостиной, и он собрался принести для

них напитков – он решил, что это будет не лишним, – но она отказалась и заявила, что пить не будет.

– Я пытаюсь это сбавлять, – грустно добавила она.

– Молодец, – ответил Конрауд и не стал наливать себе вина.

– Не знаю, посмотрим.

Конрауд поделился с ней своими мыслями о Хьяльталине: как невинного заставили страдать большую часть жизни, несправедливо обвинив в убийстве. То, что Хьяльталин с самого начала решил не говорить всей правды, тоже не способствовало улучшению ситуации. Он убедил самого себя, что если он расскажет все, то еще глубже зароет себя в могилу – а заодно утянет туда с собой и женщину, которую защищал.

– А Вилли? – спросила Хердис.

– Это дело оказалось раскрыто и благодаря ему.

– Это стоило ему жизни, – сказал Хердис.

– Да.

– Этот Бернхард, он... – Хердис не смогла подобрать слов.

– Ему было нехорошо из-за Вилли, – сказал Конрауд. – Это еще одна напрасная смерть. В гибели Сигюрвина он был виновен лишь косвенно. Но он не видел другого пути, кроме как напасть на Вилли. Тайна, которую он носил в себе, сделала его нервным и агрессивным, и в конце концов, свела его в могилу.

– Мне сложно ему посочувствовать, – сказала Хердис.

– Понимаю, что это, наверное, невеликое утешение, но без Вилли это дело никогда не раскрыли бы. Вам надо смотреть на это так.

– Мне это не поможет.

– Ну, может, со временем...

Хердис покачала головой.

– Сколько жизней во всей этой истории загублено зря!

– Наверное, мне не надо было садиться с ним рядом, – задумчиво произнес Конрауд. – Мне надо было сразу же увести его с этого уступа. Я хотел приблизиться к нему осторожно. Думал: а вдруг он...

Он замолк.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Лукас же говорил, что он там все хорошо знает, и реку, и скалы, и что он не наделает глупостей. И что он боится этой реки. Он это не нарочно сделал. И полицейские, которые были со мной, утверждают то же самое: что видели, как он встает, а

потом он вдруг сорвался вниз. Ничто не указывает на то, чтоб он так поступил нарочно. Моя подруга из полиции, Марта, от меня с этим просто не отстает. Она на меня чудовищно сердита. Наверное, ей бы хотелось, чтоб я тоже утонул.

Они надолго замолчали. Каждый думал о своем.

– Мы все это время несправедливо обвиняли Хьяльталину, – произнес наконец Конрауд с нескрываемой горечью. – Вот если бы он дожился до раскрытия дела! Если бы он узнал, что его репутация восстановлена! А сейчас уже поздно. Все эти годы он говорил правду, но ему никто не верил. Никто! В последние дни я думал о том, каково ему было – этому несчастному человеку. Каково ему приходилось все время. Все эти годы, когда он пытался утверждать, что невиновен, а ему не верили. Я думал о том, какую роль сам сыграл в этом. Как я сам обращался с ним. До самого последнего времени, когда он стал неизлечимо болен. Как в системе произошел сбой. Как ошиблись мы.

– Но вы же не знали, правда? – ответила Хердис.

– Да, наверное, нет, – сказал Конрауд. – Но нам следовало бы лучше понимать. Вот в чем суть. Нам следовало бы лучше стараться. Нам следовало бы догадываться.

Когда Хердис ушла, Конрауд какое-то время все еще сидел в гостиной и думал о Лукасе и Хьяльталине и о том, как можно было бы по-другому направить ход расследования, – ведь сейчас он знал, как все было на самом деле. Тишину нарушил громкий звонок телефона. Он посмотрел на часы: уже давно двенадцатый час, – и решил, что это Марта залила за воротник и ей надо кому-нибудь излить душу. Но он ошибся. Это была Эйглоу.

– Прости, что я так поздно, – сказала она. – Я помешала?

– Вовсе нет, – ответил Конрауд.

– Я тут думала насчет того, о чем мы с тобой говорили. Про наших отцов. Общались ли они. Тебе это для чего-то нужно?

– Не знаю, – ответил Конрауд. – Я сам толком не представляю, что мне делать с этой информацией. А ты считаешь, что это надо?

Они оба замолчали.

– Ты и впрямь считаешь, что они снова начали работать вместе? – спросила Эйглоу. – Ты можешь это как-нибудь установить?

– Я знаю, что они познакомились во время войны, когда оба состояли в Обществе психических исследований, – сказал Конрауд. – После нашего с тобой разговора я размышлял, жив ли еще кто-нибудь из этого общества, кто может знать о них что-нибудь – даже то, стали ли они снова видеться. Но, по-моему, их смерти никак не связаны друг с другом. Я не могу вообразить, какова могла бы быть причина этого.

– Нам надо было бы это забыть, – сказала Эйглоу. – Но все же я... мне это не давало покоя... с тех пор, как ты...

– Да, я понимаю.

– Ты мне сообщишь, если соберешься что-то делать с этими сведениями? Если что-нибудь обнаружишь?

– Сообщу.

– Обещаешь?

– Да, конечно.

– Прости, что я так поздно тебя побеспокоила. Мне не надо было звонить. Тебе же плохо.

– Нет, ничего страшного, – ответил Конрауд.

– Почему... что тебя огорчает?

– Мне хорошо. Ничего меня не огорчает.

– Точно?

– Да. Точно.

– Что случилось на этом скальном уступе? – спросила Эйглоу.

– Несчастный случай. Он упал в реку.

– Это было что-то другое.

– Нет, не другое.

– Ну, как хочешь, – запальчиво сказала Эйглоу и попрощалась.

59

Конрауд погладил себя по больной руке, вспомнил слова Эйглоу и еще раз перебрал в памяти все, что произошло на уступе. Он гнал от себя эти мысли, уж больно неприятными они были, но они пробуждались при малейшем поводе. Например, вот сейчас – Эйглоу.

Она была права, каким бы образом ей ни удалось в коротком телефонном разговоре почувствовать, каково у него на душе. Когда он смотрел, как спасательный отряд старательно разыскивает Лукаса в реке, его охватило сожаление, и постепенно в его душе угнездилось чувство вины.

Шли дни, страсти улеглись, и его объяснение всех устраивало. А также свидетельство тех полицейских. А также и показания людей, которые находились на противоположном берегу и видели, как Лукас оступился, а Конрауд изо всех сил пытался его спасти и сам чуть не упал в Эльвюсау. Полицейское начальство ничего не стало предпринимать. Очевидцы видели только то, что при таких необычных и страшных обстоятельствах могло считаться естественным. Конрауд протянул пострадавшему руку помощи.

Но сам Конрауд знал, как все было на самом деле: он сознательно протянул сухую руку, понимая, что от нее проку будет мало. И что это так и останется тайной.

Теперь о том, чтоб он смог уснуть, не могло быть и речи. Он до утра поглаживал сухую руку и ворочался. Пялился в потолок и думал о Вилли, лежащем на улице, о нападении на своего отца у Скотобойни, о тревогах матери, о Полли, рыдающем на холме, о ясновидце Энгильберте и его дочери Эйглоу, о Бернхарде, висящем под потолком в лавке автозапчастей, о том, какой удивленный взгляд был у Лукаса, когда он ухватился за его сухую руку.

О страдании, отразившемся на его лице, когда он заглянул в глаза смерти.

Он представлял себе Хьяльталину в тюрьме. Прозрачно-голубые глаза, глядящие на него с больного лица – словно два оазиса в пустыне. «Если ты его когда-нибудь разыщешь, – сказал на прощание Хьяльталин, – отыграйся на нем хорошенько. Сделаешь это ради меня? Отыграешься на нем за то, что он устроил мне?»

Лишь когда Конрауд наконец заставил себя думать об Эртне, на него снизошел покой. И как иногда, когда ему бывало плохо и он сильно скучал по ней, к нему подкрались чарующие звуки песни «Весна в лесу Вагласкоуг»^[30], и он незаметно провалился в сон без сновидений, вспоминая мягкий песок Нейтхоульсвика и детей, играющих у воды, и поцелуй, пахнущий цветами.

Вилли пришел в сознание, и ему показалось, будто кто-то приближается к нему сквозь метель: медленно, осторожно. Он услышал, как скрипит снег, ему почудилось слабое дыхание. Он приоткрыл глаза: никого, только слепая пурга. Однако он чувствовал, что к нему кто-то подошел, он не один – и от этого становилось легче.

Вскоре он снова очнулся и увидел, что кто-то сел рядом с ним и держит его за руку, и ощутил на своей холодной руке тепло, а лоб ему гладила теплая ладонь.

Он не видел, кто это, но ощущал, как на него нисходит удивительный покой, и ему стало легче от того, что он не одинок, что кто-то присматривает за ним, заботится о нем.

Когда он проснулся снова, то увидел сквозь пургу, что перед ним старушка, живущая на этой улице. Она жалела его и что-то говорила (он не слышал, что именно), и то были слова утешения, которые тронули его, и ему показалось, что все будет хорошо, потому что она будет рядом. Он попытался рассказать ей, кто на него наехал: он на миг увидел, кто был за рулем и узнал того, с кем разговаривал в баре, и это был тот самый человек с Эскьюхлид.

– Мне... холодно, – прошептал он.

Старуха положила его голову себе на колени.

– Тихо, тихо, баю-бай, – сказала она.

Его силы были на исходе. Он слышал как будто в отдалении, что старуха поет припев старой колыбельной.

А потом все смолкло.

– Бедный ребенок, – прошептала старуха. – Бедный мой ребенок...

Примечания

1

Знаменитая в исландской словесности колыбельная Хатлы из пьесы Йоуханна Сигюрйоунссона «Горный Эйвинд» (1912 г.).

[\(<< back\)](#)

2

Большой холм в Рейкьявике, недалеко от центра, поросший лесом. На его вершине стоит теплоцентраль Пертла, основную часть которой составляют резервуары с горячей водой. (В наше время теплоцентраль больше не используется по прямому назначению, а превращена в выставочный центр). В минувшие десятилетия этот холм был пристанищем социальных маргиналов.

[\(<< back\)](#)

3

Лёгга (lögga) – исландское разговорное прозвище полицейских (от *исл.* „lögregla“ – «полиция»).

[\(<< back\)](#)

4

Район на востоке Рейкьявика. В нем находится музей старых домов и две параллельно текущие речки под названием Этлидараур, вокруг которых расположена поросшая лесом долина.

[\(<< back\)](#)

5

Теневой квартал (Skuggahverfi) – участок в центре Рейкьявика к северу от улицы Лейгавегюр около берега моря.

[\(<< back\)](#)

6

Район недалеко от центра Рейкьявика, расположенный на одноименном холме и застроенный в основном маленькими живописными домами начала XX века.

[\(<< back\)](#)

7

Речь идет о географических объектах к югу от Рейкьявика. «Теснина» – прозвище дороги через горный перевал близ города Кверагерди, Стоккэйри и Эйрарбакки – небольшие города на южном побережье.

[\(<< back\)](#)

8

Электростанция на Восточном высокогорье Исландии, строилась в 2002–2006 гг. для выработки электричества на экспорт. Для водохранилища был вырыт гигантский котлован, куда были отведены несколько рек. Строительство этой электростанции считается самым крупным в истории Исландии. Также оно известно тем, что вызвало масштабные протесты экологов в Исландии и за ее пределами и общественное возмущение, связанное с условиями труда строителей электростанции (в основном трудовых мигрантов).

[\(<< back\)](#)

9

Горный массив недалеко от Рейкьявика. На нем находится горнолыжная база.

[<< back](#)

10

Холм и одноименный квартал в центре Рейкьявика.

[<< back](#)

11

Гора, расположенная к северу от Рейкьявика, отделенная от него заливом, хорошо видная из западных и центральных районов города.

[\(<< back\)](#)

12

Район Рейкьявика возле Эскьюхлид.

[<< back](#)

13

Большой луг через дорогу от Хлидар. (Сейчас на нем размещается музей художника Кьярваля).

[<< back](#)

14

Пертла («Жемчужина») – стеклянный купол наверху цистерн, в котором размещается ресторан и смотровая площадка. (Впоследствии так стали называть все это строение.)

[\(<< back\)](#)

15

Городской пляж в Рейкьявике, близ южного склона Эскьюхлид.

[<< back](#)

16

Местность, где расположен внутренний аэропорт Рейкьявика, недалеко от Эскьюхлид.

[\(<< back\)](#)

17

Мыс к западу от Рейкьявика, на котором расположен одноименный городок – сателлит исландской столицы. На оконечности этого мыса расположен маяк Гроутта.

[\(<< back\)](#)

Пригород Рейкьявика.

[<< back](#)

19

Уменьшительное от имени «Конрауд».

[<< back](#)

20

Второй по величине город Исландии, расположенный на севере острова.

[<< back](#)

21

Церковь в Рейкьявике на пересечении улиц Хаутейгсвегюр и Ноатун, год постройки – 1965. Облик у этого здания необычный: в нем причудливо смешались разные стили вплоть до стиля мусульманской средневековой архитектуры.

[\(<< back\)](#)

Строки из песни «Во все концы пути открыты» (Vegir liggja til allra átta) (музыка Сигфуса Халльдоурссона, слова – Индриди Г. Торстейнссона) из фильма «79-й со стоянки» („79 af stöðinni“, 1962 г.). Эта песня по сей день пользуется колоссальной популярностью.

[\(<< back\)](#)

Исландия входила в состав Королевства Дании до 1944 года.

[<< back](#)

Это имя означает «мороз».

[<< back](#)

25

До 1989 года в Исландии был закон, запрещающий продажу пива, призванный предотвратить его распитие на рабочих местах.

[\(<< back\)](#)

Психиатрическая лечебница в Рейкьявике.

[<< back](#)

Квартал к востоку от центра Рейкьявика.

[<< back](#)

28

Первый день лета – традиционный праздник, отмечающийся в Исландии в первый четверг после восемнадцатого апреля.

[\(<< back\)](#)

Сислюманн – представитель высшей административной власти в Исландии.

[\(<< back\)](#)

30

Популярная исландская лирическая песня, 1966 г. (слова – Кристьяун фрау Дьюпалайк, музыка – Йоунас Йоунассон).

[\(<< back\)](#)

FB2 document info

Document ID: ab2f916d-dbfe-4789-b492-f3a4dd857c19

Document version: 1

Document creation date: 27.04.2023

Created using: OoFBTools-2.40 (ExportToFB21), FictionBook Editor
Release 2.6.7 software

OCR Source: текст предоставлен правообладателем

Document authors :

- irul

Document history:

v 1.0 – создание fb2 (irul)

About

This file was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.7.0.

(This book might contain copyrighted material, author of the converter bears no responsibility for it's usage)

Этот файл создан при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.7.0 написанного Lord KiRon.

(Эта книга может содержать материал который защищен авторским правом, автор конвертера не несет ответственности за его использование)

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>